

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Научно-образовательный центр «Византиноведение»**

А. С. МОХОВ

**ВИЗАНТИЙСКАЯ АРМИЯ
В СЕРЕДИНЕ VIII – СЕРЕДИНЕ XI В.:
РАЗВИТИЕ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУР**

**Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2013**

УДК 94(495)
ББК ТЗ(0)4-9
М861

Рецензенты:

В. В. Серов, доктор исторических наук, доцент,
Алтайский государственный университет
В. М. Тюленев, доктор исторических наук, доцент,
Ивановский государственный университет
Н. Д. Барабанов, кандидат исторических наук, доцент,
Волгоградский государственный университет

Мохов, А. С.

М861 Византийская армия в середине VIII — середине IX в.: развитие военно-административных структур / А. С. Мохов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 278 с.

ISBN 978-5-7996-1035-7

Книга посвящена исследованию организационной структуры византийских вооруженных сил в первое столетие существования «фемной системы». Автором рассматривается эволюция основных компонентов военно-административной системы Византии в середине VIII – середине IX в.: фемных стратиотских ополчений и регулярных тагм. В монографии особое внимание уделено военным преобразованиям императоров-иконоборцев Льва III и Константина V, а также процессу постепенной трансформации фемных воинских формирований в регулярные контингенты.

Книга предназначена историкам-византинистам и специалистам по военной истории Средневековья, а также всем, кто интересуется историей Византийской империи.

УДК 94(495)
ББК ТЗ(0)4-9

ISBN 978-5-7996-1035-7

© А. С. Мохов, 2013

*Памяти Ивана Мохова,
солдата Великой Отечественной войны*

ВВЕДЕНИЕ

В современной исторической науке преобладает представление о византийской цивилизации как об уникальном явлении средневековой эпохи. Историками-медиевистами особо подчеркивается роль Византии как «хранительницы» античного наследия, оказавшей большое влияние на формирование культурных, правовых и социальных основ цивилизации латинского Запада. Значение византийского исторического опыта для славянских государств признается еще более значимым, так как контакты империи с этими странами распространялись также на государственно-политическую и религиозную сферу. В связи с этим интерес к «византийскому наследию» — памятникам литературы, религиозной философии, искусства, архитектуры — постоянно возрастает как в нашей стране, так и за рубежом.

В отличие от выдающихся культурных достижений византийской цивилизации военно-политическая история Византии столь пристально-го интереса не вызывает. Еще во второй половине XVIII в. европейскими историками было сформулировано несколько разрозненных тезисов, которые до настоящего времени подменяют в массовом сознании целостную концепцию развития византийских вооруженных сил. В качестве примера можно привести слова российского юриста В. М. Грибовского, последователя историко-философских концепций британских историков Э. Гиббона и У. Лекки: «Прежде могущественная, страшная врагам империя... начиная с шестого столетия принуждается к позорной, по то-

гдашним понятиям, оборонительной политике. Но и с этой стороны Византии не хватало достаточной силы к сопротивлению. Славяне подступали к самым стенам столицы; персы и арабы отнимали на востоке одну провинцию за другой и издевались над византийскими, по большей части наемными, легионами»¹.

В этих трех фразах автор сконцентрировал всю тысячелетнюю военную историю Византии, перечислил все главные, по его мнению, характерные черты этой истории: империя постоянно вела позорные оборонительные войны, она регулярно терпела поражения, военные неудачи приводили к сокращению территории Византии. Еще один, немаловажный, аспект присутствует у В. М. Грибовского опосредованно, но в сочинениях других авторов он раскрывается весьма подробно. Речь идет о наемниках, которых Византия набирала «не умея и не желая защищать себя самостоятельно». Пока у Константинополя были деньги для оплаты воинов-иноземцев, империя существовала. Когда финансовые средства иссякли – наемные войска исчезли, и Византия пала². Завершая эту абсурдную историческую «конструкцию», вполне логичным было объявить все культурные достижения византийской цивилизации также заслугой наемников. Ведь если бы иностранные войска не сдерживали натиск агрессивных соседей империи, то «изнеженные греки» не построили бы храмов Константинополя и Фессалоники, не создали бы мозаик Νέα Μονή, не существовало бы литературного наследия Константина Багрянородного, Симеона Метафраста и Михаила Пселла...

Характерно, что приведенная выше концепция все-таки имеет одну «точку пересечения» с реальной военной историей Византии. Действительно, непрерывные войны продолжались на протяжении всей тысячелетней истории империи. С одной стороны, это было обусловлено главным принципом византийской внешнеполитической доктрины. Новый Рим (Византия) считал себя единственным законным наследником Древнего Рима. Поэтому все территории, когда-либо подчинявшиеся римским императорам, должны были возвратиться под власть Константинополя. С другой стороны, территория Византии ре-

гулярно подвергалась нападениям соседних государств, племен и народов. Империя десятилетиями, чередуя оборонительные и наступательные боевые действия, вела войны с несколькими противниками одновременно.

Византия унаследовала колоссальный военный опыт античной цивилизации, аккумулированный в военно-теоретических сочинениях и наставлениях по тактике. Важнейшее достижение византийского военного искусства VI–XI вв. состояло в творческом осмыслении и существенном дополнении античных военных доктрин, значительном развитии военных технологий и фортификации. Очевидно, что в сфере военного искусства роль Византии не ограничивалась только «сохранением и трансляцией» античной военной науки. Она обогатила ее своим, не менее масштабным, боевым опытом.

В VI–XI вв. Византия являлась единственным европейским государством, имевшим четко сформулированную военно-политическую доктрину. Военные трактаты средневизантийского периода свидетельствуют о применении во время глобальных военных конфликтов таких стратегических приемов, как война на истощение ресурсов противника, борьба за контроль над важнейшими коммуникациями, ведение комбинированных военных действий сухопутными и военно-морскими силами. Государства Западной Европы сумели достичь подобного уровня развития военной науки только в XIV–XV вв. Характерно, что именно в это время на Западе стали весьма популярны византийские военные наставления, из которых заимствовались многие рекомендации в сфере военно-государственного строительства³.

От античного мира Византия получила не только передовую военную науку. Ранняя Византия унаследовала от Позднего Рима не имевшую аналогов военную систему. В IV–V вв. Римская империя располагала развитой военно-организационной структурой, для которой были характерны различные способы комплектования и эффективная система снабжения вооруженных сил. Данная система создавалась несколько веков и, с организационной точки зрения, являлась очень сложной.

Для ее поддержания в дееспособном состоянии требовались огромные финансовые и материальные ресурсы.

Варварские вторжения сыграли роль мощного дестабилизирующего фактора, под воздействием которого военно-административные структуры Западной Римской империи оказались разрушены. Римско-византийская военная система выдержала варварский натиск, но ее сохранение в прежнем виде стало невозможным. В VI–VII вв. организационная структура византийской армии значительно упростилась. Неэффективные и чрезмерно затратные компоненты военной системы были ликвидированы, что позволило направить необходимые ресурсы на сохранение наиболее боеспособной части регулярных войск. Следует согласиться с мнением американского византиниста У. Тредголда: «Если бы императоры VII в. отказались от сокращения вооруженных сил или оставили военные расходы на прежнем уровне, то Восточная империя повторила бы судьбу Западной»⁴.

Одновременно с попытками преодоления кризиса путем упрощения чрезмерно сложной и дорогостоящей государственно-политической системы в вооруженных силах началось формирование крупных иррегулярных воинских контингентов. Необходимо отметить, что отказ от традиционного регулярного способа комплектования армии и его замена на военную повинность для части населения империи являлись существенным отступлением от позднеантичных военных традиций. Тем не менее, именно организация провинциальных ополчений позволила Византии избежать внешнеполитического разгрома во второй половине VII в.

Трансформация римско-византийских военных структур завершилась к середине VIII в. Новая военно-административная система Византийской империи, получившая в историографии название «фемной системы», представляла собой организационную структуру, состоявшую из множества макро- и микроструктурных компонентов. Исследование столь сложных, нехарактерных для периода Средневековья, военно-административных систем является важной и актуальной научной задачей. Несмотря на то, что современная историография окончательно от-

казалась от теорий «тысячелетнего вырождения и упадка» византийской цивилизации, эти несостоятельные концепции по-прежнему находят себе место в научных трудах по истории византийского государства и армии. В связи с этим изучение вооруженных сил – наиболее консервативного государственного института – приобретает особую значимость. Способность военно-административных структур к изменениям (реформам) является важным доказательством эволюционного развития, а не стагнации византийской государственно-политической системы.

Данное исследование посвящено развитию военно-административных структур византийской армии в середине VIII – середине IX в., происходившему под воздействием различных внутри- и внешнеполитических факторов. Выбор указанных хронологических рамок обусловлен тем, что к середине VIII в. полностью завершилось формирование военных и гражданских структур управления в пяти крупных провинциях (фемах), расположенных в Малой Азии и на юго-востоке Балканского полуострова (Опсикий, Анатолик, Армениак, Фракий, Фракия). За последующее столетие «фемная система» охватила всю территорию Византии, и вплоть до середины XI в. фемы являлись основным элементом военно-административной системы империи.

Сформулировав основную цель и хронологические рамки исследования, обратимся к характеристике исторических источников, которые использовались в данной работе: нарративных, документальных и сфрагистических.

Из повествовательных источников наиболее подробно военно-политическая история VII–IX вв. освещена в византийских исторических сочинениях. Среди этой группы нарративных текстов особое место занимает «Хронография» Феофана, которая охватывает период с 284 по 814 г.⁵ В данной исторической хронике содержатся уникальные сведения о начальном этапе формировании «фемной системы». Помимо этого, Феофан уделял большое внимание войнам Византии с персами, арабами и болгарами. Несмотря на субъективное и весьма критическое отношение автора к императорам-иконоборцам из династии Исавров, хроника Феофана позволяет проследить основные направления военной полити-

ки Льва III и Константина V. Отметим также, что помимо сочинения Феофана ценные сведения по военно-политической истории первого иконоборческого периода сохранились в «Краткой истории» константинопольского патриарха Никифора⁶.

Важнейшим источником для исследования византийской военно-административной системы является сочинение Иоанна Скилицы «Обозрение историй», в котором описаны события 811–1057 гг.⁷ Внешней политике империи этот автор уделял самое пристальное внимание. Он упоминал даже о незначительных конфликтах с соседними государствами, стараясь описывать ход боевых действий подробно и беспристрастно. Уникальными являются сведения Скилицы о составе императорских войск (названия фем, наименования тагм), о военачальниках византийской армии (имена, титулы, должности). Следует отметить, что многие факты, упомянутые в «Обозрении историй», подтверждаются данными документальных источников и сфрагистики.

Ценные сведения о военной политике императоров Аморийской и Македонской династий сохранились в исторических сочинениях Продолжателя Феофана, Иосифа Генесия и Симеона Логофета⁸. Определенный интерес для исследования военно-административных структур византийской армии представляют также компилятивные «всемирные хроники» Георгия Кедрина и Иоанна Зонары, составленные в XII в.⁹

Помимо византийских повествовательных текстов, в монографии использовались иностранные исторические сочинения. Наиболее ценные сведения об императорской армии, об арабо-византийских войнах сохранились в произведениях арабских историков и географов IX–X вв.¹⁰ Уникальным источником, содержащим многочисленные свидетельства о боевых действиях на Востоке, является всемирно-историческая хроника Михаила Сирийца¹¹. Кроме того, разрозненные сведения по интересующей нас тематике содержатся в армянских и латинских источниках¹².

Особую группу нарративных источников составляют византийские военные трактаты. Наибольшее значение для нашего исследования имеют «Стратегикон» Маврикия и «Тактика Льва»¹³. Определенный ин-

терес представляют также наставления по тактике, написанные в более позднее время: «Стратегика императора Никифора», *De velitatione bellica* и *De castrametatione*. Данные тексты не только фиксируют изменения в стратегии и тактике византийских войск. Они содержат важную информацию о преобразованиях в военной сфере, позволяют проследить эволюцию военно-административных структур¹⁴.

Разнообразные данные об организации крупных военных походов в середине IX – первой половине X в., а также о регулярных формированиях императорской армии содержатся в «Книге церемоний» Константина VII Багрянородного¹⁵. Следует также упомянуть трактаты «О фемах» и «Об управлении империей», автором которых являлся Константин VII¹⁶.

Уникальные сведения о византийской армии VII–IX вв. можно почерпнуть из агиографических сочинений. В работе нами использовались «Житие св. Феодора Сикеота», «Житие св. Евдокима», «Сказания о 42 Аморийских мучениках» и другие агиографические тексты¹⁷.

Следующую группу письменных источников составляют документальные источники IX–X вв. Наибольший интерес среди них представляют тактикины – специальные трактаты, содержащие списки должностных лиц военного, гражданского и придворного ведомств, принимавших участие в торжественных приемах при византийском императорском дворе. До нашего времени сохранилось четыре тактикана: «Тактикон Успенского» (842–843), «Клеторология» Филофея (899), «Тактикон Бенешевича» (934/944) и «Тактикон Икономидиса» (971–975)¹⁸. В каждом из этих уникальных документов зафиксирован определенный этап развития византийской армии и провинциальных военно-административных структур.

Среди документальных источников необходимо специально выделить тексты, происходившие из императорской канцелярии и других органов государственной власти. До нашего времени дошло незначительное количество официальных документов VIII–IX вв. Однако на основании сохранившихся текстов можно утверждать, что вооруженным силам в них уделялось самое значительное внимание¹⁹.

Наиболее массовой группой византийских источников VI–X вв. являются свинцовые печати (моливдовулы), которые использовались для опечатывания официальной и частной корреспонденции. Уникальность печати как исторического источника состоит в том, что в легенде моливдовула, помимо имени владельца, зачастую упоминался его патроним, титул, должность и место службы (фема, армейское подразделение, гражданское ведомство). В сочетании со свидетельствами нарративных источников данные сфрагистики позволяют составлять *cursus honorum* военачальников, списки правителей и должностных лиц византийских фем, выявлять изменения, происходившие в центральной и провинциальной администрации империи. На основании сфрагистических материалов может быть определено и достаточно точно датировано появление новых командных должностей и войсковых подразделений²⁰.

В настоящее время известно более 70 тыс. византийских печатей, которые находятся в собраниях музеев и частных коллекциях России, США, Швейцарии, Болгарии, Франции, Австрии и других стран²¹. Ежегодно в научный оборот вводится более 300 новых моливдовулов.

В качестве «вторичного» источника нами использовалась просопографическая база данных «Просопография средневизантийской эпохи» (PmbZ), которая представляет собой незаменимый инструментарий для проведения исследований по военно-административной истории Византии²². PmbZ содержит сведения о 12 тыс. персоналий, позволяет получить доступ к источниковой информации об отдельных людях, семьях, кланах, проследить историю возникновения военных должностей, придворных титулов. С помощью полученных данных появляется возможность составления *cursus honorum* военачальников, политических и церковных деятелей, изучения истории отдельных воинских контингентов и ведомств гражданского управления.

Таким образом, количество источников по военно-политической истории Византии середины VIII – середины IX в. велико и типологически разнообразно. Различные по времени возникновения, степени достоверности, этнической и религиозной принадлежности письменные источники позволяют провести комплексное исследование развития во-

енно-административной системы византийских вооруженных сил в указанный период. Сфрагистические источники существенно дополняют данные исторических хроник, а в некоторых случаях являются уникальными памятниками византийской военной истории.

Исследованию военно-административных структур византийской армии VII–X вв. посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных византинистов. В связи с большим числом научных публикаций по данной тематике историография рассматривается нами в отдельной главе книги (Глава 1).

Необходимо отметить, что в рамках историографического обзора специальное внимание следует обратить на рассмотрение проблем континуитета и дисконтинуитета военно-административных систем Поздней Римской и Византийской империй. Кроме этого, следует сопоставить результаты дискуссии о формировании «фемной системы» с итогами научной полемики по проблеме возникновения стратиотского землевладения.

По нашему мнению, современное состояние источников и историографии позволяет решить ряд конкретно-исторических задач, которые до настоящего времени не являлись предметом специального изучения. Несомненно, что основную роль в оборонительных войнах против арабов и болгар играли стратиотские ополчения фем, и вторую половину VII – первую половину VIII в. следует считать временем их наивысшего развития. Тем не менее, наиболее боеспособными частями императорской армии оставались регулярные подразделения, сохранившиеся с ранневизантийского времени.

Переход византийских вооруженных сил на иррегулярный способ комплектования был своевременной, но вынужденной мерой. Преодоление последствий военно-политического кризиса второй половины VII в. позволило императорам из династии Исавров направить значительные финансовые и материальные ресурсы на восстановление численности регулярных войск. В связи с этим необходимо исследовать эволюцию организационных структур регулярных формирований, а также установить соотношение между иррегулярными и постоянными контингентами императорской армии в середине VIII – середине IX в.

ГЛАВА 1

ИСТОРИОГРАФИЯ

ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУР

ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (VII – СЕРЕДИНА IX В.)

Военная теория и военная терминология в исследованиях по истории византийской армии

Характеристика армии любого государства – древнего или современного – предусматривает, в первую очередь, определение ее типологической принадлежности. Существенными признаками, которые позволяют отнести вооруженные силы того или иного государства к определенному типу, являются: система военной организации, способ комплектования и форма материального (тылового) обеспечения. Несмотря на огромный военный опыт, накопленный человечеством, известны только две принципиально отличающиеся друг от друга системы военной организации – постоянная и иррегулярная. Однако исторических примеров, когда военная система страны состояла бы только из постоянных или иррегулярных военно-организационных единиц, очень мало. Для большинства древних, средневековых и современных государств характерна смешанная система военной организации, включающая в себя компоненты первых двух систем.

Способов комплектования вооруженных сил известно значительно больше: милиционный, наемный, добровольческий, регулярный, массовый, кадровый. Как правило, для каждой исторической эпохи характерны свои способы комплектования армий. Организационные принципы тылового обеспечения вооруженных сил также весьма разнообразны. Однако большинство из них появились только в XX в., а для средневе-

ковой эпохи известны две формы материального обеспечения военных контингентов – централизованная (через государственные структуры) и децентрализованная (войско обеспечивает себя самостоятельно).

Для вооруженных сил Византийской империи VIII–XI вв. характерна смешанная система военной организации, централизованная форма материального обеспечения, а также милиционный, регулярный и наемный способы комплектования воинских контингентов. Несмотря на то, что типологическая характеристика византийской армии на протяжении нескольких столетий оставалась неизменной, военно-административные структуры империи неоднократно реформировались или подвергались значительной трансформации под воздействием различных внутри- и внешнеполитических факторов. Прежде чем рассматривать основные этапы эволюции данных структур, следует обратиться к нескольким принципиально важным, на наш взгляд, вопросам.

В большинстве специальных работ по военной истории Византии VII–XI вв. предметом исследования являются не организационные структуры вооруженных сил или провинциального управления, а социальные группы, связанные со службой в армии и провинциальной администрации. Десятки фундаментальных трудов посвящены, например, проблеме стратиотского землевладения, юридическому статусу военнослужащих, многочисленным сюжетам, связанным с «социальной историей»¹. Вне всякого сомнения, изучение данных проблем является необходимым. Однако преобладание социально-экономической и юридической тематики отодвигает на второй план главную проблему – проблему эволюции организационных структур.

В любой военной системе главную роль играют люди: именно они сражаются, осуществляют руководство, обеспечивают воинские формирования необходимыми ресурсами. Иными словами, люди – это одновременно самая сильная и самая слабая часть любого войска. С древнейших времен известна очень простая истина: для победы в войне необходим хорошо подготовленный, обеспеченный всем необходимым и вооруженный качественным современным оружием солдат. Однако победу в войне или сражении одерживает не отдельный воин,

победы добиваются организационные структуры. Чем они эффективнее, тем больше возможностей для реализации потенциала каждого солдата или командира. Архаичные или слишком сложные организационные структуры могут привести государство к военной катастрофе. По словам русского военного теоретика А. В. Геруа, «военная организация не может претендовать на существование, раз не отвечает общим политическим условиям данной страны и эпохи»². Для того, чтобы вооруженные силы соответствовали экономическим и социальным возможностям государства, проводятся военные реформы.

При проведении военной реформы, в первую очередь, создаются новые или серьезно видоизменяются старые организационные структуры. Потом эти структуры наполняются людьми (определяется способ комплектования воинских формирований), материальными ресурсами и вооружением (определяются формы снабжения войск). В древности и Средневековье организационные структуры были достаточно консервативны. История почти не знает примеров, когда вооруженные силы одной страны на протяжении короткого промежутка времени могли бы с одинаковой эффективностью вести наступательные и оборонительные войны. По сути, каждая военная система в эти исторические эпохи создавалась либо как оборонительная, либо как наступательная. Изменение внешнеполитического курса государства, как правило, приводило к необходимости модернизации военно-организационных структур.

Еще раз обратим внимание на то, что преобразование организационных структур является отправной точкой и ключевым моментом любой военно-административной реформы. Наполнение их людьми и ресурсами – задача крайне важная, но вторичная. В истории известны немногочисленные случаи, когда события развивались в обратном порядке: сначала появлялись значительные военные ресурсы (человеческие и материальные), а потом для их эффективного применения формировались организационные структуры. Речь идет о т. н. революционных армиях (войско парламента в Англии в середине XVII в., «армия колонистов» в период Войны за независимость в Северной Америке

и пр.). Однако очень быстро организационные структуры «революционных армий» приводились в соответствие с традиционной военной системой. Как правило, это происходило после первых поражений и осознания того, что масса готовых воевать за определенные идейные или религиозные установки людей должна иметь четкую организационную структуру.

С учетом вышесказанного отметим, что византийские вооруженные силы VII–XI вв. должны рассматриваться, прежде всего, как сложная организационная структура. За несколько столетий существования она прошла через несколько кризисов, неоднократно реформировалась, подвергалась частичной модернизации. Вопросы, связанные со стратотским землевладением или социальным статусом военнотружущих императорской армии, вне всякого сомнения, важны. Однако изучение данных вопросов должно лишь способствовать разностороннему исследованию главной проблемы – эволюции византийской военно-административной системы. Иная постановка проблемы будет, как минимум, противоречить военно-историческому опыту, накопленному человечеством.

До середины XIX в. военно-административная система Византии особого внимания историков не привлекала. Только в трудах по военной истории Средневековья содержались краткие очерки, посвященные византийскому военному искусству. Проблемам, связанным с эволюцией французской, британской или российской военных систем в Средние века, уделялось гораздо большее внимание. История же Восточной Римской империи воспринималась как «история тысячелетней деградации и упадка». Подобное отношение к Византии сформировалось в историографии под влиянием трудов деятелей французского Просвещения и английского историка Эдварда Гиббона³. В XIX в., несмотря на формирование и быстрое развитие византиноведения как самостоятельного направления медиевистики, аналогичные суждения о византийской цивилизации продолжали оставаться *locus communis* в исторической литературе. Например, У. Э. Лекки писал: «Из того приговора истории, которого заслуживает Византийская империя, следует упомянуть, что она

составляла, без единственного исключения, наиболее полную низкую и презренную форму, которую все же приняла цивилизация. Не было никакой другой стабильной цивилизации, столь полностью лишенной любых форм и элементов величия... история империи является монотонной историей интриг священников, евнухов и женщин, отравлений, заговоров и неблагодарности»⁴. Следует отметить, что восприятие истории византийского государства как «длительного регрессивного процесса» характерно и для некоторых современных исследователей⁵.

В обобщающих работах по истории средневекового военного искусства Византии традиционно отводилось незначительное место. Как правило, авторы ограничивались констатацией следующих постулатов: на протяжении всей византийской истории армия была слаба, военное искусство империи постепенно деградировало, а немногочисленные попытки исправить положение оказывались неудачными⁶. Из специальной литературы эти положения были заимствованы в учебные пособия для военных училищ и академий, а также представлены в военных энциклопедиях и справочниках. Позволим себе привести несколько цитат: «В Восточной империи, после падения Западной, изнеженные и развращенные римляне могли выставять лишь сравнительно незначительные силы. Лучшим и надежнейшим войском считалась наемная конница, которая обыкновенно решала участь битв»⁷; «Византийские императоры Лев VI, Константин Порфирородный и Никифор Фока написали ряд регламентов о формировании войск и упражнении их, а также – как поступать в различных случаях войны; но дела не поправили: пехота дошла до положения бесполезного обоза. <...> Самостоятельно действовала лишь кавалерия, а пехоту она таскала за собою, как бесполезную ношу»⁸; «В Византии военное искусство постепенно приходило в упадок: развращенность администрации привела к ухудшению состояния войск и к упадку воинской доблести; тактическое искусство основано было только на метательном бое, пехота обратилась как бы в прикрытие метательных машин, употреблявшихся в большом числе, конница и та, главным образом, действовала метательным оружием, а византийские полководцы не

решались принимать сражения в открытом поле. Вообще стратегическое искусство утратило главное средство для решения участи войны – решительный бой – и заключалось в маневрах, и разных ухищрениях и страгемах... Византия отжила свой век и хотя существовала до половины XV в., но более благодаря своей политике, нежели искусству в ведении войн»⁹.

Следует отметить, что военных историков и теоретиков, прежде всего, интересовали вопросы, связанные с тактикой, различными способами боевого построения, организацией военного похода и вооружением византийских войск. Основными источниками, на которые опирались историки военного искусства, были «Стратегикон» Маврикия¹⁰, «Тактика Льва»¹¹ и, отчасти, «Стратегика императора Никифора»¹². Именно на основании этих текстов они «реконструировали» боевые порядки императорских войск, прослеживали «постепенную деградацию» византийской военной системы и пр. Например, Г. Дельбрюк писал: «Маврикий, со свойственным ему доктринерским направлением ума, пробовал при- дать диким бандам наемников определенную военную организацию, и по возможности действительно вербовал их у себя в стране, а не за рубежом»¹³. При этом под «военной организацией» немецкий исследователь подразумевал поддержание жесткой дисциплины, одинакового численного состава боевых подразделений и унификацию вооружения у кавалеристов. Существование в византийской армии пехотных контингентов Г. Дельбрюк категорически отвергал. За отрицание своего постулата «пехоты не существовало» он достаточно жестко критиковал сэра Чарльза Омана, хотя и признавал «образцовой» предложенную знаменитым британским военным историком «реконструкцию византийской кавалерийской турмы» на основании данных «Тактики Льва» и *Praecepta militaria* Никифора Фоки¹⁴.

Образ Византии, как слабого и беспомощного государства, которое было не в состоянии защитить себя от многочисленных врагов, постепенно укоренился не только в исследованиях по истории военного искусства. В художественной литературе, публицистике, даже в общественном сознании представления о Новом Риме сводились к достаточно

простой схеме – «изнеженные и развращенные» греки не могли и не хотели защищать себя от варваров, они набирали для этого наемные войска. Пока империя была в состоянии содержать многочисленные иноземные военные силы, она отбивалась от внешних врагов; когда же внутренние ресурсы государства иссякли, турки без особого труда сокрушили Византию. Показательно, что мнение о Византии, высказанное, например, профессором Николаевской Академии генерального штаба Н. А. Орловым¹⁵, по сути, мало отличается от слов философа В. В. Розанова¹⁶.

Следует отметить, что военно-историческая наука XIX в. была чрезвычайно консервативна и элитарна. Это привело к тому, что уже к середине столетия наметился значительный отрыв военно-теоретических построений от реальной боевой практики. Военная теория продолжала медленно эволюционировать в направлении, избранном еще в XVII – первой половине XVIII в. Русский военный теоретик Н. П. Михневич писал: «Военная история подразумевает, что человек, как элемент комплектования армии, оружие и известные взгляды на военное дело определяют состояние военного искусства данной эпохи. <...> Основные положения военного искусства (принципы) во все эпохи были одни и те же, только применение их изменялось, в зависимости от разнообразных условий»¹⁷. Михневич и его единомышленники, не только в России, но и в других европейских государствах, продолжали создавать многочисленные труды по тактике, наставления по обучению войск, инструкции об организации больших военных походов и пр. При этом постоянно подчеркивалось, что опыт предыдущих поколений военачальников необходимо изучать, этот опыт бесценен и может оказаться востребованным в любое время. Тот же Н. П. Михневич во введении к книге «История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия» цитировал Наполеона: «Читайте и перечитывайте кампании Александра, Аннибала, Цесаря, Густава Адольфа, Тюренны, Фридриха и образуйтесь по ним; это – единственный способ сделаться полководцем и постигнуть тайны военного искусства»¹⁸. Действительно, военные теоретики продолжали мыслить категориями «наполеоновской

эпохи» – эпохи регулярных армий Нового времени, основанных на централизованной системе организации, управления и снабжения войск, типовом вооружении, типовом способе комплектования, типовом порядке прохождения службы и т. д.

Однако во второй половине XIX в. в большинстве индустриально развитых государств происходит переход к т. н. массовым армиям. В связи с этим кардинальным образом меняется не только система организации вооруженных сил, но также стратегия и тактика ведения военных действий. Основными отличительными чертами массовых армий индустриальной эпохи являлись: 1) всеобщая воинская повинность, обеспечивающая почти неисчерпаемую возможность пополнения воинских формирований человеческими ресурсами; 2) организация вооруженных сил по территориальному принципу (военные округа); 3) централизованная система материального снабжения и тылового обеспечения войск¹⁹. К концу XIX столетия в России, Германии, Франции, Великобритании, США, Италии, Австро-Венгрии, Османской империи и других странах были проведены военные реформы, в ходе которых были сформированы массовые национальные армии²⁰.

Стремительные изменения в организационных структурах вооруженных сил еще более усугубили кризис военно-теоретической и военно-исторической науки. Накопленный за столетия боевой опыт, включавший опыт «Величайшего Мастера», ничем не помог генералам Второй империи во время франко-прусской войны 1870–1871 гг.²¹ Констатируя кризис военной науки, генерал-лейтенант Н. А. Орлов писал: «В настоящее время вокруг нас – все еще мертвая зыбь, оставленная высокой волной наполеоновского военного искусства, но наступит момент, когда родится новая волна, и понесет нас все выше. И никто не знает – далеко ли от нас это время или оно уже близко»²².

В разных странах военные теоретики начали поиск исторических аналогий, а именно – военных систем, которые по своим принципиальным характеристикам совпадали бы с массовыми армиями рубежа XIX–XX вв. Особого труда данные разыскания не составили. Византийские вооруженные силы IX–X вв. основывались на: 1) воинской по-

винности; 2) территориальной военной организации (фемы); 3) эффективной системе снабжения войск. Однако связать византийскую военную систему с западноевропейской, обосновать какую-либо преемственность военных институтов «латинского Запада» от «греческого Востока» оказалось невозможно. Кроме того, влияние традиции, восходящей к Э. Гиббону, было слишком велико, и большинство исследователей предпочитали придерживаться привычных характеристик византийской военной системы: «Римские военные теории были известны грекам до времен Юстиниана и Маврикия. Еще дольше они владели старым искусством изготовления оружия, строительства морских судов и метательных военных машин... И при всем том варвары постоянно и везде побеждали греков, потому что, при крайнем нравственном упадке их, все эти внешние, пустые формы, без надлежащего одушевления, были как тело без души»²³. В целом ряде работ по истории военного искусства, опубликованных в начале XX в., о Византии вообще не упоминается²⁴.

При общем негативном отношении к византийской военной истории редким исключением следует считать слова британского историка права, «апостола позитивизма», Ф. Харрисона: «Историки старшего поколения, среди которых был и сам Гиббон, ошибались, считая византийскую армию лишенной мужества, дисциплины и организации. Напротив, на протяжении всего раннего средневековья это была единственная профессиональная армия в мире. Она достигла совершенства в военном искусстве, и в теории, и на практике. В некоторых случаях достигнутый ею уровень стал доступен остальным странам только в недавние времена, как, например, в мобилизации и в снабжении... Значительно изменив старые римские армейские порядки, византийская армия сохранила римскую дисциплину, моральный дух и основательность»²⁵.

Таким образом, первые специальные работы по истории византийской военно-административной системы появились в то время, когда военно-историческая наука переживала глубокий кризис. В этой связи византинисты никогда не ориентировались в своих исследованиях на какие-либо труды военных историков. Более того, примитивная и не

соответствующая исторической действительности схема развития вооруженных сил Византии, предложенная в военно-исторической литературе, была отвергнута уже в работах А. Рамбо, Г. Финлея и Н. А. Скабала-новича²⁶. Главная заслуга этих исследователей состоит в том, что они сумели аргументированно опровергнуть концепцию о «тысячелетнем упадке» византийской армии. Кроме того, в отличие от специалистов по истории военного искусства, в работах византинистов конца XIX – начала XX в. значительное внимание стало уделяться организационным структурам византийских вооруженных сил.

Отвергая предложенную историками военного искусства схему исторического развития византийской армии, византинисты, тем не менее, постоянно использовали специальную военную терминологию. На эту «обратную связь» с военно-теоретической наукой следует обратить особое внимание. Уже в ранних работах по истории византийских вооруженных сил авторы пытались охарактеризовать реалии VII–XI вв. при помощи оперативно-тактической терминологии своего времени, т. е. конца XIX – первой половины XX в. Например, Н. А. Скабала-нович писал: «Таким образом, еще до VII в. положено было начало той системе, которая потом названа техническим термином по имени греческих полков – фем»²⁷. Русский византинист Ю. А. Кулаковский, пытаясь определить численность армии, которая описывается в военном трактате *De castrametatione*, отмечал: «Дивизия пехоты и десять драгунских полков (т. е. отряд, приблизительно равный по численности той византийской армии, какая имеется в виду в нашем памятнике)»²⁸. Английский историк Дж. Бьюри считал, что «военные силы фемы состояли, как минимум, из трех бригад»²⁹.

Важным событием в попытке выработать единую терминологию для обозначения различных составных частей византийской военно-административной системы стало издание монографии Г. Гельцера «Развитие византийского фемного устройства»³⁰. Немецкий исследователь отмечал, что к модернизации древних терминов он прибегает вынужденно, так как их точное значение не всегда понятно. Далее он фактически отождествил внутреннюю структуру византийской фемы

со структурой германского армейского корпуса рубежа XIX–XX вв.: «Командующего войсками фемы можно приравнять примерно к командиру армейского корпуса, затем турмарха – к дивизионному, а мерарха к бригадному командиру»³¹. Кроме того, в монографии Г. Гельцера впервые появились термины, которые впоследствии стали использовать многие исследователи: *Themenordnung* («фемная система») и *Themenverfassung* («фемное устройство, фемный строй») ³².

Сложно определить, по какой причине, но именно термин «армейский корпус» (*Armeekorps*, *Army corps*, *corps d'armée*) стал в византиноведческой литературе XX в. синонимом термина «фема». Возможно, это объясняется тем, что армейские корпуса были в составе вооруженных сил всех стран, принимавших участие в Первой и Второй мировых войнах. Соответственно, в обыденном сознании это воинское соединение воспринималось как основная боевая единица действующих армий ³³.

Еще один современный термин, который получил значительное распространение в специальной литературе, посвященной византийским вооруженным силам, – это «военный округ» (*Militärbezirke*, *Military district*, *Région militaire*) ³⁴. Соотнесение византийских фем с военными округами начала XX в. объясняется тем, что в большинстве европейских государств подобное военно-территориальное деление появилось во время перехода к массовым армиям. Франция, например, была разделена на 18 военных округов, и граждане этой страны были хорошо осведомлены о той роли, которую *régions militaires* должны были сыграть при мобилизации населения во время войны.

В классической работе Г. А. Острогорского «История Византийского государства» термины «армейский корпус» и «военный округ» применительно к фемам были впервые объединены: «Слово фема обозначало армейский корпус и было перенесено на новые военные округа» ³⁵. Казалось бы, после этого можно было говорить о формировании некой общей терминологии, с помощью которой представилась возможность давать характеристику различным элементам византийской воен-

но-административной системы, используя современные военные термины. Однако этого не произошло.

Основная причина заключается в том, что византийская фема, вне всякого сомнения, не являлась подобием ни армейского корпуса, ни военного округа первой половины XX в. Никаких сходных характеристик, помимо того, что фема и армейский корпус – это воинские формирования, а фема и военный округ – это некая территория, больше не существует. Восходящая к Г. Гельцеру традиция модернизации византийской военной терминологии является искусственной и совершенно неоправданной. Следует также учитывать, что в армиях XX в. существовали не одна, а две принципиальные схемы организации командования: «континентальная» и «англо-саксонская». Первая из них предусматривала четырехступенчатое управление войсками: военный округ – армия – дивизия – полк. Вторая состояла из трех звеньев: военный округ – оперативное командование – бригада³⁶. В современной России, например, происходит переход к «новому облику» вооруженных сил. В целом он представляет собой замену «континентальной» схемы управления на «англо-саксонскую». Не исключено, что уже через 20–30 лет в военно-исторической литературе потребуются пояснения для терминов «корпус», «дивизия» и «полк», так как подобные воинские соединения подлежат постепенной ликвидации.

В последние десятилетия как в России, так и за рубежом значительно возрос интерес к истории византийской цивилизации. В связи с этим было опубликовано большое количество научно-популярных книг, в которых рассматриваются различные периоды и сюжеты из истории Нового Рима. Немаловажное место среди них занимают издания, посвященные военно-исторической тематике. К сожалению, на высоком профессиональном уровне написана лишь небольшая часть подобных работ³⁷.

Большинство научно-популярных текстов представляют собой примитивные «реконструкции» хода военных кампаний или византийского вооружения³⁸. Авторы некоторых работ сознательно преувеличивают роль наемных формирований в составе императорской армии³⁹ или же, напротив, представляют Византию «щитом», охранявшим латинский Запад от вторжений с Востока⁴⁰. Византийской военной терминологии в этих сочинениях внимание, как правило, не уделяется. Более того, она специально модернизируется. Чаше всего авторы отказываются от объяснения читателю сложной иерархической системы Византии, смешивая командные должности и придворные титулы: патрикий, магистр, протоспафарий (= офицер, военачальник); доместик схол, стратиг, дука (= офицер, военачальник). В итоге создается картина громоздкого и плохо управляемого войска, в котором многочисленные «офицеры» весьма неумело командовали наемными отрядами⁴¹.

Подводя итоги, отметим, что использование современной военной терминологии затрудняет исследование византийских военно-административных структур. Так как в исследовательской литературе не была выработана единая терминология для обозначения различных элементов военной системы Византии, представляется возможным использовать для этих целей некоторые позднеантичные военные термины. Речь идет, в первую очередь, о терминах «полевая армия» или «мобильная армия» (*field Army*, *Feldarmee*, *campagne d'armée*). Как и в позднеримское время, под этими терминами подразумевается совокупность воинских формирований (милиционных или регулярных), не предназначенных для постоянной обороны границ. Высокая степень мобильности позволяла использовать данные контингенты на всей территории империи для ведения, в основном, наступательных действий. Кроме того, приемлемым и необходимым мы считаем использование терминов «армия», «вооруженные силы», «войско», «формирование», «контингент», «отряд»⁴². По отношению к другим элементам византийской военной

системы, а также титулам, должностям и наименованиям воинских формирований использование современной терминологии, по нашему мнению, недопустимо.

Вооруженные силы ранней Византии: основные тенденции развития

Исследование широкого круга проблем, связанных с развитием византийских вооруженных сил в VIII–IX вв., началось еще в конце XIX в. и продолжается до наших дней. За это время в историографии было выработано несколько постулатов, которые признаются большинством исследователей. Наиболее важным из них является тезис о континуитете византийской военной системы от военно-административных структур Поздней Римской империи. Отметим, что в нашу задачу не входит подробная характеристика римских и ранневизантийских вооруженных сил. В связи с этим ограничимся кратким историографическим обзором данного вопроса.

В результате военной реформы конца III – первой трети IV в. римские вооруженные силы были разделены на две части: мобильные войска *comitatenses* («полевая армия, мобильная армия») и *limitanei* («пограничные контингенты»)⁴³. В правление Диоклетиана (284–305) большая часть войск размещалась вдоль границ, но уже при Константине I (306–337) произошло значительное увеличение численности *comitatenses* за счет *limitanei*. В IV столетии полевая армия неоднократно подвергалась реформированию, изменялся ее численный состав и система военных командований⁴⁴. После 395 г. мобильные войска Восточной Римской империи были разделены на пять частей и размещены в различных районах под командованием *magistri militum* («военных магистров»)⁴⁵. Две полевые армии располагались на Балканском полуострове, во Фракии и Иллирике, одна находилась в Сирии и Палестине и еще две – в окрестностях Константинополя, составляя стратегический резерв (*comitatus praesentales*, «презентальные армии»). Командовали

ими, соответственно, *magister militum per Thracias*, *magister militum per Illyricum*, *magister militum per Orientem* и два *magistri militum praesentales*⁴⁶.

Comitatenses длительное время являлись наиболее боеспособной и привилегированной частью византийских вооруженных сил. В исследовательской литературе отмечается, что в VI в. мобильные армии вновь подверглись реформированию. В частности, в правление Юстиниана I (527–565) для ведения боевых действий в Закавказье была сформирована еще одна полевая армия под командованием *magister militum per Armeniam* (στρατηλάτης Ἀρμενίας)⁴⁷. Кроме того, в первой половине VI в. произошли значительные изменения в сфере тылового обеспечения мобильных войск. Несмотря на то, что в ранней Византии военная администрация была отделена от гражданской, обязанность снабжения *comitatenses* была возложена на викариев и префектов провинций⁴⁸.

Пограничные контингенты византийских вооруженных сил не отличались высокой боеспособностью, но при этом многократно превосходили по численности полевые армии. В источниках IV–V вв. отмечается постепенное усложнение системы командования в приграничных районах. Со времен Диоклетиана за оборону отдельных участков границы отвечали дуксы (*dux*, δοῦξ). Первоначально каждому из них были подчинены по два легиона и отряды вспомогательных войск⁴⁹. Однако из-за постоянного перемещения воинских контингентов, формирования временных группировок, утраты или, напротив, присоединения территорий старая система командования исчезает уже к концу V в. Под началом некоторых дуксов сосредотачивались значительные силы и происходило формирование крупных провинциальных военных группировок («провинциальные армии», «региональные армии»). В некоторых случаях эти формирования немногим уступали по численности мобильным силам *comitatenses*. Логичным завершением данного процесса стало переподчинение дуксам некоторых подразделений полевых армий⁵⁰.

В то время, когда на некоторых участках границы концентрировалось значительное количество войск, на других ощущался их недостаток. Неоднократные попытки навести порядок давали только временный

эффект. Вскоре происходил возврат к прежней ситуации. Кроме того, из-за нехватки войск происходила постепенная варваризация пограничных контингентов, широкое распространение получила практика привлечения к обороне границ федератов (*foederati*)⁵¹.

Другая проблема, связанная с *limitanei*, заключалась в слишком высоких расходах на их содержание. Помимо затрат на материальное обеспечение пограничных сил, государству приходилось тратить колоссальные денежные суммы на ремонт старых и строительство новых оборонительных сооружений. Стремление снизить расходы казны привело, в конечном итоге, к изменению статуса воинов пограничных контингентов. В правление Юстиниана *limitanei* были лишены денежных выплат и отныне должны были не только оборонять пограничные крепости и города, но также обрабатывать землю, чтобы прокормить себя и свои семьи. Кроме того, за жителями приграничных районов законодательно закреплялась обязанность несения наследственной службы⁵².

Известно, что Восточная Римская империя придерживалась ярко выраженной оборонительной политики⁵³. В целом организационные структуры, система командования и способы комплектования вооруженных сил IV–V вв. соответствовали стратегии активной обороны. Однако в 20–30-е гг. VI в. внешнеполитический курс империи изменился. В правление Юстиниана I была предпринята попытка восстановления империи на Западе⁵⁴. Оставляя без специального рассмотрения идеологические и экономические причины данного явления⁵⁵, отметим, что императорская армия оказалась плохо подготовленной к наступательным действиям. Одновременно с этим на дунайской и восточной границах Византия продолжала придерживаться оборонительной стратегии.

Для реализации новых внешнеполитических задач в вооруженных силах были проведены реформы, которые фактически ликвидировали различия между полевыми армиями под командованием *magistri militum* и региональными военными группировками под руководством *dux*. Отныне всякий раз при организации крупного военного похода формировалось войско, составленное как из соединений мобильных

армий, так и из провинциальных отрядов⁵⁶. Например, в походах Велизария в Северную Африку и Италию принимали участие контингенты из Армении, а воинские формирования из Фракии неоднократно воевали на Востоке. Широкомасштабные завоевательные экспедиции, в ходе которых решалась участь целых государств и народов, имели ярко выраженный экстраординарный характер⁵⁷. Старая система военных командований в этих условиях оказалась неэффективной. С 30-х гг. VI в. командующие стали наделяться чрезвычайными полномочиями, причем не только в военной, но также в административной и судебной сферах⁵⁸.

Агрессивная внешняя политика Юстиниана I принесла значительные плоды: в 30–50-е гг. VI в. к Византии были присоединены Италия, Сицилия, Северная Африка и часть Испании. Однако после этих завоеваний возникла проблема организации управления данными территориями, которую Юстиниан и его преемники на императорском престоле решили путем объединения военной и гражданской власти в руках одного должностного лица. Как правило, это был военачальник, командовавший размещенными в регионе контингентами (*numeri*)⁵⁹. Кроме того, по мере формирования в его подчинение передавались финансовые, налоговые и судебные структуры. Подобным образом управление было организовано не только в префектурах Италия (*magister militum per Italiam*) и Африка (*magister militum per Africam*), но и в провинции Испания (*magister militum per Hispaniam*)⁶⁰. Аналогичная система управления еще в конце V в. существовала в Исаурии и Аравии (*dux et praeses Isauriae, dux et praeses Arabiae*), а при Юстиниане I под управление дуксов были переданы также провинции Писидия, Ликаония, Пафлагония, Каппадокия и Фракия⁶¹. Однако в эволюции провинциальных органов управления существовала и противоположная тенденция. В Египте, например, командные функции, как и руководство всеми вооруженными формированиями, были переданы гражданскому должностному лицу (*praefectus augustalis*)⁶².

После смерти Юстиниана I принципиальных изменений в организационных структурах византийской армии не произошло.

В правление Юстина II (565–578), Тиверия II Константина (578–582) и Маврикия (582–602) обе вышеуказанные тенденции сохранялись. Наступательные действия по-прежнему велись специально собранными армиями, которые после завершения похода расформировывались⁶³. Слияние военных и гражданских структур в управлении провинциями также продолжилось. Об этом свидетельствует, в первую очередь, создание в 80-е гг. VI в. Итальянского и Африканского экзархатов⁶⁴.

Военным структурам византийских экзархатов посвящены исследования Ш. Дили, А. Гийу, Д. Прингла, Т. С. Брауна, О. Р. Бородина. Несмотря на разногласия, которые существуют между этими исследователями по ряду вопросов, все они указывают на то, что первоначально на территории Италии и Северной Африки были размещены пунег из состава экспедиционных армий. Со временем они стали пополняться за счет местного населения, но этих мобилизационных ресурсов было недостаточно и потребовалось привлечение дополнительных сил из других регионов империи. Однако постоянные военные действия, развернувшиеся в конце VI – начале VII в. на дунайской и восточной границах Византии, не позволяли регулярно отправлять войска в Равенну и Карфаген. В расчете на то, что экзархи сумеют организовать оборону своими силами, император Маврикий предоставил им беспрецедентные властные полномочия⁶⁵. Эти планы были реализованы только частично. В Италии византийские войска не смогли остановить наступление лангобардов, и контроль над значительной частью территории Равеннского экзархата был утрачен. В Северной Африке, напротив, обстановка стабилизировалась. Следует также отметить, что военные силы африканского экзархата сыграли значительную роль в свержении Фоки (602–610) и воцарении Ираклия (610–642).

Таким образом, к началу VII в. византийская армия представляла собой многочисленную, но плохо организованную силу. Собрать лучшие войска вместе, империя была в состоянии вести успешные военные действия против одного внешнего врага. Однако противостоять противнику на нескольких направлениях императорская армия уже не могла. Крайне запутанная система военных командований, снижение боеспособности

пограничных контингентов, проблемы со снабжением и финансовым обеспечением войск только усугубляли ситуацию. Военно-политическая катастрофа 602 г. ускорила деградацию военной системы. Фактически после захвата Константинополя войсками Фоки вооруженные силы Византии уже не представляли собой единой организационной структуры. Армия распалась на несколько группировок под руководством влиятельных военачальников, которые получили возможность совершенно самостоятельно выстраивать взаимоотношения как со столицей, так и с местными гражданскими властями. Большинство из них не признали власти узурпатора, который, по сути, также являлся предводителем одной из подобных военных группировок⁶⁶.

Политическая борьба между военачальниками завершилась в 610 г. победой Ираклия, но это не означало немедленного восстановления прежней структуры вооруженных сил. Возможно, новому императору потребовались бы для этого долгие годы, но внешнеполитический фактор ускорил данный процесс. Быстрое продвижение персидских армий в Закавказье, Месопотамии и Сирии вынудило разрозненные и потерявшие управление византийские отряды отступить в Малую Азию. На Балканах войска также покидали приграничные районы и концентрировались во Фракии. Угроза полного разгрома и уничтожения вынудила многих командиров признать власть нового императора, а у Ираклия, тем самым, появилась возможность сформировать боеспособную полевую армию⁶⁷.

С 622 по 628 г. Ираклий предпринял против персов несколько военных походов. Следует отметить, что никаких принципиальных изменений в организации полевых армий в эти годы не произошло. Для похода вновь собирались наиболее боеспособные части⁶⁸, как это происходило во времена Юстиниана и Маврикия⁶⁹. От того, что в войске Ираклия появились отряды конных лучников и почти отсутствовали пехотные контингенты, общая стратегия ведения боевых действий изменилась мало. Напротив, в 20-е гг. VII в. она проявилась наиболее ярко, так как любая крупная неудача императорских войск могла привести к гибели Византии. В ситуации, когда решалась судьба империи, Ираклий

предпочел оставить без военных сил не только отдаленные пограничные провинции, но даже Египет и Малую Азию. В итоге над державой Сасанидов была одержана блестящая победа, но одновременно с этим были потеряны некоторые пограничные регионы на Западе и полностью разрушена система обороны границ на Востоке⁷⁰.

Несмотря на одержанную победу, Византия находилась в крайне сложном положении. В течение длительного времени империи приходилось вести военные действия сразу на нескольких направлениях, причем на своей территории. Это привело к большим человеческим жертвам, разрушению инфраструктуры, колоссальным финансовым затратам. Почти все крупные города, включая Константинополь, либо подвергались осадам, либо были захвачены и разграблены вражескими войсками. Население восточных и балканских провинций утратило доверие к императорской власти, которая допустила столь масштабные бедствия. Фактический распад империи на несколько частей, который имел место в правление Фоки, также не прошел бесследно. Столичные и провинциальные органы гражданского управления не могли эффективно выполнять свои функции, постоянно сталкиваясь с проявлениями регионального сепаратизма⁷¹.

В сложившейся ситуации император Ираклий должен был проявить себя как талантливый администратор, способный наладить управление и, по возможности, способствовать скорейшему восстановлению разрушенного войнами хозяйства страны. Вне всякого сомнения, он был хорошим военачальником, который пользовался заслуженной популярностью среди солдат и командиров. Однако его достижения в сфере гражданского управления оказались весьма скромными.

Посещение императором Сирии и Палестины в 629/630 г., по всей видимости, способствовало началу преобразований в административной сфере⁷². Однако период мира был слишком непродолжительным. Уже весной 634 г. начались боевые действия против арабов, к которым Византия оказалась не подготовлена. За пять лет, прошедших после окончания войны с Ираном (629–633), в ближневосточных провинциях не удалось восстановить ни военную инфраструктуру, ни систему граж-

данского управления⁷³. В этих условиях единственным вариантом ответных действий против арабов являлась организация мощного контрнаступления. Следует отметить, что подобной стратегии Ираклий придерживался даже после поражения византийских войск при Йармук в августе 636 г., вплоть до т. н. чумного года (639)⁷⁴.

В историографии военно-политические итоги правления Ираклия расцениваются по-разному. Э. Штайн, Г. А. Острогорский, В. Энслин, И. Шахид высказывали мнение о том, что этот император начал реформирование византийских вооруженных сил и уже в 20-е гг. VII в. создал первые фемы. Свои преобразования он не сумел завершить из-за начавшейся войны против арабов⁷⁵. Л. Брейе, П. Лемерль, Р.-И. Лили, Дж. Хэлдон, напротив, считают Ираклия удачливым военачальником, который после победы над Сасанидами не сумел восстановить систему обороны восточных границ и, тем самым, облегчил арабам завоевание Сирии и Палестины. По мнению этих исследователей, к формированию «фемной системы» Ираклий отношения не имеет⁷⁶. Следует также отметить, что военная политика 20–30-х гг. VII в. является частью дискуссии об образовании первых фем, и все исследователи, изучающие данную проблему, в своих работах продолжают обращаться к правлению Ираклия.

Дискуссия о возникновении «фемной системы»

В ходе дискуссии, посвященной возникновению в Византии «фемной системы», в историографии было сформулировано несколько концепций, охватывающих большинство аспектов этой многогранной проблемы. Следует отметить, что, несмотря на принципиальные разногласия между сторонниками разных концепций, все они сходятся во мнении, что формирование новых военно-административных структур произошло в результате реформы или серии реформ. По сути, это одна из немногих «точек соприкосновения», в остальном взгляды исследователей на развитие византийских вооруженных сил серьезно расходятся.

В конце XIX – первой половине XX в. о византийской «фемной системе» были написаны десятки исследований⁷⁷. Наиболее важными из них, по нашему мнению, являются труды Г. Гельцера, Ф. И. Успенского, Ю. А. Кулаковского, Р. Гроссе, Е. Штайна, Ш. Дилия, Л. Брейе, Дж. Бьюри⁷⁸. В этих работах византинисты из разных стран пытались обобщить итоги предыдущих исследований, а также высказывали критические замечания в адрес научных оппонентов. При всем разнообразии использованных подходов и методик все авторы акцентировали внимание на том, что количество источников по истории византийских вооруженных сил VII–VIII вв. крайне невелико. В связи с этим они стремились расширить источниковую базу путем привлечения арабских, сирийских, армянских и латинских исторических сочинений⁷⁹. Однако, несмотря на прилагаемые усилия, византинисты первой половины XX в. опирались на весьма ограниченный круг текстов. Попытки использовать данные сфрагистики следует признать неудачными, так как в данное время еще не существовало общепризнанных критериев датировки моливдовулов⁸⁰. Привлечение в качестве источников военных трактатов IX–X вв. и законодательных актов периода Македонской династии также не принесло значительных результатов⁸¹.

Одним из важных аспектов дискуссии о «фемном строе» являлся вопрос о происхождении термина *θήμα*. Два основных значения слова «фема» были определены еще исследователями XIX в.: 1) фема – военный отряд неопределенной (любой) численности, выполняющий отдельную боевую задачу; 2) фема – военно-административный округ в Византии второй половины VII – XII в.; в середине IX – X в. вся территория империи была разделена на фемы, находившиеся под руководством стратигов, которые совмещали функции военного командования и гражданского управления на подчиненной им территории⁸².

В специальной литературе неоднократно указывалось, что термин *θήμα* появляется в византийских источниках достаточно поздно. Наиболее раннее упоминание фемы, как отдельного кавалерийского отряда, содержится в некоторых рукописях «Стратегикона» Маврикия. В других рукописях этого военного трактата вместо слова «фема» используется

термин «тагма»⁸³ (τὰ δὲ φλάμουλα ἐκάστης μοίρας ἰδιόχροα εἶναι, ἵνα τὸ καθ' ἕκαστον θέμα [τάγμα] εὐκόλως ἐπιγινώσκῃ τὸ ἴδιον βάνδον)⁸⁴.

В «Хронографии» Феофана фема как военный отряд впервые упоминается в рассказе о событиях 626 г., когда император Ираклий отдал распоряжение провести перепись солдат во всех подразделениях войска (ἐν πᾶσι τοῖς θέμασι). В итоге выяснилось, что со времен Маврикия (582–602) на службе осталось всего два человека⁸⁵. Следующее упоминание Феофаном фем, как отдельных частей войска, относится только к 678/679 г., когда император Константин IV (668–685) собирал во Фракии силы для похода на Дунай⁸⁶.

О феме, как об отдельной территории или административном округе, впервые также сообщает Феофан. Он писал, что в апреле 622 г. император Ираклий «покинул царственный город, переправился на корабле в Пилы, а оттуда направился в области фем (τῶν θεμάτων χώρας), где собралось войско и новые отряды для пополнения. Здесь Ираклий стал обучать и наставлять их в военных делах. Разделив войско на две части, он велел выстроить боевые порядки и нападать друг на друга, но без кровопролития»⁸⁷. Следующее упоминание фем в «Хронографии» относится только к 668 г. – Феофан пишет, что в первый год правления Константина IV воины из фемы Анатолик (τοῦ θέματος τῶν ἀνατολικῶν) пришли в Хрисополь и потребовали коронации младших братьев императора. Однако «патрикий Колонии» («патрикий Армениака») Феодор сумел уговорить их разойтись по домам⁸⁸.

Упоминание Феофаном фем вызвало оживленную дискуссию среди византинистов. Например, Г. А. Острогорский считал эти свидетельства главным аргументом в пользу того, что фемы появились именно в правление Ираклия⁸⁹. Данная точка зрения неоднократно подвергалась критике. В частности, французский исследователь К. Цукерман убедительно доказал, что Феофаном при описании событий V–VII вв. использовалась терминология начала IX столетия. Соответственно, все упомянутые выше эпизоды из «Хронографии» не могут однозначно свидетельствовать в пользу теории организации пер-

вых фем в 20-е гг. VII в.⁹⁰ Характерно, что К. Цукерман, как и Г. А. Острогорский, использует для обозначения термина «фема» современный термин «армейский корпус». На самом деле это еще раз доказывает правоту К. Цукермана. Если современные исследователи могут позволить себе подобную модернизацию, то почему аналогичным образом не мог поступить Феофан Исповедник?

Наиболее ранняя попытка объяснить происхождение термина «фема» была предпринята в трактате Константина VII Багрянородного *De Thematibus* (Περὶ τῶν Θεμάτων)⁹¹. Во вступительной части данного сочинения говорится о том, что слово θέμα является греческим, а не латинским. Происходит оно от другого греческого слова θέσις. По мнению автора, «Ираклий Ливийский и принявшие власть после него <...> предпочитали все эллинское ромейскому». Они дали тагмам и легионам (τάγματα καὶ λεγεῶνες) новые эллинские наименования вместо римских, а затем разделили империю на части (фемы)⁹².

Современными исследованиями установлено, что слово θέμα встречается в источниках гораздо раньше правления «Ираклия Ливийского», еще с эллинистического времени. Известно множество его значений: «установление», «расположение», «основа», «денежный вклад», «сундук», «склад». В позднеантичных текстах появляются такие значения, как «хранение зерна», «накопление», «общая земля», «кладбище», а в законодательных актах V–VI вв. — «положение», «пункт»⁹³. Однако для обозначения военных контингентов и «военных округов» данный термин стал использоваться не ранее конца VIII – IX в.

Важным событием в исследовании византийской военно-административной системы стал XI Международный конгресс византистов, который проходил в Мюнхене в сентябре 1958 г. Одной из главных тем, вынесенных на обсуждение этого научного форума, была проблема возникновения фем. С основным докладом «Образование византийских фем» выступил А. Пертузи⁹⁴, который незадолго до этого опубликовал критическое издание трактата Константина Багрянородного *De Thematibus*. Итальянский исследователь считал, что возникновение термина «фема» было связано со стационарными военными лагерями,

которые появились в Малой Азии во второй половине VII в. Обосновывая свою гипотезу, он указывал, что многие старые значения слова $\theta\acute{\epsilon}\mu\alpha$ связаны с местом хранения различных припасов – с военным лагерем или другим местом постоянного размещения солдат⁹⁵.

По мнению А. Пертузи, первые фемы – Армениак, Анатолик и Опсикий – появились в Малой Азии только к концу VII в. Процесс их формирования он разделил на три этапа. На первом этапе в Малой Азии были созданы три группировки войск ($\theta\acute{\epsilon}\mu\alpha$), в которые вошли военные контингенты, отступившие из захваченных арабами ближневосточных и закавказских провинций Византии. На втором этапе каждая $\theta\acute{\epsilon}\mu\alpha$ разместилась в нескольких военных лагерях и начала оборонять территорию Малой Азии от арабских набегов. А. Пертузи указывал, что первые два этапа были продолжительными, а сам процесс «позиционирования» фем – достаточно сложным из-за постоянных столкновений с мусульманскими армиями. Однако за несколько десятилетий воинские контингенты прочно обосновались на новых территориях. Пополнение, продовольствие и необходимые материальные ресурсы они стали получать за счет местного населения. В итоге те регионы, где разместились фемы, получили их названия⁹⁶.

Следует отметить, что концепция, предложенная А. Пертузи, представляла собой развитие идей Г. Гельцера и Ш. Дилия. Эти исследователи также считали, что «фемная система» первоначально была исключительно военной, а административный компонент появился в ней позже. Создание территориальных структур управления заняло более 100 лет, причем особенно долго формировались гражданские органы власти. Как и его предшественники, А. Пертузи не видел оснований считать создателем фем императора Ираклия. По его мнению, гораздо больший вклад в реформирование военно-административных структур Византии внесли императоры последней четверти VII в. и, особенно, Лев III Исавр. В заключительной части своего доклада итальянский исследователь специально акцентировал внимание на том, что «фемная система» не была заимствована Византией ни у Ирана, ни у кочевых народов. Она была создана в результате длительной реформы. Сначала

фемы (воинские контингенты) выполнили свое основное предназначение и к 717/718 г. остановили арабское наступление. После этого появились фемы (административно-территориальные единицы), в которых военная и гражданская власть были объединены в руках стратига⁹⁷.

Оппонентом А. Пертузи выступил югославский византист Г. А. Острогорский, который и ранее критиковал взгляды итальянского исследователя⁹⁸. В содокладе на конгрессе в Мюнхене Г. А. Острогорский кратко изложил собственную теорию возникновения «фемного строя», которая была хорошо известна по предыдущим работам ученого⁹⁹. По его мнению, первые фемы появились в правление Ираклия. Это было связано с размещением в Малой Азии на постоянной основе крупных военных группировок, которые назывались фемами. От наименований этих «армейских корпусов» вскоре возникли названия «военных округов». В областях расселения войск солдаты получили земельные участки с правом передачи их по наследству в обмен на несение семьей стратигота наследственной военной службы. Г. А. Острогорский считал, что «фемный строй» напрямую происходил от «старого устройства областей лимеса с их солдатами, жившими на своей земле (*limitanei*)»¹⁰⁰.

Другой принципиальный вопрос, на который обратил внимание Г. А. Острогорский, касался разделения «фемной реформы» на два этапа. По его мнению, военные и административные преобразования происходили одновременно, и достаточно быстро. В 621–641 гг., по мере расселения войск в новых районах, здесь создавалась гражданская администрация¹⁰¹. Военная и гражданская власть объединилась в руках командира фемы (стратига). Первоначальные функции гражданских должностных лиц состояли в наделении воинов землей (*στρατιωτικὰ κτήματα*), обеспечении их вооружением, доспехами и пр. Так как в письменных источниках (сочинения Феофана, Георгия Кедрина, Иоанна Зонары) никаких сведений о подобной деятельности провинциальных чиновников не сохранилось, Г. А. Острогорский привлек для обоснования своей теории сфрагистический материал первой половины VII в. (печати коммеркиариев и императорских коммеркий)¹⁰².

Концепции возникновения «фемной системы», предложенные А. Пертузи и Г. А. Острогорским, вызвали оживленную дискуссию участников конгресса¹⁰³. Особенно активно обсуждался вопрос о значении термина $\theta\acute{\epsilon}\mu\alpha$. Ряд исследователей считали, что неверно связывать его значение с армейским лагерем, местом хранения военных ресурсов или укрепленным пунктом. В частности, Ф. Дёльгер предложил принять происхождение слова «фема» от терминов $\theta\acute{\epsilon}\sigma\iota\varsigma$ и $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ («воинские списки»), как об этом писал Константин Багрянородный в трактате *De Thematibus*. Немецкий исследователь указывал, что списки воинских частей упоминаются еще в источниках IV–V вв. В частности, Прокопий Кесарийский упоминает о каталогах, в которые записывались солдаты из восточных провинций¹⁰⁴. Эти воины отличались по своему статусу от *limitanei* и *foederati*. Будучи приписанными к определенной военной части (*numeri*), они получали фиксированное жалованье¹⁰⁵.

Впоследствии точка зрения Ф. Дёльгера нашла поддержку у Н. Икономидиса и И. Кодера. Австрийский византинист также считает, что термин «фема» произошел от слова $\theta\acute{\epsilon}\sigma\iota\varsigma$ (= $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$). Однако появление этих списков И. Кодер относит не к IV–V, а к VII в. По его мнению, византийские войска отводились из Закавказья, Сирии и Месопотамии в экстраординарных условиях. Военные действия против арабов шли непрерывно, и командование императорской армией составляло списки воинских частей, которые должны были покинуть зону боевых действий и разместиться в заранее определенных районах Малой Азии. Впоследствии в эти списки ($\theta\acute{\epsilon}\sigma\iota\varsigma$) стали вносить местных жителей, пополнявших расположенные в их регионе воинские формирования¹⁰⁶. Отметим, что большинство современных исследователей придерживаются теории, сформулированной Ф. Дёльгером и И. Кодером.

Г. В. Хауссиг также полагал, что в Византии VI–VII вв. существовали перечни военных контингентов. Однако это были списки боевых частей, составлявших полевую армию для ведения наступательных действий¹⁰⁷. Немецкий исследователь указывал, что в Малой Азии уже при Юстиниане I, Маврикии и Ираклии существовало несколько районов, которые являлись местом сбора мобильных сил. По его мнению, один из

таких районов был в Каппадокии, а другой – в окрестностях Ираклии Понтийской. Назначенные для похода воинские формирования заносились в *κατάλογος* (θέσις, θέμα) и прибывали в определенное время к месту сбора¹⁰⁸. В конце VII – VIII в. за традиционными районами формирования полевых армий закрепилось название θέμα, со временем здесь появились стационарные лагеря и крепости. Эти укрепленные пункты располагались на дорогах, ведущих от Константинополя в восточные районы Малой Азии. Постоянное размещение в них значительных военных сил должно было препятствовать арабским набегам, а также создавать условия для ответного наступления императорской армии¹⁰⁹.

Следует отметить, что теорий, объясняющих происхождение термина θέμα, высказывалось достаточно много. Некоторые из них были отвергнуты как несостоятельные и не подтвержденные источниковым материалом¹¹⁰. В частности, ряд исследователей предполагали, что слово «фема» могло происходить от названия населенного пункта. Например, в *Notitia Dignitatum* упоминается военный лагерь Θέμα, который располагался в Сирии, к северо-востоку от Эмесы¹¹¹. В начале V в. там располагались вексиляции *Legio III Gallica* и *Legio XVI Flavia Firma*, которые подчинялись *dux Syriae et Euphratensis*¹¹². Этот лагерь вновь упоминается в источниках в 30-е гг. VII в., когда в Θέμα находились значительные военные силы, включая отряды *comitatus praesentales*. Сначала они принимали участие в борьбе с арабами в районе Апамеи, а потом предположительно отступили в Малую Азию и стали частью контингентов фемы Анатолик¹¹³.

В ходе дискуссии о «фемном строе» 50-х гг. XX в. была окончательно отвергнута теория, согласно которой новая система военной организации была заимствована Византией у Ирана. Данные идеи высказывались немецкими историками Э. Штайном и К. Штаде, английским исследователем Н. Бэйнсом, а также российским византинистом В. Е. Вальденбергом. Они считали, что византийское военное устройство было «подражанием административным порядкам в Персии»¹¹⁴. Соответственно, и новая военная терминология также имела иранское

происхождение. При этом совершенно неясно, почему эти заимствования не затронули Армению, находившуюся между Византией и Сасанидской державой. Кроме того, более поздние исследования выявили, что во время «Вечного мира» 532–540 гг. иранские власти сами попытались организовать пограничные командования по образцу византийских дукатов, к тому времени уже крайне неэффективных¹¹⁵.

В докладах на конгрессе в Мюнхене А. Пертузи и Г. А. Острогорский уделили значительное внимание полемике с Э. Штайном и Н. Бэйнсом по проблеме заимствований Византией каких-либо элементов военной системы Сасанидов. Кроме того, обоснованной критике подверглись взгляды венгерского исследователя Е. Дарко, который считал, что византийская военная организация была скопирована у «туранских народов»¹¹⁶. Отметим, что Е. Дарко неверно трактовал сам термин «военная организация». Он подразумевал под этим отказ от пехоты и организацию в составе фемных контингентов отрядов конных лучников¹¹⁷. Однако перечисленные проблемы имеют отношение к сфере военного искусства, тактики, военных технологий, но не к военно-административным структурам. Кроме того, венгерский историк считал Византию VII в. феодальным государством. Он писал: «В Византийской империи не было больших феодальных владений, но существовали феодальные владения меньшего размера, принадлежавшие военным, особенно тем, которые служили как *limitanei*. Ираклий, и в этом мы признаем туранскую модель в классическом виде, защитил этих владельцев военных ленов от налогов, их единственной обязанностью теперь была военная служба. Во владениях Сасанидов не было ничего подобного... Именно поэтому военные лены в Византии процветали гораздо дольше, до XI века... но как только налогообложение распространилось на военные лены, это вызвало упадок, а в скором времени привело к падению всей системы, основанной на фемах»¹¹⁸.

Проблема заимствований в военной сфере достаточно сложна и многогранна. Извечные противники, кочевые и земледельческие народы, взаимодействуя друг с другом на протяжении долгого времени, неизбежно должны были перенимать накопленный соседями военный опыт.

Вне всякого сомнения, Византия заимствовала у гуннов, аваров, арабов, хазар тактические приемы, а также некоторые типы вооружения и доспехов¹¹⁹. Однако это нельзя считать проявлением отсталости или деградации византийского военного искусства¹²⁰. Напротив, использование и творческое переосмысление военных достижений противника всегда являлись отличительной чертой греко-римской военной традиции. Если же говорить о типологическом сходстве, то наиболее близкой к Византии, с точки зрения организации вооруженных сил, следует считать военно-административную систему Китая периода династии Тан¹²¹.

По мнению Дж. Хэлдона, дискуссия о происхождении фем на конгрессе в Мюнхене явилась важным рубежом в изучении византийской военно-административной системы, а концепции, предложенные А. Пертузи и Г. А. Острогорским, стали базой для дальнейших исследований¹²². С этой точкой зрения можно согласиться только частично. Действительно, концепция А. Пертузи оказалась достаточно универсальной, и, по сути, все современные теории эволюции «фемной системы» основываются именно на ней. «Теория Острогорского», напротив, устанавливала жесткие хронологические и даже территориальные рамки «фемной реформы», эту концепцию необходимо было либо принимать, либо полностью отвергать. Кроме того, «теория Острогорского» выдвигала на первый план важные, но второстепенные проблемы стратиотского землевладения, комплектования фемных контингентов и организации гражданского управления в фемах.

В 1959 г. греческий византист Я. Караяннопулос опубликовал монографию «Происхождение византийской фемной системы», в которой концепции А. Пертузи и Г. А. Острогорского были подвергнуты серьезной критике¹²³. Автор констатировал, что эти теории не позволяют точно определить время возникновения фем как военных формирований. Создание фем, как единиц провинциального управления, также не могло быть отнесено ко времени правления кого-либо из императоров VII–VIII вв.¹²⁴ Я. Караяннопулос обратил внимание, что «фемная реформа» привела к следующим изменениям: «а) изменения при наборе византийской армии; б) изменения в стратегическом распределении ви-

зантийских вооруженных сил; в) изменения в военной тактике; г) изменения в гражданском управлении империей»¹²⁵. По его мнению, столь глобальные преобразования не могли произойти за короткий период времени. Для этого потребовалось несколько столетий, и следует говорить не об одной «фемной реформе», а о серии реформ, которые продолжались с VI по X в.

Греческий исследователь утверждал, что византийские вооруженные силы прошли длительный путь эволюционного развития. Изменения начались еще в первой половине VI в., когда произошла постепенная замена отрядов иноземных наемников на наемные контингенты, сформированные из подданных империи¹²⁶. Юстиниан I и Маврикий продолжили курс на формирование «национальной армии на основе всеобщей воинской повинности», а созданные ими Итальянский и Африканский экзархаты являлись прообразами фем¹²⁷. Следует также отметить, что проблемам комплектования вооруженных сил Я. Караяннопулос уделял гораздо большее внимание, чем развитию организационных структур¹²⁸. Им были рассмотрены различные способы пополнения византийских войск, но переход к воинской повинности и становление института стратиотского землевладения он считал явлением поздним, характерным для завершающего этапа создания «фемной системы» (IX–X вв.)¹²⁹.

Теория «длительного эволюционного развития» римско-византийской военной системы, сформулированная Я. Караяннопулосом, основывалась на исследованиях немецких историков Т. Моммзена и Р. Гроссе¹³⁰, а также на работах греческих византинистов С. Кириакидиса и К. Амантоса¹³¹. Отметим также, что для монографии Я. Караяннопулоса характерно использование военной терминологии середины XX в. и теоретизирование на военные темы. Например, он считал защиту границ постоянными контингентами (гарнизонами крепостей) ошибкой, так как это «лишало военное руководство свободы маневра». С другой стороны, этого автора вряд ли следует упрекать в частом использовании терминов «национальная армия» или «народная армия». В греческой историографии 30–50-х гг. XX в. подобная терминология встреча-

ется как в специальных исследованиях по военной истории¹³², так и в обобщающих работах¹³³. Возможно, это объясняется ситуацией в самой Греции, где после Гражданской войны 1946–1949 гг. существовала насущная проблема национального согласия и примирения. Следует отметить, что идеи Я. Караяннопулоса впоследствии были развиты М. Григориу-Иоанниду и Т. Лунгисом, которые в своих исследованиях уделяли значительное внимание вопросам фемной военной организации¹³⁴.

Таким образом, к концу 50-х гг. XX в. были сформулированы основные концепции возникновения и развития византийской военно-административной системы в VII–X вв. В последующие годы дискуссия об эволюции «фемной системы» продолжилась. Наиболее оживленная полемика развернулась вокруг «теории Острогорского». С критикой данной концепции выступили П. Лемерль, Х. Гликаци-Арвейлер, У. Э. Кэги, А. Тойнби, Дж. Хэлдон¹³⁵. Необходимо отметить, что высказанные оппонентами Г. А. Острогорского аргументы касались, в первую очередь, комплектования фемных контингентов, а не вопросов, связанных с военной организацией фем. Идеи югославского византиниста нашли поддержку у В. Энслина, П. Хараниса и, отчасти, у Н. Икономидиса и У. Тредголда¹³⁶. Можно констатировать, что одновременно началась новая дискуссия о стратиотском землевладении, в которой, помимо перечисленных исследователей, активное участие приняли также советские византинисты¹³⁷. В рамках данной проблемы обсуждались вопросы крестьянского землевладения, имущественного расслоения в стратиотских общинах, социального статуса военнообязанных крестьян, государственных налогов и повинностей. В целом данная полемика имеет гораздо большее отношение к глобальной проблеме генезиса феодальных отношений, чем к истории византийских вооруженных сил¹³⁸.

В отечественной историографии после 1917 г. военной истории Византии уделялось недостаточное внимание¹³⁹. В основном советские византинисты обращались к темам, связанным с социально-экономическим развитием византийского общества¹⁴⁰. Наиболее значимыми и дискуссионными из них являлись: проблема «дофеодального периода» и комплекс вопросов, касающихся развития в Византии фео-

дальных отношений¹⁴¹. Господствующая идеология допускала, что переходный период от одной социально-экономической формации к другой мог быть достаточно продолжительным по времени. Соответственно, многие советские византилисты придерживались мнения, что в Византии переход от рабовладельческого строя к феодальному занял несколько веков (VII–X вв. или даже весь средневизантийский период)¹⁴². «Фемная реформа» обычно рассматривалась в контексте общей трансформации византийских государственных институтов в «дофеодальный период». Следует также отметить, что в советской историографии определенное внимание уделялось реформированию гражданских органов управления в VIII–IX вв. В итоге доминирующей стала концепция о синхронном изменении в военно-административной и политико-административной системах империи, как ответе автократической монархии на процессы децентрализации и феодализации¹⁴³.

Дискуссии о возникновении первых фем советские византилисты не уделили специального внимания¹⁴⁴. Фактически было признано, что формирование «фемной системы» произошло в середине VII – начале VIII в.¹⁴⁵ Именно в этот период, согласно официальной концепции византийской истории, в империи произошли коренные социально-экономические и политические изменения. М. Я. Сюзюмов писал: «Исторический переход Византии к системе фемного войска является наилучшим свидетельством краха старинного землевладения. Ведь для того, чтобы создать массив стратиотского землевладения, необходимо иметь в качестве основной предпосылки – свободную от помещика землю. Совершенно ясно, что стратиоты были полными хозяевами своих участков. Стратиотские же участки распространились на всю территорию Византии уже в конце VII – начале VIII в.»¹⁴⁶. По мнению Г. Л. Курбатова, «...фемы прежде всего возникли в Малой Азии, но не только по воле византийских императоров, потому что с Востока, от арабов исходила главная угроза. Фемный строй во многом складывался спонтанно, “изнутри”. Его рождение и развитие было связано со спецификой положения и эволюцией отношений в Малой Азии, своеобразием малоазийской общины еще в ранневизантийскую эпоху. Именно здесь

арабы натолкнулись на упорное сопротивление местного населения, многочисленного свободного крестьянства. Не слабая византийская армия первой половины VII в., а малоазийское крестьянство не дало арабам, несмотря на многочисленные успехи и походы, утвердить свое господство в Малой Азии»¹⁴⁷. Таким образом, императоры второй половины VII – первой половины VIII в. получили возможность использовать в интересах государства огромный военный потенциал, которым обладали многочисленные крестьянские общины¹⁴⁸. Создавая фемы на территории Малой Азии и Балканского полуострова, Константин IV, Юстиниан II, Лев III и Константин V придали свободному крестьянству необходимую военную организацию. Кроме того, они законодательно закрепили за «стратиотским сословием» наследственные имущественные и налоговые привилегии¹⁴⁹. М. Я. Сюзюмов писал: «В конце VII и в VIII в. стратиотские массы фем фактически решали судьбу власти императоров. Иконоборческая сирийская династия, представляя интересы молодой военнотрудовой фемной землевладельческой знати <...> должна была привлекать на свою сторону рядовых стратиотов, участников еретических крестьянских движений и городскую бедноту против городской константинопольской знати и монашества. Это было время демагогически проводимых силенциев (городских народных собраний, руководимых императором) и широких конфискаций, укрепления мелкого землевладения»¹⁵⁰.

Возвращаясь к дискуссии о возникновении «фемной системы», отметим, что в историографии 50–80-х гг. XX в. также обсуждалась проблема административных преобразований, которые предшествовали «фемной реформе Ираклия». Одним из таких «административных экспериментов» Э. Штайн, Г. А. Острогорский и некоторые другие исследователи считали создание Африканского и Равеннского экзархатов, которые стали некой «моделью и прообразом будущих фем»¹⁵¹. Однако в исследованиях Т. С. Брауна и О. Р. Бородина было убедительно доказано, что внутренняя структура экзархатов коренным образом отличалась от фемной¹⁵². Французский византист А. Гийу писал, что Равеннский экзархат представлял собой яркий пример регионального сепаратизма,

а император Ираклий, который даже не контролировал ситуацию в Италии, вряд ли стал бы создавать «пять аналогичных проблемных структур на Востоке и на Балканах»¹⁵³.

В 1987 г. американский исследователь И. Шахид опубликовал статью, в которой утверждалось, что в 628–636 гг. Ираклий провел в Сирии и Палестине военно-административную реформу. В результате были ликвидированы должности пограничных дуксов, а ранее подчиненные этим должностным лицам войска («армейские корпуса») образовали четыре фемы («военных округа») с центрами в Эмесе, Дамаске, Тивериаде и, возможно, Аскалоне. Основываясь на свидетельствах арабских источников, И. Шахид писал, что данные преобразования были вызваны неэффективностью старой системы обороны границ, а также необходимостью поставить под жесткий военный контроль местные структуры гражданского управления, которые не были лояльны Константинополю¹⁵⁴. По мнению американского ориенталиста, границы территориальных округов, созданных при Ираклии, совпадали с арабскими «военными округами», сформированными в Сирии и Палестине при халифах Абу Бакре (632–634) и Умаре (634–644). Арабские авторы, писавшие о завоевании ближневосточных провинций Византии, называли эти округа *ajṇād* или *djund* (*jund*)¹⁵⁵. Точно так же они обозначали оборонительные структуры империи, т. е. термин *ajṇād* в арабских источниках равнозначен термину *θέμα*. В последующих публикациях И. Шахид привел дополнительные доводы в пользу своей теории, рассмотрел внутреннюю структуру четырех ближневосточных фем (регулярные войска – контингенты *limitanei* – арабские *foederati*), а также посвятил каждой из них отдельный обзор. Важным, на наш взгляд, моментом является то, что И. Шахид признал «административный эксперимент» Ираклия в Сирии и Палестине неудачным. Созданные в данном регионе фемы не смогли остановить арабское наступление. Однако накопленный в 20–30-е гг. VII в. опыт был использован преемниками Ираклия при формировании «фемной системы» в Малой Азии¹⁵⁶.

Критические замечания по поводу концепции И. Шахида были высказаны английским византинистом Дж. Хэлдоном. По его мнению,

Ираклий не создавал на Ближнем Востоке принципиально новых военно-административных структур. Его деятельность ограничилась восстановлением *limes Arabicus* – системы пограничных дукатов вдоль стратегически важной дороги из Дамаска в Пальмиру (*strata Diocletiana*)¹⁵⁷. В Сирию и Палестину были направлены военные контингенты из других регионов империи, и к 632 г. здесь фактически была воссоздана оборонительная система, существовавшая при Юстиниане I. Задача пограничных дукасов состояла в отражении грабительских набегов, на них же была возложена обязанность восстановления оборонительных сооружений, разрушенных в ходе войны с Ираном. Однако к началу арабского нашествия ближневосточный регион к обороне подготовлен не был¹⁵⁸. Следует также отметить, что сам Дж. Хэлдон является сторонником концепции формирования «фемной системы» не ранее второй половины VII в.¹⁵⁹ Тем не менее, он признал важность изучения арабской военно-административной терминологии для исследования сходных по организации византийских структур¹⁶⁰.

Полемика между И. Шахидом и Дж. Хэлдоном продолжалась почти 15 лет, но значительного влияния на современную историографию она не оказала¹⁶¹. Причина заключается в том, что работы американского исследователя были ограничены узкими хронологическими и географическими рамками. Выводы, сделанные И. Шахидом, несомненно, представляют интерес, но только для истории ближневосточного региона. Кроме того, ему не удалось объяснить, почему император Ираклий придавал столь большое значение обороне Южной Сирии и Палестины и не предпринимал каких-либо серьезных попыток реформировать пограничные военные командования в Месопотамии и Северной Сирии. Если принять тезис И. Шахида о том, что реформы были проведены с учетом опыта войны с Сасанидами, то в первую очередь Ираклий должен был укрепить оборону Антиохии¹⁶². Ведь именно захват персидскими войсками этого города в 611 г. привел к катастрофическим последствиям, так как империя оказалась разделена на две части. Характерно, что в 30–40-е гг. VII в. арабы действовали аналогичным образом. Захватив в 638 г. Антиохию, они вновь отделили ближневосточные про-

винции от остальной территории Византии, и после этого потеря контроля над Сирией, Палестиной и Египтом стала лишь вопросом времени. Следовательно, утверждение о том, что из опыта войны с Ираном были сделаны серьезные выводы, является неверным.

Полемизируя с И. Шахидом, Дж. Хэлдон пытался доказать, что арабские термины *ajṇād* (*djund*) не следует считать аналогом греческого *θέρμα* («военный округ»). Однако арабские термины, как и греческие, имеют несколько значений. Слово *ajṇād*, например, могло означать «армия, войско». Термин «фема» (= *κατάλογος*) в VI в. также мог обозначать полевую армию. По нашему мнению, Дж. Хэлдону не удалось доказать, что во времена арабского завоевания Сирии слово *ajṇād* было равнозначно греческому *δουκάτων*. Отметим также, что при рассмотрении проблемы, связанной с коротким отрезком времени (20–30-е гг. VII в.), английским византинистом зачастую использовались данные источников VIII или даже IX в. Впрочем, это обычная методика, к которой для обоснования своих доводов прибегают многие исследователи¹⁶³.

В современной историографии преобладающей является точка зрения, согласно которой «фемная система» появилась во второй половине VII – первой половине VIII в.¹⁶⁴ За несколько последних десятилетий было сформулировано несколько теорий, которые связывали реорганизацию военно-административных структур империи с арабо-византийскими войнами. В частности, Р.-И. Лили выдвинул идею о «двухсотлетней реформе». По мнению немецкого исследователя, первые фемы появились в Малой Азии в 60–80-е гг. VII в. после потери Византией контроля над Сирией, Палестиной, Египтом и другими восточными провинциями. Первоначально фемы являлись исключительно военными формированиями, не имевшими постоянных мест размещения и снабжения. Однако на рубеже VII–VIII вв. они были преобразованы из мобильных военных группировок в «военные округа» Армениак, Анатолик, Опсикий, Фракисий¹⁶⁵. В дальнейшем на территории этих фем произошло объединение военной и гражданской администрации под руководством стратига, а к 30–40-м гг. VIII в. сформировалась новая система комплектования и снабжения фемных

контингентов. Соответственно, Р.-И. Лили следует включить в число тех исследователей, которые считают появление стратиотского землевладения достаточно поздним явлением. Кроме того, немецкий византист утверждает, что «двухсотлетняя реформа» была завершена только к середине IX в., когда «фемный режим управления» был распространен на всю территорию Византии¹⁶⁶.

У. Э. Кэги также связывает появление фем с арабо-византийскими войнами. В одной из своих монографий он подробно рассмотрел ход военных действий на начальном этапе арабо-византийского противостояния (до завершения первого иконоборческого периода). В результате американский исследователь пришел к выводу, что империя потерпела от мусульман катастрофическое поражение, которое привело не только к потере огромных территорий, но и к тяжелому экономическому и финансовому кризису. Византийские вооруженные силы были разгромлены, а деятельность гражданских органов управления, как столичных, так и провинциальных, оказалась парализованной¹⁶⁷.

Созданный У. Э. Кэги «апокалипсический» образ агонии византийского государства, основанный на крайне ограниченном круге письменных источников, является неправдоподобным. Чтобы убедиться в этом, достаточно, например, проследить ход военных действий в Закавказье или динамику военных потерь арабской стороны в 40-е и 60-е гг. VII в.¹⁶⁸ Отметим также, что в войнах между Византией и Халифатом не было «линии фронта» и арабам было не нужно «прорывать оборону» византийских войск. К этому, очень масштабному по меркам Средневековья, военному противостоянию не применимы современные оперативно-тактические термины «линия обороны» или «глубина обороны», а «пятидесятитысячное мусульманское войско в Хрисополе» – это не «танковые клинья под Дюнкерком».

По мнению У. Э. Кэги, первые фемы были созданы в Малой Азии в 40–80-е гг. VII в. Происходило это в экстраординарных условиях, когда арабские войска угрожали Константинополю¹⁶⁹. В данной ситуации императоры Констант II (641–668) и Константин IV вынуждены были передать значительные административные полномочия командирам мо-

бильных армий, воевавших в Малой Азии против мусульман. В частности, им были подчинены гражданские органы управления старых провинций, главной задачей которых стала организация снабжения фемных контингентов. Одновременно с этим в Константинополе началась крупнейшая реорганизация центральных органов государственной власти¹⁷⁰.

У. Э. Кэги писал, что создание больших малоазийских фем не привело к коренному изменению ситуации в борьбе против арабов. Напротив, уже в 40-е гг. VII в. начались мятежи фемных войск, которые еще более усложнили положение империи¹⁷¹. Выход из «военного и политического тупика» был найден в разделении больших фем на более мелкие административные единицы, что значительно уменьшило военные возможности потенциальных мятежников. Однако окончательно преодолеть последствия «двадцатилетия анархии», завершить реформирование системы гражданского управления и стабилизировать внешнеполитическое положение Византии удалось только императорам Исаврийской династии¹⁷².

Английский византист Дж. Хэлдон, автор многочисленных научных и научно-популярных работ по истории Византии¹⁷³, является сторонником теории возникновения фем во второй половине VII – начале VIII в. В своих исследованиях, посвященных военно-административной системе империи, Дж. Хэлдон рассматривал в основном проблемы, связанные с комплектованием фемных контингентов, организацией их снабжения и тылового обеспечения¹⁷⁴.

Несомненной заслугой Дж. Хэлдона является изучение процесса реформирования гражданских административных структур, ведавших снабжением вооруженных сил. По его мнению, масштабные преобразования начались в 60–80-е гг. VII в.; их целью была замена устаревших позднеантичных институтов управления на новые, более эффективные органы власти. В первую очередь реорганизации подверглись службы, ранее находившиеся в подчинении у префекта претория и магистра оффикий. Сами должности *praetorian prefect* (ὕπαρχος τῶν πραίτωριῶν) и *magister officiorum* (μᾶγιστρος τῶν ὀφφικίων) были ликвидированы. Место старых административных структур заняли секреты (логофесии), число которых постепенно увеличивалось. Снабжение и материальное обеспечение императорской армии было поручено логофету дрома

(λογοθέτης τοῦ δρόμου), препозиту иди́ка (πραιπόσιτος τὸν εἰδικός) и, возможно, логофету геникона (γενικός λογοθέτης), а вопросы комплектования фемных контингентов оказались в ведении логофета стра­тиотиков (λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ)¹⁷⁵.

По мнению Дж. Хэлдона, наиболее важным из военных преобразований VII–VIII вв. была смена формы комплектования византийской армии. Отказ от регулярного набора (Дж. Хэлдон использует термин *recruitment* – «вербовка») и замена его на воинскую повинность позволили значительно увеличить военный потенциал вооруженных сил. Обязанность несения военной службы была возложена на значительную часть византийского крестьянства, причем стратиотские участки выделялись ведомством иди́ка из земельного фонда ведомства императорских имуществ¹⁷⁶. Созданная к середине VIII в. система комплектования, неразрывно связанная с «военными землями», оказалась достаточно универсальной. Об этом свидетельствует ее распространение как в восточных, так и в западных фемах Византии¹⁷⁷. Кроме того, данная система создавалась также на территориях, отвоеванных империей во время войн против арабов во второй половине IX – X в.¹⁷⁸

Подводя итоги обзору исследовательской литературы, посвященной возникновению «фемного строя», необходимо констатировать отсутствие в современной историографии единых подходов к решению данной проблемы. В ходе длительной дискуссии об эволюции византийской военно-административной системы в VI–VIII вв. было выработано несколько концепций, но ни одна из них на сегодняшний день не может быть признана преобладающей. Среди исследователей есть как сторонники «теории Острогорского», так и приверженцы «теории Караяннопулоса». По поводу третьей концепции – возникновения «фемной системы» во второй половине VII – первой половине VIII в. – следует сказать, что она так и не была окончательно сформулирована¹⁷⁹. Во всяком случае, в исследовательских работах последних лет полемика между сторонниками различных ее интерпретаций продолжалась¹⁸⁰.

По нашему мнению, основной причиной ситуации, сложившейся в историографии, является повышенное внимание исследователей к проблеме комплектования императорской армии, которая постепенно вытеснила проблему эволюции организационных структур на второй

план. Более того, из всей весьма обширной тематики, связанной с набором в византийские вооруженные силы, в специальной литературе предпочтение отдавалось вопросам стратиотского землевладения. Данная тенденция объясняется, прежде всего, состоянием источниковой базы. Сведений о военных структурах или о системе военных командований фемных контингентов сохранилось немного, тогда как свидетельства о *στρατιωτικὰ κτήματα* содержатся не только в исторических хрониках, но и в законодательных актах VIII–IX вв., императорских новеллах X–XI вв., военных трактатах средневизантийского периода. В итоге это привело к парадоксальной ситуации – о рядовых солдатах провинциальных военных ополчений известно гораздо больше, чем о высшем командном составе императорской армии.

Еще в 1984 г. Р.-И. Лили констатировал, что дальнейшая дискуссия по проблеме возникновения фем бесперспективна. По его мнению, даже «полный обзор литературы по организации фем является бессмысленным» из-за принципиально разных подходов и методик, использованных исследователями¹⁸¹. Принимая во внимание точку зрения немецкого византиниста, отметим, что отсутствие единой концепции формирования «фемной системы» не позволяет выработать периодизацию развития военно-административных структур Византии VII–XI вв. Ведь согласно теории того же Р.-И. Лили о «двухсотлетней реформе» начальный период истории «фемного строя» завершился в середине IX в. Однако В. В. Кучма, Г. Г. Литаврин, М. Григориу-Иоанниду, Н. Своронос и другие исследователи утверждают, что уже в конце IX в. начался «кризис фемного строя», вызванный имущественным расслоением в стратиотских общинах¹⁸². Следует отметить, что совместить эти диаметрально противоположные подходы к истории «фемного периода» византийской истории крайне сложно.

Выход из «историографического тупика» был найден в привлечении новых методологических подходов, а также в значительном расширении источниковой базы исследований. В первую очередь, речь идет о публикации новых источников, широком использовании просопографического метода, данных сфрагистики, нумизматики, исторической географии, эпиграфики, эпистолографии. В связи с этим значительно выросло как число работ, посвященных различным аспектам военно-

административной истории Византии, так и разнообразие представленной в них тематики. Основными направлениями исследований в современной историографии являются:

1. Публикация новых источников. После издания Н. Икономидисом «Эскуриальского тактика»¹⁸³ каких-либо принципиально важных и ранее неизвестных письменных источников обнаружено не было¹⁸⁴. Однако в 80-е гг. XX в. началось массовое введение в научный оборот сигиллографического материала. За последние тридцать лет были опубликованы каталоги византийских печатей крупных музейных собраний, небольших провинциальных музеев, частных коллекций. Необходимо упомянуть также уникальные находки «архивов» византийских моливдулов в Преславе, Севастополе и Судаке¹⁸⁵. Исследования специалистов по византийской сфрагистике – В. Лорана, Н. Икономидиса, В. С. Шандровской, Ж.-Кл. Шене, И. Йорданова, Дж. Несбитта, В. Зайбта, Э. Макгира, Хр. Ставракоса, Е. В. Степановой, Н. А. Алексеенко, И. Леонтиадиса и др. – внесли значительный вклад в изучение военно-административной системы Византии VII–IX вв.¹⁸⁶

2. Исследование отдельных элементов византийской военной системы. Данное направление отличается наибольшим разнообразием изучаемых проблем. В работах отечественных и зарубежных византинистов рассматриваются вопросы, связанные с историей отдельных фем, элитных воинских контингентов, союзных и наемных формирований, различных командных должностей¹⁸⁷. Отдельными направлениями в современной историографии являются исследования регулярных контингентов императорской армии¹⁸⁸ и военного флота¹⁸⁹. Кроме того, в последние годы весьма активно проводятся исследования микроструктурных компонентов византийской военной системы (турмы, клисуры, провинциальные тагмы, «армянские» фемы)¹⁹⁰. Отметим также, что данная тематика связана с изучением исторической географии Византии, так как многие «малые» элементы военно-административной структуры существовали непродолжительное время и их географическая локализация затруднена¹⁹¹.

3. Исследования по византийской просопографии, основа которых была заложена в трудах А. Джонса, В. Лорана, А. П. Каждана, в последние десятилетия вышли на качественно новый уровень¹⁹².

От изучения *cursus honorum* политических и военных деятелей, истории отдельных семей и кланов¹⁹³ современное византиноведение перешло к реализации масштабных проектов: «Просопография Поздней Римской империи»¹⁹⁴, «Просопография средневизантийской эпохи» (PmbZ), «Просопография византийского мира» (PBW). Для изучения военно-административной истории Византии появление этих просопографических баз данных особенно актуально, так как они позволяют проводить комплексные исследования командного состава вооруженных сил и должностных лиц провинциальной администрации¹⁹⁵.

Можно констатировать, что благодаря массовой публикации памятников византийской сфрагистики и активизации просопографических исследований объем информации, находящейся в распоряжении исследователей, значительно возрос. Однако попытки обобщить и систематизировать накопленные за последнее время сведения о военно-административных структурах Византии VII–XI вв. следует признать неудачными. Выводы, сделанные авторами данных работ, достаточно быстро утрачивают актуальность или же полностью опровергаются после публикации нового сфрагистического материала¹⁹⁶. Использование других методик – изучение эволюции военных структур в отдельно взятом регионе или исследование государственной военной политики на протяжении короткого периода времени – позволяет получить наиболее репрезентативные данные¹⁹⁷.

В заключение отметим, что обзор современной историографии по всем аспектам византийской военной истории VII–XI вв. представляет собой тему отдельного серьезного исследования. Так как в данной работе не ставятся задачи изучения, например, эволюции византийского военного искусства (в особенности – тактики), развития военных технологий или финансово-экономических аспектов функционирования византийской военной системы, то в дальнейшем историографические сюжеты будут рассматриваться нами в соответствующих отдельных случаях.

ГЛАВА 2

РЕГУЛЯРНЫЕ КОНТИНГЕНТЫ ВИЗАНТИЙСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ (VII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА IX В.)

Scholae palatinae и регулярные войска византийских фем в VII – первой половине VIII в.

В Византийской империи VII–X вв. существовало значительное число воинских контингентов, сформированных на регулярной основе¹. Создавались они в разное время и с различными целями. Большую часть регулярных войск составляли подразделения, постоянно принимавшие участие в военных действиях. Меньшая часть выполняла охранные функции, не покидая пределов византийской столицы. В связи с различной специализацией регулярных формирований, прежде всего, необходимо остановиться на терминологии, используемой в источниках и исследовательской литературе.

Главное различие между регулярными войсками и фемными ополчениями состояло в способе комплектования. Постоянные контингенты византийской армии набирались на добровольной основе, а милиционные формирования провинций – на основе воинской повинности. Служба в регулярных частях предусматривала выплату рядовым воинам и командирам жалованья. Кроме того, государство обеспечивало их вооружением, доспехами, лошадьми, продовольствием и прочими необходимыми припасами. В зарубежной и русской дореволюционной историографии для обозначения способа комплектования постоянных контингентов использовался термин «вербовка»².

Вербовка традиционно противопоставлялась военной повинности. Русский военный теоретик А. М. Добровольский писал: «Воинская повинность есть основанная на принадлежности к государству обязанность подданных служить в составе организованной вооруженной силы государства. <...> Воинская повинность покоится на одностороннем волепроявлении государства, налагающего эту обязанность на подданных в силу своей суверенной власти, и является противоположностью вербовке, в основе которой лежит добровольное соглашение государства с подданными»³. В военно-теоретической литературе войска, сформированные из подданных государства на добровольной основе или на основе воинской повинности, противопоставлялись также наемным контингентам. Отряды наемников состояли из профессиональных воинов, набиравшихся государством для несения военной службы из числа иностранцев⁴.

В советской историографии термин «вербовка» не использовался. Существовало четкое противопоставление «народных ополчений» («народных армий») остальным типам вооруженных сил, основанным на найме государством подданных для военной службы. Все без исключения постоянные армии древности и Средневековья, состоявшие из профессиональных солдат и командиров, считались наемными. Главным критерием служило получение военнослужащими денежной оплаты за службу, а армия считалась частью государственного «аппарата подавления». А. П. Каждан признавал, что Византия VIII–X вв., в отличие от большинства централизованных западноевропейских государств, не соответствовала общепринятым схемам, так как императорская армия состояла из воинских подразделений, отличающихся по способу комплектования (ополчения фем, регулярные контингенты, отряды иностранных наемников). Одновременно с этим он утверждал: «Буржуазные историки не дали и не могли дать анализа социальной природы византийского войска, – более того, они не создали и работ, которые содержали бы внешнюю характеристику византийской армии»⁵. По мнению Г. Г. Литаврина, среди византинистов (по всей видимости, отечественных. – А. М.) «нет разногласий в оценке значения наемного тагмного войска,

удельный вес которого в военных силах империи постепенно возрастал вслед за упадком фемного войска. Значительная часть средств... употреблялась на расширение контингентов воинов-наемников (византийцев и иноземцев), находившихся целиком на содержании правительства и получавших, кроме того, плату за свою воинскую службу»⁶.

В исследовательских работах регулярные отряды императорской армии зачастую называют «элитными», «гвардейскими», «отборными», «ударными» и пр. Необходимо отметить, что в византийских источниках эти эпитеты не встречаются, но часть из них отражают реалии средневизантийской эпохи⁷. По сравнению со стратиотами фемных ополчений, воины регулярных контингентов были лучше подготовлены, вооружены, они своевременно получали жалованье, имели большие возможности сделать карьеру. На воинские упражнения, как индивидуальные, так и в составе подразделений, обучение различным тактическим приемам также отводилось значительное время. В связи с этим регулярные части действительно следует считать наиболее боеспособными («элитными»), а их солдат и командиров – отборной привилегированной частью императорской армии.

Использование термина «гвардия» (*guardia*, «охрана, стража») также вполне уместно, но не по отношению к боевым частям⁸. В Византии VIII–X вв. существовали отряды дворцовой стражи и телохранителей императора, которые, помимо основных функций, играли важную роль в придворном церемониале. Они принимали участие в торжественных шествиях, богослужениях, императорских выходах, триумфах и пр.⁹ В этих подразделениях служили не только подданные империи, но и иностранные наемники (арабы, хазары, персы, турки, варяги, русские, норманны).

В византийских источниках отряды регулярных войск называются *τάγμα* (*τάγμα στρατιωτικόν*), хотя этот термин встречается в исторических сочинениях с V–IV вв. до н. э. в значении военного отряда неопределенной (любой) численности¹⁰. В текстах II–V вв. слово *τάγμα* являлось греческим аналогом латинских *cohors*, *ordo*, *manipula*, *ala*, *schola*, т. е. обозначало часть легиона (когорта, «линия», манипула) или

отдельное кавалерийское подразделение¹¹. В «Стратегиконе» Маврикия тагма упоминается как подразделение из 300–400 человек под командованием комита¹². Судя по текстам военных трактатов, к началу XI в. терминами *τάγμα* или *θέμα* могли обозначаться любые боевые подразделения численностью от 500 до 4 тыс. человек.

В военно-административном лексиконе средневизантийского времени, напротив, существовало четкое разделение значений терминов *τάγμα* и *θέμα*. Фема обозначала территориальную единицу, а *τάγμα* – отряд регулярных войск, не связанный с какой-либо территорией на постоянной основе. Названия *τάγμα τῶν Ἀρμενιάκων* или *τάγμα τῶν Λυκαόνων* указывали, на какой территории данные контингенты были сформированы (фема Армениак, турма фемы Анатолик Ликаония). Вести боевые действия эти тагмы могли как в Южной Италии, так и в Закавказье. Отметим также, что в источниках XI в. тагмами назывались отряды наемников, союзников, даже отдельные подразделения войск противника¹³.

Число исследований, специально посвященных византийским регулярным войскам, невелико. В работах конца XIX в. – середины XX в. возникновению и развитию этой части вооруженных сил империи уделялось недостаточное внимание. Ф. И. Успенский, Дж. Бьюри, Л. Брейе и другие византинисты ограничивались общей характеристикой эволюции тагм, обращая внимание на недостаточность и противоречивость материалов источников. В частности, отмечалось, что первые регулярные боевые подразделения были сформированы в правление императора Константина V. Однако описание организационной структуры, численности, должностей и функций командного состава этих воинских частей всегда основывалось на «Книге церемоний» Константина Багрянородного, источнике X в.¹⁴

С конца XIX в. в историографии преобладает мнение, что история регулярных войск византийской армии восходит к позднеантичному времени. Несомненно, данная точка зрения является верной, но из-за сложной организационной структуры вооруженных сил Поздней империи проследить связь между отдельными «элитными» формированиями

позднеантичного (ранневизантийского) времени и регулярными частями IX–XI вв. достаточно сложно. Прежде всего, это касается военных контингентов, которые обозначались термином *scholae*. В источниках V в. упоминаются кавалерийские школы – боевые подразделения численностью 400–500 человек. В восточной части Римской империи размещалось семь таких отрядов, в западной – пять. Они отличались высокой боеспособностью и постоянно принимали участие в военных кампаниях¹⁵.

Первоначально каждая кавалерийская школа имела собственное название, но с VI в. они были пронумерованы. В «Хронографии» Феофана упоминается, что в феврале 562 г. Юстиниан I распорядился переместить семь отрядов школяриев из Никомедии, Киоса, Прусы, Кизика, Котиея и Дорилея на территорию Фракии, в Ираклию и соседние города¹⁶. На основании этого фрагмента из сочинения Феофана в исследовательской литературе утвердилось мнение, что и в более позднее время, вплоть до X–XI вв., перечисленные города оставались местами размещения «элитных» подразделений византийской армии¹⁷. Следует отметить, что «номерные» школы упоминаются не только в исторических хрониках. Опубликована печать Фотина, школярия второй школы, которая датируется второй половиной VI – VII в.¹⁸

Помимо кавалерийских школ (боевых частей) в IV–VI вв. в Византии существовали также отряды дворцовой стражи, которые обозначались общим термином *scholae palatinae*. В историографии второй половины XIX – начала XX в. господствовала теория, согласно которой эти регулярные контингенты являлись основным военным институтом, готовившим командиров для службы в мобильных войсках (*comitatenses*)¹⁹. Однако впоследствии данный тезис был опровергнут. По мнению Р. Гийана, Р. Франка, Е. П. Глушанина и ряда других исследователей, функции *scholae palatinae* состояли в личной службе императору, которая предусматривала не только охрану дворца, но также исполнение поручений в различных сферах государственного управления (дипломатические миссии, судопроизводство, командование провинциальными воинскими контингентами, временная или постоянная служба в гражданских ведомствах)²⁰.

Многие вопросы, связанные с составом, структурой и численностью императорской «гвардии» в ранневизантийский период, остаются дискуссионными. В источниках V–VII вв. упоминается несколько отрядов дворцовой стражи: *protectores domestici*, *domestici*, *scholae*, *protectores*, *excubitores*, *candidati*, *scribones*, *spatharii*, *stratori*. Известно, что организационная структура этих подразделений периодически изменялась, некоторые контингенты ликвидировались. На положении солдат и командиров расформированных отрядов это не отражалось, так как они переводились в другие части дворцовой стражи, сохраняя прежние наименования своих должностей. Например, *доместики* и *протекторы* служили в VII в. в *схолах*²¹. Трансформация «гвардейских» частей объяснялась, прежде всего, внутривластными причинами. Данный процесс весьма точно охарактеризовал А. Кэмерон: «На тот случай, если отряды императорской стражи будут побеждены внешними или обольщены внутренними врагами, у императора всегда оставался запасной оборонительный рубеж»²².

Согласно другой, весьма распространенной в историографии, точке зрения, служба в подразделениях дворцовой стражи играла роль «социального лифта», особенно для выходцев из провинций. Зачастую первой ступенью в успешной карьере было зачисление в *protectores* императора²³. С VI в. необременительная, лишенная военных опасностей, служба в придворных «элитных» отрядах стала привлекать состоятельных жителей Константинополя. Они покупали себе место в списках *scholae palatinae*, так как это приближало их к императорской особе, повышало социальный статус, позволяло обзавестись влиятельными знакомыми или покровителями²⁴. Высший командный состав византийской армии также был тесно связан с придворными *схолами*. *Cursus honorum* некоторых императоров и известных военачальников включал посты в руководстве «элитными» подразделениями. Например, будущий император Зенон (474–475, 476–491) служил в должности *comes domesticorum*, а Юстин I (518–527) – *comes excubitorum*²⁵. В некоторых аристократических семьях существовала традиция записывать несовершеннолетних сыновей в *схолы*. Подобная практика подтверждается не только пись-

менными источниками, но и данными сфрагистики. Приведем в качестве примера печати Каллиника, иллюстрия и схолария, которые датируются 550–650 гг.²⁶

Прокопий Кесарийский подробно описывал ситуацию, сложившуюся в «элитных» войсках в последние годы правления Юстиниана I. По его словам, первоначально было 3 500 схоляриев, назначенных для охраны дворца (ἐπὶ φυλακῇ τοῦ παλατίου). Служба в схолах считалась «великой честью», императоры лично отбирали для нее из полевой армии самых доблестных воинов. Однако в правление Зенона в дворцовую стражу стали принимать всякого, кто пожелал купить доступ к этой службе. В итоге число схоляриев увеличилось на 2 тыс. человек, их называли зачисленными «сверх списка» (ὑπεράριθμοι)²⁷. Эти схолярии уже ничего не смыслили в военных делах, как и солдаты других подразделений «дворцового войска» – доместики и протикторы (δομέστικοί, προτήκτορες)²⁸. Сведения Прокопия Кесарийского о деградации *scholae palatinae* подтверждаются в сочинении Агафия Миринейского²⁹, который констатирует, что во время набега гуннов на Константинополь в 559 г. «солдаты из тагм... которых называют схоляриями» показали полную несостоятельность³⁰.

Следует отметить, что отношение авторов VI–VII вв. к императорским телохранителям являлось в целом негативным. Особенно часто критике подвергались ἑξκουβίτορες, о которых Р. Франк, суммируя свидетельства источников, писал: «Они были плохими солдатами, пригодными только для парадов»³¹. Примечательно, что солдаты императорской «гвардии», напротив, осознавали свою элитарность и высокий социальный статус. Подтверждением этому являются памятники сфрагистики. В полевой армии печатей не было не только у рядовых солдат, но и у большинства младших командиров. В *scholae palatinae* наблюдается противоположная ситуация – известно большое количество моливдовулов схоляриев и экскувитов. Как правило, эти буллы столичной работы отличались высоким качеством. Например, на лицевой стороне печати схолария Задона помещено изображение орла. Поднятые крылья смыкались, образуя окружность, внутри которой находилась монограм-

ма надписи Θεοτόκε βοήθει³². На другом моливдовуле примечательно не изображение, а надпись: «Феодора экскувитора, раба Богоматери»³³. Упомянем также печать командира «элитного» отряда: Στεφάνου κόμμητος τοῦ θείου ἐξκουβίτου³⁴.

На один из моливдовулов следует обратить специальное внимание. Это печать VII в., хорошей сохранности, с двусторонней надписью: Θεοτόκε βοήθει Γεωργίου σχολαρίου καὶ ἐξκουβίτορος³⁵. Издатели уклонились от объяснения того, каким образом владелец буллы мог одновременно служить сразу в двух отрядах дворцовой стражи. По нашему мнению, Георгий принадлежал к упоминавшейся Прокопием Кесарийским группе ὑπεράριθμοι («сверхштатных»), т. е. был включен одновременно в списки схоляриев и экскувитов.

Моливдовулов, принадлежавших протекторам, значительно меньше. Самые поздние из них датируются второй половиной VII в.³⁶ Предположение Р. Франка о том, что protectores служили в схолах младшими командирами вплоть до IX–X вв., основано на тексте De ceremoniis, иных подтверждений этому нет³⁷. С другим отрядом дворцовой стражи – domesticis – ситуация принципиально иная. Печатей доместиков опубликовано много. В качестве примера упомянем моливдовулы с легендами: Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Δανιὴλ δομεστίκῳ ἀμήν («Богоматерь, помоги своему рабу Даниилу, доместику, аминь»)³⁸ и Θεοτόκε, βοήθει τῷ δούλῳ σου Ὅττῳ δομεστίκῳ («Богоматерь, помоги рабу своему Ὅττῳ, доместику»)³⁹. Однако эти и другие печати только предположительно принадлежали солдатам, так как с VIII в. появляются δομέστικοι в гражданских ведомствах и церковных структурах⁴⁰.

Несмотря на фактическую утрату боеспособности, excubitores и scholae весьма активно участвовали в политической жизни Византии. Российский историк права В. М. Грибовский сравнивал отряды императорских телохранителей VI–VII вв. с преторианцами эпохи Принципат⁴¹. Он считал, что «...за дворцовой гвардией протянули руку к короне компактные провинциальные легионы, и тирания солдат наполнила ужасом всю империю»⁴². Отметим, что данное мнение является оши-

бочным, не подтверждается источниками и явно преувеличивает возможности отрядов дворцовой стражи. Предпочтительнее выглядит точка зрения У. Кэги: «Гвардия находилась в состоянии долговременных бездеятельных волнений и смут... она была вечно недовольна»⁴³. Периодически скрытое недовольство перерастало в бунты. Например, 14 мая 615 г., в праздник Св. Троицы, схолярии устроили беспорядки во время богослужения в храме Св. Софии, их поддержали жители Константинополя. В «Пасхальной хронике» упоминается, что причиной недовольства было очередное урезание продовольственных пайков и рост цен на городских рынках⁴⁴.

В VI–VII вв. схолярии и экскувиты являлись не только императорской «гвардией». Жители Константинополя воспринимали их как «городское войско» (ὁ τῆς πόλεως στράτος). В немногочисленных сохранившихся источниках, рассказывающих о повседневной жизни византийской столицы, часто упоминаются схолярии и экскувиты. В качестве примера можно привести анонимное агиографическое сочинение «Чудеса св. Ферапонта», повествующее о событиях второй половины VII в.⁴⁵ Большая часть текста посвящена перенесению мощей святого с Кипра в Константинополь после начала арабских нападений на остров. В столице священные реликвии были помещены в церкви Богоматери τῆς Ἐλαίας, где стали происходить многочисленные чудеса⁴⁶. Анонимный автор писал, что многие жители Константинополя избавились от различных недугов, проведя несколько дней у саркофага с мощами св. Ферапонта. Среди прибегнувших к помощи святого были и военные: Георгий, «свернувший шею и ослепший на один глаз... десятник солдат из охранной тагмы» (δέκαρχος ἐν στρατιωτικῇ τάγματι ἀριθμούμενος), полностью излечился, как и парализованный экскувит Феодор (ἐξκουβίτωρ ὑπῆρχε τὸ στράτευμα)⁴⁷. «Великое чудо» произошло с «одним схолярием» (ἐν σχολαρίος), раненным в грудь. Заснув у саркофага с мощами, он увидел во сне св. Ферапонта, приложившего повязку к его ране. Вскоре схолярый полностью исцелился⁴⁸.

О том, что солдаты и командиры императорской «гвардии» были неразрывно связаны с Константинополем, свидетельствует участие

scholae palatinae в противостоянии т. н. партий ипподрома (circus factions, δῆμοι). Известно, что соперничество между димами продолжалось несколько веков, периодически перерастая в кровавые столкновения. В этих стычках схолярии традиционно поддерживали партию вене-тов (βένετοι, «зеленые»), а экскувиты – партию прасинов (πράσινοι, «голубые»)⁴⁹. В некоторых исследованиях XIX в. даже утверждалось, что значительное число солдат «элитных» отрядов набирались из circus factions, а сами «димы... имели военную организацию и назначались для гарнизонной службы при стенах»⁵⁰.

Данных об участии отрядов дворцовой стражи в военных действиях в первой четверти VII в. сохранилось немного. Предположения о том, что схолярии и экскувиты составляли основные силы, оборонявшие Константинополь, не подтверждаются источниками. В «Хронографии» Феофана сообщается об успешных действиях скривонов (scribones) против аваров на Дунае в 601/602 г.⁵¹ Экскувиты, напротив, в 611–612 гг. крайне неудачно воевали с персами в Каппадокии⁵².

С начала VII в. численность отрядов дворцовой стражи стала сокращаться из-за недостатка финансовых средств⁵³. Известно, что в первые годы правления Ираклия были уменьшены отряды императорских телохранителей (scribones и candidati), а в подразделениях excubitores и scholae насчитывалось по 300–400 воинов⁵⁴. Прекращение денежных выплат уменьшило привлекательность службы в дворцовой страже. Как следствие, многие уволенные со службы схолярии покинули Константинополь, переселились в провинциальные города или возвратились на родину. Например, в тексте Жития прп. Феодора Сикеота сохранились весьма колоритные образы схоляриев Мартина и Феодора. Первый из них, «большой сквернослов», после ухода со службы стал кожевником в Никомедии (Νικομήδεια, совр. İzmit, Измит)⁵⁵. Другого схолярия, «объятого бесом» Феодора, к Феодору Сикеоту привели родственники⁵⁶. Игумен, которому «святая Георгий поспел на помощь», сумел исцелить больного. В Житии также говорится, что схолярий Феодор занимал высокое общественное положение, являясь «отцом города» Катавола⁵⁷. Данный пример подтверждает, что в начале VII в. еще сохранялась ста-

рая традиция, согласно которой некоторые солдаты и командиры, покинувшие императорскую службу, занимали различные должности в структурах местного управления⁵⁸.

Положение *scholae palatinae* коренным образом изменилось во время военно-политического кризиса второй половины VII в. Данной проблеме посвящено фундаментальное исследование Дж. Хэлдона «Византийские преторианцы», которое охватывает период с VI до начала X столетия⁵⁹. Автор рассматривает широкий круг вопросов, связанных с возникновением, комплектованием, организационной структурой, материальным и финансовым обеспечением различных «элитных» подразделений императорской армии. Английский исследователь констатирует, что к концу VI – началу VII в. подразделения дворцовой стражи (*scholae, excubitores, protectores, domestici*) не являлись боевыми частями. Отряды императорских телохранителей (*candidati, scribones, spatharii*) были малочисленны, военного значения они также не имели⁶⁰.

Наиболее важным результатом исследования Дж. Хэлдона является установление взаимосвязи между регулярными отрядами дворцовой стражи и создававшимися в 60–70-е гг. VII в. фемами. В этот период на территории Вифинии, от Хрисополя до Никомедии, была сформирована *θέμα*, получившая название Опсикий (*Ὀψικίον*). По мнению английского византиниста, в состав этой группы войск вошли контингенты двух бывших «презентальных армий» (*exercitus presentialis*). В их числе были «элитные» кавалерийские схолы, а также отряды оптиматов и вукеллариев (*optimates, bucellarii*), сформированные в основном из наемников⁶¹. При Константе II и Константине IV армия «богохранимого императорского Опсикия» принимала участие в военных походах против арабов⁶². В правление Юстиниана II (685–695, 705–711) Византия отказалась от продолжения наступательных действий на Востоке. С этого времени территория фемы Опсикий стала основным оборонительным рубежом на ближайших подступах к Константинополю⁶³.

Дж. Хэлдон весьма аргументированно доказывает, что большую часть фемных контингентов Опсикия составляли регулярные войска. Они были тесно связаны с отрядами дворцовой стражи. Во второй поло-

вине VII в. столичные схолярии и экскувиты пополняли воинские формирования Опсикия, которые несли тяжелые потери в сражениях с арабами. В первой половине VIII в. начался обратный процесс. Императоры Лев III и Константин V, проводившие реорганизацию *scholae palatinae*, привлекали стратиотов из Опсикия для службы в отрядах дворцовой стражи⁶⁴.

Несмотря на то, что монография Дж. Хэлдона была опубликована 30 лет назад⁶⁵, она до сих пор остается основополагающим исследованием по истории византийских регулярных войск VI – начала X в. Фактическим продолжением этого труда стала монография Х.-И. Кюна, посвященная регулярным тагмам X–XI вв.⁶⁶ Немецкий византист отмечал, что выявленное Дж. Хэлдоном единообразие организационных структур регулярных контингентов VIII–IX вв. характерно и для тагм, созданных в более позднее время⁶⁷. Результаты исследования и, отчасти, методика Дж. Хэлдона были использованы греческой исследовательницей М. Григориу-Иоанниду в ее монографии о кризисе «фемного строя» в X в.⁶⁸

Таким образом, большая часть выводов Дж. Хэлдона не утратила актуальности до настоящего времени. Однако данные, приведенные в просопографическом приложении к его книге, устарели⁶⁹. На это указывал, в частности, Х.-И. Кюн, который призывал к «сдержанности в интерпретации печатей»⁷⁰.

По нашему мнению, критика немецкого исследователя является необоснованной⁷¹. Дж. Хэлдон и другие византилисты неоднократно указывали, что только на основании данных исторических хроник проследить историю византийских регулярных войск невозможно. Например, в «Хронографии» Феофана об экскувитах говорится в связи с событиями 602 г., а следующее упоминание об этом «элитном» отряде относится к 765 г. (временная лакуна составляет 163 года)⁷². О схоляриях в «Хронографии» сообщается, соответственно, в 562 г., а потом только в 764 г. (временная лакуна составляет 202 года)⁷³. Следовательно, привлечение сфрагистического материала, данных агиографических и эпиграфических источников необходимо, без этого любое исследование

организационных структур византийских вооруженных сил, на какой бы методике оно не основывалось, бесперспективно.

Опубликовано значительное количество моливдовулов второй половины VII – первой половины VIII в., принадлежавших рядовому и командному составу регулярных войск. Буллы этого времени датируются по сфрагистическому типу, т. е. в достаточно широком временном диапазоне (50–100 лет). В качестве примера приведем печать с надписью: Θεοδώρου ἐξκουβίτορος («Феодора экскувитора»)⁷⁴. Известны другие моливдовулы рядовых воинов: схолария Плотина и экскувита Марина⁷⁵. Печать с двусторонней надписью Θεοτόκε, βοήθει Γεωργίῳ ἐξκουβίτορι καὶ βικαρίῳ («Богоматерь, помоги Георгию, экскувиту и викарию») принадлежала младшему командиру отряда императорской «гвардии»⁷⁶. Следует отметить, что в отличие от моливдовулов предыдущего периода эти буллы изготовлены небрежно, легенды содержат грамматические ошибки. Можно предположить, что часть этих моливдовулов имеет не столичное, а провинциальное происхождение.

К. М. Константинополосом была опубликована печать с двусторонней надписью: Σωτηρίχου σχολαρίου Τυάνου («Сотериха, схолария Тианы»)⁷⁷. Этот моливдовул является одним из немногочисленных доказательств участия схол в военных действиях на Востоке. Город Тиана, упомянутый в легенде печати, находился в исторической области Малая Каппадокия и имел большое стратегическое значение. С VI в. в окрестностях Тианы формировались армии для походов против персов. Кроме того, в этой крепости размещались запасы материальных ресурсов, необходимых для ведения боевых действий. Город неоднократно подвергался арабским нападениям. В 706 г. армия Омейядов не сумела овладеть крепостью, но в 708 г. гарнизон Тианы сдался после длительной осады. Попавших в плен византийских солдат и жителей города арабы расселили на территории Халифата⁷⁸. Византия быстро восстановила контроль над Тианой, превратив ее в главный опорный пункт на пути от Киликийских ворот во внутренние районы Малой Азии⁷⁹. Мусульманские войска осаждали эту крепость в 716 и 740 гг., но потерпели неудачу. Последнее нападение арабов на Тиану произошло в 806 г., когда го-

род был взят войсками халифа Харун ар-Рашида (786–809) и полностью разрушен⁸⁰.

Печать схолария Тианы не позволяет точно определить время, когда столичные регулярные части воевали в Каппадокии. Возможно, они были направлены на Восток для усиления гарнизона города после первого захвата Тианы арабами. Не исключено также, что именно схоларии восстанавливали оборонительные сооружения города. По эпиграфическим данным известно, что солдаты регулярных войск принимали участие в возведении новых или реконструкции старых укреплений в разных провинциях империи. В первую очередь, это касалось городов на южном и западном побережье Малой Азии, которые с 60-х гг. VII в. оказались под угрозой нападений арабского флота. Например, в крупном приморском городе Сиде (Σίδη, совр. Side) проводилась реконструкция старых крепостных стен. В строительной надписи 70-х гг. VII в., наряду с местными должностными лицами, упоминается комит схол (κόμητι τῶν σχολῶν)⁸¹. Однако угроза приморским городам исходила также от сухопутных войск Халифата. В 716 г. арабы напали на территорию Фракисия (турма фемы Анатолик), захватили и разграбили Сарды, Пергам и некоторые другие города⁸². В постройке новых укреплений Пергама принимали участие экскувиты, о чем свидетельствует строительная надпись, датированная первой четвертью VIII в.⁸³

Продолжая рассмотрение сфрагистических памятников, упомянем о четырех уникальных печатях, в легендах которых указано, в какой сходе служили их владельцы. Все эти моливдовулы датируются VIII в.: анонимная печать κόμητι τῶν σχολῶν σχολῆς πέμπτης («комита схол пятой схолы»)⁸⁴; булла, принадлежавшая Сергию, комиту восьмой схолы⁸⁵; моливдовул с частично утраченной надписью: ...μεγάλο... κανδιδάτω σχολῆς ε' («Μεγαλονᾶ (?), кандидату пятой схолы»)⁸⁶; другой экземпляр предыдущей печати, лучшей сохранности: «Μεγαλονᾶς, кандидату пятой схолы»⁸⁷.

Печати «номерных» схол подтверждают, что в VIII в. эти регулярные части продолжали существовать. Возможно, их число даже увеличилось по сравнению с VI в., учитывая упоминание в легенде одного из

моливдовулов восьмой школы. Две буллы принадлежали командирам отрядов (комитам школ). Владелец оставшихся двух моливдовулов, по всей видимости, являлся один человек, учитывая редкость имени и совпадение должностей. Известна еще одна печать VIII в., опубликованная В. Лораном, с легендой: Χριστὲ ὁ Θεὸς ἐλέησον τὸν δοῦλόν σου Μεγαλονᾶν⁸⁸.

Следует обратить внимание на должность, которую занимал Мегалона. Он был кандидатом, служившим в кавалерийской школе. В источниках не сохранилось сведений о том, когда кандидаты стали служить младшими командирами в боевых подразделениях. Между тем данный вопрос важен для определения статуса отрядов императорских телохранителей (*candidati*, *scribones*, *spatharii*, *stratori*). Есть основания считать, что во второй половине VII – первой половине VIII в. в этих формированиях произошла серьезная реорганизация.

Отряд *candidati* упоминается в источниках с IV в. Из лучших воинов *exercitibus presentialis* отбиралось 40 человек, становившихся личными телохранителями императора. Облаченные в белые одежды, они сопровождали василевса во время торжественных выходов из дворца. В случае нападения кандидаты должны были пожертвовать жизнью, окружив императора «плотной непроницаемой стеной»⁸⁹. Известно также, что в ранневизантийскую эпоху кандидаты играли важную роль в придворном церемониале. В первую очередь, это касалось церемонии ἀναγόρευσις. Обязательной частью «возведения в императорское достоинство» являлось провозглашение нового правителя армией, которую представляли не боевые части, а *scholae palatinae*. Из сохранившихся описаний известно, что кандидаты должны были поднимать признанного войском императора на щите и возлагать на его голову т. н. военную цепь (μανιάκιον)⁹⁰. По всей видимости, в память об этой церемонии в некоторых источниках IX–X вв. кандидатов называли «щитоносцы» (ἀσπιδηφόρων)⁹¹.

Другой отряд императорских телохранителей назывался *scribones*⁹². Разделенные на группы, скривоны должны были охранять покой василевса в ночное время («стражи сна») ⁹³. Помимо основной

службы, они выполняли различные императорские поручения: вели переговоры с варварскими правителями, перевозили в отдаленные провинции крупные денежные суммы, занимались вербовкой новобранцев, снаряжением военного флота и т. д. Следует отметить, что чаще всего скривоны направлялись для исполнения особых миссий в Италию. Е. В. Степановой были опубликованы пять печатей из собрания Государственного Эрмитажа с греко-латинскими надписями, принадлежавшими *scribones*⁹⁴. В VI–VII вв. скривоны иногда выполняли функции исполнителей судебных решений или тюремных надзирателей. Например, в 545/546 г. скривон Анфимий по приказу Юстиниана I арестовал римского епископа Вигилия (537–555)⁹⁵. Другой скривон, по имени Σαγολέβα, взял под стражу римского епископа Мартина I (649–653). В дальнейшем он вместе с несколькими солдатами-экскувитами охранял опального церковного иерарха вплоть до отправки Мартина в ссылку в Херсон⁹⁶.

Церемониальные функции скривонов были связаны в основном с торжественными приемами в императорском дворце и с триумфами. Из источников IV–VI вв. и «Книги церемоний» известно, что хранителями парадного императорского оружия являлись скривоны и спафарии⁹⁷. В связи с этим скривонов часто называли «копьеносцами» (*δορυφόρος*, дорифор), а спафариев – «меченосцами» (*σπαθοφόρος*, *σπαθάριος*)⁹⁸.

В IX–X вв. различия между «элитными» отрядами телохранителей были забыты. Например, Феофан в «Хронографии» в большинстве случаев называл императорских «оруженосцев» спафариями⁹⁹. Патриарх Никифор в своей хронике этот термин вообще не использовал, предпочитая ему более архаичные *δορυφόρος* или *ἀσπίδηφόρων* («копьеносец», «щитоносец») ¹⁰⁰. Авторы исторических хроник не видели различий между спафариями, кандидатами, скривонами или страторами. Как отряды императорских телохранителей эти подразделения уже не существовали. *Scribones* со второй половины VII в. служили младшими командирами экскувитов¹⁰¹. Страторы упоминаются среди подчиненных комита Опсикия и стратигов других фем¹⁰². Военные

должности кандидата и спафария со временем трансформировались в придворные титулы.

В исследовательских работах по истории Византии неоднократно отмечалось, что в VII в. старая система титулов и должностей исчезает. Из многочисленных сенаторских рангов периода Поздней империи в источниках продолжают упоминаться только титулы из группы *illustres gloriosi* (ἐνδοξότατοι)¹⁰³. По мнению Дж. Хэлдона, старая система «рангов, привилегий, богатства и власти» полностью исчезает к началу VIII столетия. Элита Поздней империи не смогла удержать свое главенствующее положение в условиях экономического хаоса, военных потерь, частых политических репрессий и конфискаций¹⁰⁴. Одновременно происходило формирование новой элиты, состоящей из высших армейских командиров, опиравшихся на поддержку фемных ополчений, и немногочисленной столичной бюрократии, пытавшейся реанимировать систему гражданского управления империи.

Для нового правящего слоя необходима была новая система титулов и должностей. Несомненно, она унаследовала некоторые принципы, характерные для Поздней империи. По авторитетному мнению А. А. Чекаловой: «...характерно, что, хотя титулатура меняется, тенденция связать титул с должностью неизменно дает о себе знать, и всякий раз наиболее высокие титулы жалуются представителям высшей имперской администрации и придворным. Титул и должности неотделимы друг от друга, причем действительное исполнение должности ставилось выше, нежели обладание почетной должностью»¹⁰⁵. Таким образом, для двух или трех десятков высших должностных лиц (*illustres gloriosi*), составлявших ближайшее окружение императора, особых изменений в системе титулатуры не произошло. Поменялись только названия должностей: префекты стали логофетами, а военные магистры и дуксы – стратигами фем¹⁰⁶.

Для среднего и младшего командного состава вооруженных сил, а также постепенно формирующейся фемной гражданской администрации ситуация была принципиально иной. Слишком сложная и громоздкая, старая система титулатуры оказалась непригодной для сформиро-

вавшихся к началу VIII в. военно-административных структур. Прежде всего, необходимы были новые титулы, предназначенные для командного состава фемных контингентов. Данная проблема была решена путем постепенной трансформации некоторых должностей командного состава *scholae palatinae* сначала в почетные должности, а потом в придворные титулы.

Проследить, как происходил данный процесс, позволяют сфрагистические источники. Первоначально в легендах моливдовулов упоминались только должности солдат и командиров императорской «гвардии». В качестве примера можно привести печати VII в., принадлежавшие скривонам Александру и Илье¹⁰⁷, а также кандидату Феодору¹⁰⁸. Начало процесса трансформации должностей в почетные титулы определяется появлением в легенде моливдовула предиката βασιλικός («императорский»), как в надписи буллы императорского схолярия Николая (Νικολάου βασιλικοῦ σχολαρίου)¹⁰⁹. Очевидно, что владелец этой печати не служил в отряде дворцовой стражи. Возможно, он вообще не имел отношения к военным структурам, но посчитал необходимым указать свою принадлежность к «императорским людям»¹¹⁰.

Во второй половине VII в. появляются печати с указанием должности и почетного титула владельца. Например, моливдовул с легендой Θεοτόκε, βοήθει Μαρίνω σκρίβωνι καὶ βασιλικῷ σπαθαρίῳ («Богоматерь, помоги Марину скривону и императорскому спафарию»)¹¹¹. Упомянем также буллу, на лицевой стороне которой помещена греческая надпись Γρατζιώσος κανδιδάτος καὶ βασιλικός σπαθάριος («Грациоз, кандидат и императорский спафарий»). На оборотной стороне печати надпись повторена на латинском языке¹¹². Судя по легендам этих моливдовулов, их владельцы служили младшими командирами экскувитов и схоляриев и одновременно являлись обладателями почетного титула императорского спафария («оруженосца»).

Несомненный интерес представляют моливдовулы с легендами «Богоматерь, помоги Григорию, ипату и императорскому скривону» (Θεοτόκε, βοήθει Γρηγορίῳ ὑπάτῳ καὶ βασιλικῷ σκρίβωνι)¹¹³

и «Богоматерь, помоги Григорию, ипату и императорскому спафарию» (Θεοτόκε, βοήθει Γρηγορίῳ ὑπάτῳ καὶ βασιλικῷ σπαθαρίῳ)¹¹⁴. В VI в. титул ипата (консула) относился к группе *illustres gloriosi* и входил в число высших персональных рангов империи. Несмотря на это, ипаты стремились получить почетные титулы спафариев и скривонов¹¹⁵.

Завершение процесса трансформации военных должностей в придворные титулы можно зафиксировать достаточно точно. Во второй половине VIII в. появляются печати гражданских чиновников (нотариев, хартулариев, асикритов) с титулами императорских кандидатов, спафариев, страторов¹¹⁶. Чрезвычайно редкими являются только буллы императорских скривонов. Один из немногочисленных примеров – моливдул с надписью Θεοτόκε, βοήθει Γεωργίῳ βασιλικῷ σκρίβωνι καὶ διοικητῇ («Богоматерь, помоги Георгию, императорскому скривону и диикиту»)¹¹⁷. Данная печать принадлежала чиновнику столичного налогового ведомства, которое в VIII в. только формировалось¹¹⁸. Сочетание редкого придворного титула и еще более редкой должности позволяет считать данный сфрагистический памятник уникальным.

Следует констатировать, что новая система титулов и должностей формировалась на протяжении столетия: с середины VII до середины VIII в. Сфрагистические источники позволяют с уверенностью утверждать, что значительная доля придворных титулов средневизантийского времени происходит от должностей младших командиров отрядов императорской стражи. В частности, речь идет о титулах кандидат, стратор и спафарий. В более позднее время, но в пределах VIII столетия, на их основе появились более высокие титулы спафаро-кандидат и протоспафарий.

Завершая рассмотрение трансформации регулярных контингентов византийских вооруженных сил в VII – первой половине VIII в., необходимо перечислить основные итоги данного процесса. В первую очередь, следует констатировать полную утрату боеспособности и расформирование большей части отрядов дворцовой стражи. Исчезновение контингентов *scholae palatinae* к середине VIII в. объясняется

тем, что в течение длительного времени они являлись резервом для пополнения фемных регулярных войск (прежде всего, фемы Опсикий). В отличие от *scholae palatinae*, кавалерийские регулярные схолы не только сохранились, но и численно увеличились. Об этом можно говорить на основании того факта, что основным тактическим подразделением во всех фемах Малой Азии становится банда (отряд из 40 конных воинов).

Военная реформа Константина V: создание регулярных тагм

В исследованиях по истории Византии значительное внимание уделяется внешней и внутренней политике императоров-иконоборцев Льва III и Константина V. Среди многочисленных преобразований, проведенных первыми представителями династии Исавров, как правило, упоминается реформа византийских вооруженных сил. По мнению ряда византинистов, в середине VIII в. дислоцированные в Константинополе и выполнявшие исключительно церемониальные функции отряды дворцовой стражи (*scholae palatinae*) были преобразованы в боевые части¹¹⁹. Константин V создал два новых регулярных подразделения, получивших наименования тагма схол (τάγμα τῶν σχολῶν) и тагма экскувитов (τάγμα τῶν ἐξκουβίτων). В период совместного правления Константина VI и императрицы Ирины была сформирована тагма арифмов (τάγμα τῶν ἀριθμῶν) и при Никифоре I – тагма иканатов (τάγμα τῶν ἰκανάτων). Эти «четыре царских отряда» (τὰ τέσσαρα βασιλικά τάγματα) оставались главной ударной силой византийской армии вплоть до военных преобразований второй половины X в.¹²⁰

В историографии принято считать тагмы личным императорским войском. Командование ими поручалось наиболее преданным военачальникам, которые должны были обеспечить безопасность самодержца во время военного похода. Уже в исследовательских работах XIX в. сложилась традиция, противопоставлявшая хорошо обученные и оснащенные тагмы (ταγματικοί) фемным ополчениям (θεματικοί).

Следует признать, что в источниках IX–X вв. данное противопоставление встречается достаточно часто. Наиболее раннее упоминание тагм как армии «столичной, городской, императорской» (ἔσω ταγματῶν), а фемных ополчений (ἔσω θέμασι) как войск «внешних, провинциальных» встречается в «Хронографии» Феофана при описании событий 60–70-х гг. VIII в.¹²¹

Ф. И. Успенский писал, что помимо фем в Византии «...существовали еще специальные и тоже самостоятельные военные организации, называемые тагмами. Сюда относятся прежде всего четыре кавалерийские тагмы (полки), обыкновенно квартировавшие в Константинополе и имевшие специальным назначением охрану дворца, ипподрома и особы царя; эти полки назывались: схоларии, экскувиты, арифмы, иканаты»¹²². В более поздних исследованиях отличия между ταγματα и θέματα констатировались, но в чем они состояли, как правило, не уточнялось. В. В. Кучма писал: «В IX–X вв. византийское сухопутное войско делилось на две основные части. Первая была представлена регулярными гвардейскими подразделениями, имевшими особую организационную структуру и централизованное руководство. Место-пребыванием их являлись либо столица империи, либо специально определенные местности Фракии и Македонии. Указанные части представляли собой наиболее консервативные элементы византийской военной организации, менее других испытывавшие на себе эволюцию общественно-экономических процессов. Авторы военных трактатов, в том числе и “Тактики Льва”, оставляют эти соединения практически без всякого внимания. Из других источников мы знаем, что они составляли так называемые тагмы – отряды регулярного наемного войска»¹²³.

По всей видимости, различие в способах комплектования столичных тагм (регулярный) и фемных ополчений (воинская повинность) воспринимаются византинистами а priori, так как упоминания об этом в большинстве работ отсутствуют. Очевидно также, что формирование «четырех царских отрядов» рассматривается большинством исследователей как *единовременное* военно-административное мероприятие. Главным аргументом, подтверждающим данную концепцию, является

то, что все эти регулярные формирования имели одинаковую внутреннюю структуру, систему командования и материального обеспечения¹²⁴. Однако подтвердить эту теорию на материалах источников VIII в. не представляется возможным. В связи с этим используется весьма распространенная в отечественной и зарубежной историографии методика, когда фактический материал берется из сочинений Константина Багрянородного и военных трактатов X в., а сделанные выводы проецируются на военную историю Византии от VIII до XII в.

В исследовательской литературе принято считать, что образцом, по которому создавались остальные βασιλικὰ τάγματα, являлась тагма схол. Ф. И. Успенский писал: «Организация прочих тагм в общем мало отличается от тагмы схол, а некоторые несходства в наименовании особенно второстепенных чинов не дают достаточных оснований к характеристике устройства каждой тагмы в отдельности»¹²⁵. Х.-И. Кюн, который специально исследовал вопросы, связанные с организационной структурой тагм, предложил следующую «линию преемственности» между регулярными частями византийской армии:

а) во второй половине VIII – начале IX в. тагма схол (σχολαί) стала образцом при создании других столичных тагм (ἐξκούβιτος, βίγλα, ἱκανάτοι);

б) в первой половине IX – второй половине X в. организационная структура «четырех императорских отрядов» являлась образцом при организации новых «элитных» подразделений (ἐταιρεία, ἀθάνατοι, στρατηλῆται и сатρᾶπαι);

в) в конце X – начале XI в. Василий II, создавая провинциальные (фемные) тагмы, заимствовал структуру столичных регулярных войск (τάγμα τῶν φοιδεράτων, τάγμα τῶν Λυκαόνων, τάγμα τῶν Ἀρμενιάκων и др.)¹²⁶.

Так как организационная структура тагмы схол неоднократно рассматривалась в исследовательской литературе, ограничимся ее краткой характеристикой и перечислением основных руководящих должностей. Тагмой командовал доместик схол (δομέστικος τῶν σχολῶν; δομέστικος – «начальник, руководитель»). Его заместителями являлись

два топотирита схол (τοποτηρηταὶ τῶν σχολῶν; от τηρητής – «защитник, хранитель»), каждый из которых руководил половиной тагмы. Τάγμα τῶν σχολῶν подразделялась на банды (βάνδον), кавалерийские отряды численностью от 30 до 40 воинов. Бандой командовал комит схол (κόμητες τῶν σχολῶν). За снабжение тагмы отвечал хартуларий схол (χαρτουλάριος τῶν σχολῶν). Среди командиров тагмы схол упоминается также проксимос (πρώξιμος; от προέξιμος – «проводник, указывающий путь»), выполнявший функции помощника доместика схол¹²⁷.

Доместик, топотириты, хартуларий, комиты схол и проксимос составляли группу «высших архонтов» (μεγάλοι ἄρχοντες) тагмы. Кроме должностей у этих командиров были также придворные титулы. Формально каждый из них имел право вести официальную переписку, опечатывая свою корреспонденцию личной печатью. Помимо «высших архонтов» в тагме схол служили «младшие архонты» (μικροὶ ἄρχοντες): προτίκτορες, εὐτυχοφόροι, σκηπτροφόροι и μανδάτορες. В источниках они упоминаются крайне редко, поэтому их должностные обязанности могут быть определены только предположительно¹²⁸. Следует обратить внимание, что в документальных источниках, в легендах моливдовулов, зачастую и в исторических хрониках к наименованию должности архонта тагмы схол *всегда* добавлялось τῶν σχολῶν, как указание на его принадлежность именно к этой регулярной части (не κόμητες, а κόμητες τῶν σχολῶν).

В IX–X вв. командиры σχολαὶ и других тагм имели право добавлять к своей титулатуре предикат βασιλικός («императорский»). К названию подразделений добавлялись слова θεοφύλακτος βασιλικός или θεοφύλακτος («богохранимый императорский», «богохранимый»). По мнению Х.-И. Кюна, это указывало на особый, «элитный», статус тагм¹²⁹. Необходимо отметить, что данная точка зрения немецкого исследователя является спорной. В VII–X вв. предикат θεοφύλακτος βασιλικός добавлялся не только к наименованиям тагм, но и к названиям фем: «богохранимый императорский Опсикий», «богохранимый императорский Фракисий», «богохранимый императорский Армениак»

(только в VII в.). По нашему мнению, слова θεοφύλακτος βασιλικός, θεοφύλακτος или βασιλικός указывают на принадлежность воинского контингента к регулярным войскам, которые получали за службу жалование и снабжались необходимыми ресурсами за государственный счет.

Как уже упоминалось выше, организационная структура трех других императорских тагм (ἐξκούβιτος, βίγλα, ἱκανάτοι) совпадала со σχολαί. Следовательно, в первые годы правления Никифора I «четыре царских отряда» должны были представлять внушительную военную силу. Однако ни в одном источнике не сохранилось упоминаний о численности βασιλικὰ τάγματα в начале IX в. Наиболее ранние сведения об этом содержались в сочинении ал-Джарми, которое было написано не ранее 845 г., после освобождения автора из византийского плена. От текста ал-Джарми до нашего времени сохранился только небольшой фрагмент, который включил в свое сочинение арабский историк и географ Ибн Хордадбех (ок. 885 г.)¹³⁰. Среди прочих сведений о Константинополе, византийских городах и провинциях ал-Джарми сообщал, что «гарнизон императорского дворца состоит из 4 000 кавалеристов и 4 000 пехотинцев»¹³¹.

В 70–80-е гг. прошлого века среди византинистов развернулась оживленная дискуссия о численности византийской армии в IX–X вв. Отдельным ее направлением являлось обсуждение вопроса о достоверности сведений арабских источников. Дж. Хэлдон и Ф. Винкельманн поставили под сомнение данные ал-Джарми, Ибн Хордадбега и Кудамы ибн Джафара¹³². Известный специалист по истории византийских вооруженных сил У. Тредголд также опубликовал несколько работ, посвященных этой проблеме. Сравнивая свидетельства арабских источников с данными византийских тактиконов, «Книги церемоний» и «Тактики Льва», американский исследователь доказывал достоверность сведений ал-Джарми (Ибн Хордадбега)¹³³. По мнению У. Тредголда, арабский автор указал численность одной тагмы, охранявшей императорский дворец. Она составляла 4 тыс. конных воинов. Соответственно, во всех четырех βασιλικὰ τάγματα должно было служить 16 тыс. кавалеристов¹³⁴. По нашему мнению, аргументация У. Тредголда является более

убедительной, чем доводы его оппонентов. Однако не следует забывать, что сведения ал-Джарми относятся ко времени правления императоров Аморийской династии (Феофил и Михаил III). Какова была численность кавалерийских тагм, сформированных Константином V, по-прежнему неизвестно. Для того чтобы получить ответ на данный вопрос, а также сопоставить организационную структуру тагм последней четверти VIII в. с «образцовой» структурой «четырёх царских отрядов» X в., необходимо специально исследовать военную реформу Константина V и военную политику его преемников: Льва IV (775–780), Константина VI (780–797), императрицы Ирины (797–802) и Никифора I.

По нашему мнению, утверждение о том, что любая военная реформа или крупная реорганизация вооруженных сил проводится с заранее определенной целью, не требует доказательства. В связи с этим следует определить, по какой причине Константин V сформировал первые регулярные тагмы. Логично предположить, что если *τάγμα τῶν σχολῶν* и *τάγμα τῶν ἐξκουβίτων* изначально создавались как *боевые подразделения*, то и предназначались они для участия во внешних войнах. Тем не менее, в специальных работах, посвященных истории византийских регулярных войск, зачастую подчеркивается важная роль тагм в стабилизации внутривосточной обстановки в Византии. По мнению Дж. Хэлдона, создание *τάγματα* было «сильным политическим ходом императора, направленным против провинциального сепаратизма». К началу 70-х гг. VIII в. Константинополь вернул себе доминирующее положение в империи, так как помимо гражданских структур управления в столице теперь были сосредоточены отборные военные контингенты¹³⁵. У. Тредголд также полагал, что после создания тагм мятежи фемных стратигов стали происходить реже, а императорская власть смогла полностью восстановить контроль над отдаленными территориями¹³⁶.

Помимо тезиса о важной роли *βασιλικὰ τάγματα* в жестком подчинении Константинополю фемных правителей, ряд исследователей подчеркивают активное участие регулярных тагм в религиозно-политической борьбе. В качестве примера приведем точку зрения

Дж. Хэлдона, который утверждал, что «элитные части, подобно преторианцам, призваны были защитить новую имперскую идеологию»¹³⁷. Развивая данный тезис, английский византинист писал, что Лев III и Константин V намеренно вовлекали в антицерковную борьбу не только тагмы, но и командный состав фемных контингентов. Иконоборческая политика Исавров была направлена на силовое подчинение церкви, как единственной независимой структуры, располагавшей сопоставимыми с государством административными и финансовыми возможностями¹³⁸.

По нашему мнению, военно-административные преобразования императоров из династии Исавров являлись необходимой реакцией на события т. н. «двадцатилетия хаоса». В 695–717 гг. Византия пережила тяжелый внутри- и внешнеполитический кризис, который едва не привел к гибели империи¹³⁹. События 717–718 гг. привели на престол стратега Анатолика Льва, ставшего основателем Исаврийской династии. По сравнению со своими безликими предшественниками, которых Ю. Херрин образно назвала «императорами без истории», Лев III проводил вполне осознанную внешнюю и внутреннюю политику. Ему удалось продержаться у власти почти четверть века (717–741) и передать ее своему сыну Константину V, что следует расценивать как явные признаки стабилизации военно-политической обстановки¹⁴⁰.

За время правления Льва Исавра были проведены многочисленные преобразования в сфере гражданского управления и законодательства. Подчеркивая важность этих реформ, М. Я. Сюзюмов писал: «При Льве III основная задача... была разрешена: Византия сохранила свое существование, централизованный государственный аппарат и налоговую систему и когда это было достигнуто – началась острая борьба господствующих классов за право руководить правительственным аппаратом и за долю участия в государственной ренте»¹⁴¹. Политика правящей династии привела ее к конфликту с церковью и началу т. н. первого иконоборческого периода. Следует отметить, что при оценке иконоборческой политики мы придерживаемся концепции М. Я. Сюзюмова, который следующим образом сформулировал основную причину развернувшейся в Византии внутривластной борьбы: «В первую очередь

против господства “исавров” выступает константинопольский патрициат, который мог быть недовольным как своим оттеснением от высших правительственных должностей, так и тем обстоятельством, что в качестве “роги” сокровища, изъятые из церковных алтарей, расходуются в интересах провинциальной фемной знати»¹⁴². Иконоборческая политика, направленная на установление максимального контроля над финансовыми и материальными ресурсами, проводилась весьма жесткими методами. Любые попытки сопротивления подавлялись силовым путем, так как фемные контингенты полностью поддерживали императора.

Переходя к рассмотрению военной политики Исавров, составной частью которой являлось формирование регулярных тагм, следует обратить внимание на особенности письменных источников иконоборческой эпохи. М. Я. Сюзюмов считал, что длительное время у иконопочитателей не было шансов изменить ситуацию. В связи с этим «...совершенно естественно, их оппозиция приняла обычную в Византии форму – богословскую»¹⁴³. Осуждение императоров-иконоборцев характерно как для догматических, религиозно-философских и агиографических текстов, так и для исторических сочинений, написанных иконопочитателями. Следует согласиться с утверждением В. Брандеса, что «...наши знания об истории VIII в. полностью зависят от иконофильской традиции... необходимо признать, что “Хронография” Феофана и другие источники являются продуктами интенсивных манипуляций, иконофильским отражением истории»¹⁴⁴. Немецкий византинист убедительно доказывает, что во второй половине IX – X в. текст сочинения Феофана и «Краткая история» патриарха Никифора неоднократно подвергались редактированию. В итоге основные источники по истории первого иконоборческого периода сохранили преимущественно сюжеты, тенденциозно характеризующие деятельность императоров Исаврийской династии¹⁴⁵.

Например, подводя итоги «нечестивого правления» Льва III, Феофан пишет о многочисленных бедах, постигших Византию в эти времена. «Из-за гнусной корысти и жадности, из-за злой веры» императора на христиан обрушились голод, эпидемии, восстания и землетрясения. Далее Феофан отмечает, что подробно рассказывать о бедствиях он

не будет, так как уже писал об этом раньше¹⁴⁶. Однако в предыдущих главах «Хронографии», повествующих о правлении Льва III, никаких упоминаний о восстаниях, голоде или эпидемиях на территории Византии нет, присутствует только описание извержения вулкана на Кикладских островах и подробный рассказ о землетрясении в Константинополе 26 октября 740 г.¹⁴⁷ По всей видимости, Феофан позаимствовал отрывок «о многочисленных бедах» в одном из полемических трактатов начала IX в. Наиболее очевидной аналогией является т. н. Третий Антирретик патриарха Никифора. В этом тексте, посвященном жесткой критике Константина V, описано землетрясение 740 г., голод 742–743 гг. и эпидемия чумы 747–748 гг.¹⁴⁸

Войнам Византии против арабов и болгар в «Хронографии» уделено значительное внимание. Помимо этого, Феофан включил в свое сочинение подробные рассказы о династических и религиозных конфликтах на территории Халифата. Большую часть сведений о событиях на Востоке автор «Хронографии» заимствовал из хроники Феофила Эдесского (ок. 695 – 785), христианского переводчика и астролога при дворе аббасидского халифа Мухаммада ал-Махди (775–785). Этот источник охватывал период с 590 по 750 г., до нашего времени он не сохранился. Отрывки из исторического труда Феофила Эдесского известны только из сочинений компиляторов – Феофана, Агапия Манбиджского, Михаила Сирийца и др.¹⁴⁹

Будучи компилятором и не являясь специалистом в военном деле, Феофан без изменений включал в свою хронику фрагменты, достоверность которых вызывает сомнение. Например, численность арабских и византийских войск в «Хронографии», как правило, огромна: 50, 80 или 100 тыс. воинов¹⁵⁰, а однажды упоминается арабское войско в 300 тыс. человек¹⁵¹. В тех случаях, когда Феофан писал о военном флоте, его состав насчитывал сотни кораблей¹⁵². При подобном «стратегическом» подходе небольшие воинские контингенты (кавалерийские тагмы, отряды дворцовой стражи, гарнизоны крепостей) в «Хронографии» упоминаются крайне редко и, как правило, при описании внутривизантийских событий.

Феофан и патриарх Никифор неоднократно упоминали, что иконоборческую политику поддерживали не только фемные войска, но и отряды дворцовой стражи¹⁵³. Показательным примером пристрастности авторов исторических текстов является описание столкновений жителей Константинополя со слугами Льва III в начале 726 г. Император отправил βασιλικούς ἀνθρώπους, чтобы снять икону Христа, установленную над воротами Халки. «Оскорбленные жители царственного города», среди которых особо активную роль играли «честные жены», напали на них, «убили спафария и нескольких императорских людей». Для подавления бунта и наказания виновных прибыл отряд из 500 воинов (στρατιώτας), которые «умертвили множество народа»¹⁵⁴.

Необходимо отметить, что ни в одном тексте не упоминается об участии в этих столкновениях схоляриев или экскувитов. При современном состоянии источников вообще невозможно подтвердить их присутствие в Константинополе в 20-е гг. VIII в. Принадлежность убитого «честными женами» спафарокандидата Юлиана к императорским оруженосцам (spatharii) доказать невозможно¹⁵⁵. По мнению К. Н. Успенского, столкновение у Медных ворот вообще не было связано с антицерковной политикой Льва III, «...иконоборческий характер ему приписан был позднее, в православной среде. Главное же то, что это единственное происшествие, которое могло быть истолковано иконодольским злопаметством, как доказательство иконоборческой деятельности Льва III»¹⁵⁶.

После смерти основателя Исаурийской династии началась борьба за власть между императором-соправителем Константином V и комитом Опсикия куропалатом Артаваздом¹⁵⁷. Феофан писал, что, узнав о воцарении «злоименного» Константина, христиане пришли в отчаяние. Они обратили взоры на «приверженца православия Артавазда и охотно отдали ему императорский престол». Патриарх Никифор не упоминает о православии Артавазда (армянина по происхождению), но сообщает о восстановлении иконопочитания после захвата Константинополя войсками узурпатора¹⁵⁸. В «Хронографии» и «Краткой истории» перечислены военные силы противоборствующих сторон. На стороне Артавазда сражались фемы Опсикий, Арменияк и Фракия. Константина V поддер-

жали стратеги Анатолика, Фракисия и флот Кивирреотов. По сути, в 742–743 гг. вооруженные силы империи раскололись на две, примерно равные, части. Затруднение вызывает только вопрос, на чьей стороне сражалась столичная «гвардия», так как схолярии и экскувиты в источниках по-прежнему не упоминаются¹⁵⁹.

Апогеем «великого ожесточения между христианами» стала осада Константинополя, которая продолжалась с сентября 742 до ноября 743 г.¹⁶⁰ В VI–VIII вв. столица империи неоднократно подвергалась вражеским нападениям и осадам. Константинополь пытались захватить гунны, авары, славяне, арабы, болгары. Чаще всего противник отступал, добившись заключения выгодного мирного договора. До попыток штурмовать мощные укрепления города дело не доходило.

В остальных случаях, включая «знаменитую» арабскую осаду 717–718 гг., вражеские войска ожидала неудача¹⁶¹. Дело в том, что никому из противников не удавалось полностью блокировать византийскую столицу, перекрыть доставку для нее продовольствия и подкреплений. Впервые это сумел сделать Константин V в 742 г., и в большом городе, переполненном беженцами и войсками Артавазда, начался голод. В источниках сообщается о непомерных ценах на продовольствие на городских рынках, о попытках жителей покинуть Константинополь, о гибели множества горожан¹⁶².

Известно, что Артавазд поручил оборону столицы патрикию Феофану Мону, назначив его эпархом Константинополя¹⁶³. Сын Феофана, стратег Фракии Никифор, отправил «войско для охраны города»¹⁶⁴. В исторических хрониках воины Артавазда, оборонявшие городские укрепления, обозначаются как *φύλακος* («стража, охрана»). Более характерные для солдат столичного гарнизона термины *ἀριθμός* или *σχολαί* по отношению к ним не используются. Как показали дальнейшие события, фракийские стратиоты, составлявшие основу осажденного войска, оказались плохими стражниками. Патриарх Никифор писал, что в дневное время они открывали городские ворота и некоторые жители, заплатив охране, покидали Константинополь¹⁶⁵. Весной 743 г. фракийцы

были разгромлены в битве у городских стен, понесли большие потери, а возглавлявший их Феофан Монут погиб¹⁶⁶.

Императорские войска расположились вплотную к городским укреплениям, что свидетельствует об отсутствии у осажденных метательных машин или же людей, умеющих с ними обращаться. Дальнейшая осада Константинополя показала, что император и его военачальники имели хорошую военно-теоретическую подготовку. Они действовали в лучших традициях византийской полиоркетики, но при этом старались не причинить серьезного ущерба оборонительным сооружениям и гражданским постройкам города. В ноябре 743 г. фемные отряды Фракисия внезапно атаковали и захватили сразу несколько городских ворот, после чего столица империи пала.

Оставляя в стороне описание расправы над Артаваздом и его сторонниками, обратим внимание на одну подробность, которую специально подчеркивал Феофан. Автор «Хронографии» с возмущением писал, что провинциальным архонтам (ἐξωτικῶν ἄρχουσιν) «позволено было» заходить в дома и забирать имущество горожан (τῶν πολιτῶν)¹⁶⁷. Иными словами, Константин V вознаградил фемных командиров Анатоллика и Фракисия за поддержку и верность, разрешив им разграбить богатые кварталы Константинополя. Однако император не был заинтересован в продолжении конфликта с жителями столицы. Через несколько дней на ипподроме, при большом стечении народа, был устроен триумф и «конные игры»¹⁶⁸. По всей видимости, это событие следует считать первым из знаменитых силенциев (σιλέντιον) Константина V. В последующие годы император регулярно обращался к войску и константинопольским дима с речами, раздавая щедрые обещания сторонникам и угрожая противникам. По мнению М. Я. Сюзюмова, силенции способствовали росту популярности правящей династии и являлись важным средством иконоборческой пропаганды¹⁶⁹.

Победа над Артаваздом значительно укрепила положение Константина V. Неудивительно, что император воспользовался ее плодами для решения проблемы чрезмерной самостоятельности и бесконтрольности фемных стратигов. Потенциально любой из них располагал дос-

таточными военными и материальными ресурсами, чтобы предпринять попытку захватить престол. Наибольшую опасность представляли комиты «богохранимого императорского Опсикия», самой сильной в военном отношении византийской фемы. В последующие годы эта провинция была разделена на три части: Опсикий, Вукелларий и Оптиматы (Ὀψίκιον, Βουκελλάριοι, Ὀπτίματοι). К концу VIII в. под командованием комита (стратига) Опсикия остались только стратиотские контингенты, а все регулярные формирования перешли под командование императора¹⁷⁰.

Переподчинение Константину V наиболее боеспособных частей Опсикия не встретило сопротивления со стороны архонтов этой фемы. Сложнее объяснить конфликт, который произошел между императором и стратигом Фракисия патрикием Сисинием¹⁷¹. Известно, что этот военачальник сыграл важную роль в победе над Артаваздом. Тем не менее, в 743 г. он был арестован и ослеплен по обвинению в том, что «замышлял установить тиранию»¹⁷². Никаких подробностей заговора источники не сообщают. Не исключено, что конфликт произошел по совершенно другой причине. Например, из-за нежелания императора распускать фемные контингенты.

Константин V не собирался продолжать политику своего отца, предпочитавшего договариваться со стратигами или играть на противоречиях среди высших фемных архонтов. Император решил жестко контролировать провинциальные ополчения, лично командуя ими во время военных действий. Он собрал восточные фемы в Вифинии и в 744/745 г. предпринял успешный поход на арабскую территорию. Захватив Германикею, Дулук и другие укрепленные пункты «области Дулихия», Константин V вернулся в Никомедию. Императорские войска захватили богатую добычу, а множество пленных сирийцев по распоряжению василевса поселили во Фракии¹⁷³.

По всей видимости, уже в это время Константин V принял решение о реорганизации вооруженных сил. Для перехода к наступательной стратегии были необходимы мобильные кавалерийские отряды, укомплектованные на регулярной основе. В составе фемных контингентов

такие части уже существовали: кавалерийские школы, вукеллarii и оптиматы Опсикия, турмы федератов и Ликаонии Анатолика, турмы τῶν Θεοδοσιακῶν и τῶν Βίκτορες Фракисия¹⁷⁴. Политическая обстановка позволяла императору вывести эти войска из подчинения фемных стратигов и закрепить командование ими за собой. Однако следует учитывать и другие важные факторы. Во-первых, для содержания крупной группировки регулярных войск требовались большие финансовые средства. В конце 40-х гг. VIII в. император не мог позволить себе подобных расходов. Во-вторых, регулярные формирования, ранее подчиненные стратигам, необходимо было заменить другими воинскими контингентами. Малоазийские фемы должны были выполнять свое главное предназначение – отражать арабские нападения на территорию империи. В целом военно-административные мероприятия Константина V, проведенные в 40-е гг. VIII в. (разделение фемы Опсикий, создание фемы Фракисий), следует считать начальным этапом военной реформы¹⁷⁵.

Необходимо обратить внимание на следующую крупную военную операцию Константина V. В 754–755 гг. византийская армия совершила поход в Закавказье, Северную Сирию и Месопотамию. Михаил Сириец писал об этом походе: «Константин, император римлян, пошел на Феодосиополь против армян... он взял город, забрал всех людей в плен и оставил после себя пустыню. В крепости Камаха он разместил гарнизон, после чего вернулся в Константинополь. Позже Абу Джафар (второй халиф из династии Аббасидов, правил с 754 по 775 г. – А. М.), восстановил Мелитену и, как прежде, разместил в ней войско. Абу Джафар также приказал армянам отстроить Феодосиополь, где тоже поставил гарнизон»¹⁷⁶. Арабские источники упоминают, что Константин V осаждал Мелитену дважды. В 750/751 г. он не сумел захватить этот хорошо укрепленный город, но в 755 г. «император римлян взял Мелитену штурмом, разрушил до земли ее стены, овладел ее жителями, но пощадил жизни воинов, женщин и детей»¹⁷⁷.

В отличие от восточных авторов, византийские хронисты не обратили на этот поход особого внимания. Возможно, они не считали значительным событием захват и разрушение двух стратегически важных

городов на территории Халифата. Феофан и патриарх Никифор упомянули только об итогах этого рейда: «множество армян и сирийцев» из Феодосополя (Θεοδοσιούπολις, Karin, совр. Erzurum) и Мелитены (Μελιτηνὴ, совр. Malatya) были расселены во Фракии¹⁷⁸.

В последующие годы внешнеполитическая активность Византии на Востоке снизилась. Константин V и его военно-политическое окружение хорошо осознавали, что кризис Халифата – явление временное¹⁷⁹. Вести широкомасштабные наступательные войны на Востоке Византия была не готова. Поэтому боевые действия против мусульман приобрели эпизодический характер. По данным арабских источников, с 742 по 756 г. империя и Халифат дважды заключали семилетние перемирия, причем оба раза они нарушались византийской стороной. В сочинении ат-Табари упоминается, что в 756/757 г. арабские войска собирались вторгнуться в пограничные области Византии, но на реке Пирамос их встретила стотысячная императорская армия. Грабительский рейд на территорию Малой Азии был сорван, начались переговоры, которые завершились обменом пленными и заключением нового семилетнего перемирия¹⁸⁰.

Следует отметить, что Аббасиды очень серьезно отнеслись к угрозе новых византийских вторжений в Киликию и Северную Сирию. Не считаясь с крупными материальными затратами, к 763/764 г. арабы восстановили Мелитену и Германикею. Кроме того, были возведены новые укрепления в Адане и Мопсуестии¹⁸¹. Таким образом, на реках Сарос (Σάρος, совр. Seyhan, Сейхан) и Пирамос (Πύραμος, совр. Ğaiḥān, Джейхан) создавалась мощная преграда для проникновения войск Константина V на территорию Халифата. В ответ на фортификационные работы мусульман с византийской стороны велось укрепление восточных подступов к Селевкии (Σελεύκεια, совр. Silifke, Силифке)¹⁸². Кроме того, были восстановлены крепости в районе Киликийских ворот – Поданд (Ποδανδός, совр. Pozanti, Позанты) и Лулон (Λοῦλον, совр. Çiftehan, Чифтехан)¹⁸³.

С середины 50-х гг. VIII в. Константин V направил основные военные силы на Балканы. Военно-политическая ситуация в этом регионе

была крайне неблагоприятной для Византии. По археологическим данным, Северная Фракия была оставлена греческим населением в конце VII – начале VIII в. Под контролем империи оставались только некоторые приморские районы вокруг крепостей Анхиал (Αγχιάλος, совр. Поморие) и Месемврия (Μεσημβρία, совр. Несебър). Болгары, напротив, беспрепятственно строили укрепления в северных предгорьях Балкан (Αἶμος, Стара Планина), защищая горные перевалы и дороги, ведущие во внутренние районы своей страны¹⁸⁴. Опираясь на эти пункты, болгарская кавалерия совершала грабительские набеги на территорию Византии. Так как правящий в Болгарии род Дуло не контролировал пограничные районы, предводители местных кочевых кланов устраивали нападения самочинно, ради захвата добычи и пленных¹⁸⁵.

Константин V намеревался прекратить болгарские набеги на Северную Фракию. Именно поэтому на данной территории стали размещать переселенцев с Востока, а также строить крепости в южных предгорьях Балкан. Не вызывает сомнений, что возведение оборонительных сооружений во Фракии являлось частью масштабной строительной программы, реализация которой началась еще при Льве III. 26 октября 740 г. произошло мощное землетрясение, серьезно повредившее укрепления Никомедии, Никеи, Пренета и других городов. В Константинополе обрушились некоторые ворота и участки стены Феодосия¹⁸⁶. Для быстрого восстановления разрушенных построек правительство ввело новый налог, получивший название дикератий¹⁸⁷. Эффективная работа налогового ведомства позволила быстро собрать суммы, необходимые для ремонта оборонительных сооружений. В дальнейшем денежные средства направлялись на строительство новых или восстановление давно разрушенных крепостей в Малой Азии, на Балканах и на островах Эгейского моря¹⁸⁸. В столице строительные работы продолжались до конца правления Константина V. В частности, был отремонтирован акведук Валента, поврежденный арабами во время осады 717–718 гг.¹⁸⁹

В источниках нет сведений о том, где в первой половине VIII в. проходила граница между Византией и Болгарией. По мнению

В. Златарского, в 717/718 г. между Львом III и ханом Тервелом было заключено соглашение, по которому империя отказывалась от некоторых территорий в обмен на военную помощь против арабов¹⁹⁰. Строительство византийских крепостей в Северной Фракии болгары восприняли как нарушение данного договора. Так как Константин V отказался выплатить им денежную компенсацию (φόρους), в 755/756 г. начались военные действия. С этих событий началась византийско-болгарская война, продолжавшаяся двадцать лет¹⁹¹.

Для рассматриваемой нами темы военные кампании Константина V против Болгарии представляют значительный интерес. Византия отказалась от оборонительной стратегии и на балканском направлении перешла к широкомасштабным наступательным действиям. Их целью являлось не овладение несколькими крепостями или установление контроля над горными перевалами. Речь шла о завоевании целого региона и уничтожении болгарской государственности¹⁹². Для достижения поставленной цели Константин V использовал ряд весьма изощренных стратегем, которые более характерны для позднеантичного, чем для средневекового военного искусства. Как правило, на болгарскую территорию одновременно вторгались несколько армий. Противник, не знавший направления основного удара, вынужден был также разделять свои весьма ограниченные силы. Другой особенностью болгарских кампаний Константина V являлось широкое использование военного флота¹⁹³. Так как у болгар вообще не было боевых кораблей, Византия безраздельно господствовала на Черном море. Перевозка войск, особенно кавалерии, являлась технически сложным и дорогостоящим мероприятием, но все расходы окупались, когда καβαλλαρικὰ θέματα неожиданно появлялись в тылу у болгар. Например, в 763 г. флот из 800 хеландий доставил в устье Дуная десяти тысячное кавалерийское войско, а в 773/774 г. в район Месемврии по морю было перевезено 12 тыс. конных воинов¹⁹⁴. Столь масштабную транспортировку войск по морю в VIII в. могли проводить только два государства – Византийская империя и арабский Халифат. У остальных средиземноморских и западноевропейских стран

отсутствовали необходимые для этого материальные ресурсы и финансовые средства¹⁹⁵.

Кардинальное изменение военно-политического курса Византии неизбежно должно было отразиться на организационных структурах вооруженных сил. К сожалению, письменные источники, повествующие о византийско-болгарской войне 50–70-х гг. VIII в., не позволяют подробно исследовать данную проблему. Необходимо отметить, что о боевых действиях против Болгарии писали только византийские авторы. Так как болгарских исторических хроник VIII–IX вв. не существует, то исследователям приходится полагаться на отрывочные, крайне тенденциозные, свидетельства «Хронографии» Феофана и нескольких сочинений патриарха Никифора. Уникальность ситуации состоит в том, что «иконофильская историография» стремилась всячески преуменьшить или же вообще поставить под сомнение победы Константина V.

Начальный период войны (755–763) описан у Феофана и патриарха Никифора по-разному. Феофан утверждает, что в 755/756 г. болгары совершили набег на Фракию, дошли до Длинных стен и беспрепятственно вернулись в свою страну¹⁹⁶. Далее автор «Хронографии» пишет об ответном византийском походе на болгарскую территорию, который состоялся в 760 г. и завершился поражением в ущелье Верегава¹⁹⁷. Императорские войска понесли тяжелые потери, причем среди погибших были стратиг Фракисия патрикий Лев и логофет дрома Лев (Λέοντα, πατρίκιον καὶ στρατηγὸν τῶν Θρακησίων, καὶ Λέοντα, λογοθέτην τοῦ δρόμου). Врагу досталось множество византийского оружия¹⁹⁸.

По мнению немецкого византиниста В. Брандеса, первоначальный текст Феофана, описывающий события 759/760 г., был полностью удален при редактировании рукописи. Вместо него анонимный переписчик включил в повествование два целиком вымышленных эпизода¹⁹⁹. В первом из них говорится об арабском нападении на фему Армениак. Якобы мусульмане захватили множество пленных, разгромили на р. Мелас фемное ополчение, убили стратига Павла, а отрубленные головы византийских воинов увезли с собой²⁰⁰. В арабских, армянских или сирийских источниках об этом нападении не упоминается. Известно

также, что до 763/764 г. между Византией и Халифатом действовало перемирие, которое ни разу не нарушалось²⁰¹.

Содержание второго эпизода, о разгроме войска Константина V в ущелье Верегава, является пересказом другого фрагмента из сочинения Феофана – о поражении войск Юстиниана II под Анхиалом в 708 г.²⁰² Дополняя наблюдения немецких исследователей В. Брандеса и Д. Зиманна, обратим внимание на должности погибших в сражении высших должностных лиц империи. Гибель на территории Болгарии стратега Фракия патрикия Льва вполне возможна, так как контингенты малоазийских фем постоянно принимали участие в балканских кампаниях Константина V. Однако присутствие в войске логофета дрома Льва противоречит византийской административной практике. В VIII в. логофет дрома (λογοθέτης τοῦ δρόμου) являлся главой гражданской администрации Византии и никогда не сопровождал императора в военных походах²⁰³.

Таким образом, свидетельства «Хронографии» о первом этапе византийско-болгарской войны не следует принимать во внимание. В болгарской историографии неоднократно предпринимались попытки доказать, что сражение в ущелье Верегава все-таки имело место. В частности, высказывалось мнение о небольшой («локальной») победе болгар над частью императорских войск. Существовала также теория, согласно которой Феофан перепутал даты и включил событие, относящееся ко второй половине 60-х гг. VIII в., в описание первого периода войны. По нашему мнению, данные гипотезы являются необоснованными, хотя попытки болгарских историков сформировать образ упорной самоотверженной борьбы небольшого государства с «огромной» империей вполне понятны²⁰⁴.

О начале войны с Болгарией писал также патриарх Никифор, причем его версия событий выглядит совершенно иначе. В *Ἱστορίᾳ συντομῇ* упоминается, что в 755 г. болгары совершили набег на территорию империи, но это нападение было отбито. Император атаковал противника и обратил его в бегство. На следующий год Константин V перенес военные действия на болгарскую территорию. Византийский

флот, численностью до 500 кораблей, пересек Черное море, вошел в Дунай и высадил здесь войска. Наступая с севера, они «предали огню болгарские области», захватили пленных и добычу. Сам император во главе другой армии вступил в сражение с болгарами у пограничной крепости Маркеллы (Μαρκέλλας φρούριον)²⁰⁵. Он обратил их в бегство и многих уничтожил. Вскоре болгары запросили мира, «предлагая в заложники собственных детей»²⁰⁶.

По нашему мнению, «Краткая история» патриарха Никифора более точно отражает ход событий византийско-болгарской войны. В этом «официальном», известном при императорском дворе, тексте нет намеренных искажений фактов, хотя отношение автора к иконоборческим императорам крайне негативное. Однако в других, «неофициальных», сочинениях Никифор подвергает внешнюю политику Константина V жесткой критике. Например, вся вина за нарушение мира с Болгарией и «пролитую христианскую кровь» возлагается на императора. При этом Никифор противоречит сам себе, так как строительство новых крепостей во Фракии (Θράκης φρούρια) он одобряет²⁰⁷. Победы Константина V над внешними врагами объясняются случайностью или стечением обстоятельств. В частности, о полном разгроме болгарских войск под Анхиалом в 763 г. Никифор писал: «...скифское железо поразило большую часть ромейского войска», а кости павших византийских воинов были оставлены без погребения на равнине под Анхиалом²⁰⁸. По мнению греческой исследовательницы Н.-К. Кутраку, эти слова были написаны Никифором (тогда уже бывшим патриархом) в «полемическом задоре», их не следует воспринимать всерьез, это только «риторические фигуры»²⁰⁹. В связи с этим необходимо отметить два важных момента.

Во-первых, в Ἱστορίᾳ σύντομος Никифор писал о битве при Анхиале совершенно по-другому. По его словам, император разгромил войско болгарского хана Телеца (762–765) и его славянских союзников одной мощной атакой кавалерии²¹⁰. Обратившийся в бегство противник понес тяжелые потери, болгарские воины начали сдаваться, но в плен брали только самых знатных. Вернувшись в Константинополь, император приказал отдать захваченных врагов для расправы жителям города.

Димоты перебили пленников у городского рва, после чего состоялись традиционные «конные игры» на ипподроме²¹¹.

Во-вторых, Константин V долгие годы пытался заслужить уважение фемных архонтов и рядовых стратиотов. Он берег своих воинов и жестоко мстил противнику за их гибель²¹². Ему была хорошо известна восточная военная традиция, согласно которой для командира не существовало большего позора, чем оставить без погребения своих павших солдат. Следовательно, слова Никифора являются не «риторической фигурой», а тяжким обвинением²¹³. Впрочем, бывший патриарх вновь противоречил сам себе. В «Краткой истории», как некий курьезный случай, он описывал инцидент, произошедший в 766 г. Во время очередной балканской экспедиции флот, перевозивший сухопутные войска, попал в сильный шторм у болгарского побережья. Несколько кораблей затонуло или разбилось о скалы, погибло большое число людей. Император приказал архонтам рыболовными сетями выловить из моря тела погибших, чтобы предать их земле²¹⁴.

Несмотря на тенденциозность и ярко выраженную «иконофильскую» направленность источников, в сочинениях Феофана и патриарха Никифора все-таки можно обнаружить сведения, характеризующие *изменения* в военно-административных структурах Византии 50–70-х гг. VIII в. Следует обратить внимание, что до этого времени при описании военных действий оба автора, как правило, упоминали названия фем, а также имена и титулы стратигов. Наиболее ярким примером является подробный рассказ о мятеже Артавазда, когда Феофан перечислил весь высший командный состав фемных контингентов. Во время балканских походов ни названия фем, ни имена стратигов не упоминаются. Исключение составляет специально рассмотренный нами эпизод из «Хронографии», посвященный битве в ущелье Верегава. Все военные кампании против болгар начинались в Константинополе. Именно отсюда отправлялась в поход сухопутная армия, здесь же производилась погрузка войск на корабли. Вместо названий фем Феофан и Никифор постоянно упоминают о кавалерийских отрядах, которыми командовал лично Константин V. В «Хронографии» для обозначения этих частей использованы термины

τὸ καβαλλαρικόν или τὰ καβαλλαρικὰ θέματα²¹⁵. Для Ἱστορία σύντομος характерна более архаичная терминология: ἵππικῶ στρατῶ, τὸ ἵππικόν²¹⁶.

Использование против болгар значительных кавалерийских сил было продиктовано не только тактической необходимостью²¹⁷. По нашему мнению, в середине 50-х гг. VIII в. Константин V вернулся к реализации своего давнего плана по формированию мобильной армии, размещенной в столице и подчиненной лично императору. Через десять лет численность этой «полевой армии» составляла 10–12 тыс. воинов. Первоначально она состояла из отрядов фемной конницы, но со второй половины 60-х гг. VIII в. в источниках появляются упоминания о новых регулярных кавалерийских частях, получивших названия тагма схол (τάγμα τῶν σχολῶν) и тагма экскувитов (τάγμα τῶν ἐξκουβίτων).

В исследованиях, посвященных административной истории Византии, существует традиция, согласно которой время создания воинских контингентов или административно-территориальных единиц определяется по первому упоминанию в источниках их командиров. Если придерживаться данной традиции, то формирование тагмы экскувитов следует датировать по упоминанию в «Хронографии» доместика экскувитов спафария Стратигия. Феофан писал, что в августе 765 г. он был казнен за участие в заговоре против императора²¹⁸. Командир другой тагмы, доместик схол патрикий Антоний, назван в «Хронографии» одним из руководителей гонений на иконопочитателей летом 767 г.²¹⁹ Очевидно, что в 765–767 гг. тагмы схол и экскувитов уже существовали, а указанные годы являются *terminus ante quem* их формирования. В связи с этим более важной представляется дата первой военной кампании, в которой принимали участие τάγμα τῶν σχολῶν и τάγμα τῶν ἐξκουβίτων.

Подробный рассказ об этом событии сохранился только в хронике Феофана²²⁰. По словам автора «Хронографии», летом 774 г. между Византией и Болгарией было подписано перемирие. Константин V отвел свою армию в Константинополь, оставив во всех построенных им крепостях гарнизоны (ταξάτους τὰ κάστρα). Осенью император получил

от «тайных друзей» из Болгарии известие, что болгарский хан Телериг (773–777) собирается напасть на область Верзития, чтобы увести в плен живущих там славян²²¹. Формально эти земли считались византийскими, а проживающие на них верзиты признавали власть василевса. Известно, что Константин V весьма негативно относился к любым попыткам уменьшить численность его подданных, но никогда не упускал возможности ее увеличить. Например, когда в 763/764 г. с болгарской территории на византийскую перешли 208 тыс. славян, император распорядился расселить их в долине р. Артана на севере Вифинии²²².

По свидетельству Феофана, Константин V задумал заманить болгарское войско в ловушку. Для этого он приказал начать подготовку к «ложному» походу против арабов. В частности, на азиатский берег Босфора были переправлены «знамена и императорская прислуга» (τὰ τε φλάμουλα καὶ ἡ ὑπηρεσία)²²³. Уверенные в своей безнаказанности, болгары пересекли границу империи, нарушив тем самым условия перемирия. Константин V немедленно выступил из Константинополя и перехватил противника в местности Лифосория²²⁴. Византийские войска неожиданно напали на болгар, которые не смогли оказать сопротивления и обратились в бегство. Захватив множество пленных и богатую добычу, император триумфально вернулся в Константинополь. Феофан писал, что сам император «назвал эту войну прекрасной», так как не было пролито крови христианских воинов²²⁵.

Рассказ о походе 774 г. содержит весьма важные подробности, касающиеся организации мобильной армии Константина V. Феофан упоминает, что в болгарском войске было 12 тыс. человек. Византийские силы он оценил в 80 тыс. воинов, преувеличив численность императорской армии в несколько раз. Не вызывает сомнения, что при необходимости Константин V мог собрать и 100 тыс. солдат. Однако использовать в быстротечном походе такие большие силы не имело смысла, так как противник легко бы их обнаружил. В данном случае гораздо важнее то, что Феофан перечислил состав императорского войска: таксаты фем, тагмы, контингенты фем Фракий и Оптиматов²²⁶.

Все собранные для отражения болгарского набега силы являлись регулярными. Термином ταξῆστοι (ταξεῖσται) в источниках VIII–XI вв. обозначались воины провинциальных тагм, небольших по численности регулярных отрядов, которые существовали в каждой феме²²⁷. Вероятно, в данном случае речь идет о таксеотах ближайших к Константинополю провинций (Фракия и Опсикий). Регулярные кавалерийские отряды из фемы Фракисий, которые назывались τοῦρμας τῶν Θεοδοσιακῶν и τοῦρμας τῶν Βίκτορες, относились к числу самых боеспособных в византийской армии²²⁸. Важной составной частью мобильной армии являлись отряды конных лучников (Οπτιμάτοι). По мнению Дж. Хэлдона, в обязанности оптиматов входила также охрана обоза и запасных коней всего войска²²⁹.

Константин V умер в сентябре 775 г., не завершив завоевание Болгарии. Тем не менее, он сумел восстановить контроль над Северной Фракией и приморским районом вплоть до Месемврии. В долине р. Гебр (Ἐβρος, Марица) и южных предгорьях Балкан завершилось строительство новых и реконструкция старых оборонительных сооружений²³⁰. Кроме крепостей были отремонтированы основные дороги, что позволяло войскам быстро перемещаться из Константинополя к болгарской границе. Судя по данным агеографических и эпиграфических источников, в 70–80-е гг. VIII в. основные сухопутные коммуникации данного региона были вновь доступны для свободного передвижения. В частности, по дороге Via Egnatia стала возможна беспрепятственная доставка грузов в Фессалонику, а над стратегически важной дорогой Via Militaris (Via Diagonalis) контроль был восстановлен вплоть до Сердики (Σερδική, Средец, совр. София)²³¹.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что на протяжении нескольких десятилетий Константин V создавал новую военно-административную систему, построенную на очень простом принципе: фемные ополчения обороняются, а регулярные войска ведут наступательные действия. По сути, это была попытка сформировать двухступенчатую систему, аналогичную армейской структуре Поздней Римской империи (comitatenses – limitanei). Очевидно, что Византия вто-

рой половины VIII в. по своим экономическим, финансовым, инфраструктурным возможностям уступала не только Поздней империи, но и арабскому Халифату. Однако созданная Константином V структура вооруженных сил позволяла компенсировать это отставание. Х.-И. Кюн отмечал: «Преимуществом фемной системы, по сравнению с военно-административными структурами позднеантичного времени, была высокая эффективность при обороне границ, со значительно меньшими финансовыми затратами»²³². Действительно, фемные контингенты не требовали таких больших финансовых средств, как *limitanei* римского времени или регулярные пограничные войска Халифата (*djund*). В Византии основные расходы приходились не на содержание иррегулярных провинциальных отрядов, а на строительство оборонительных сооружений.

Полевая армия Константина V была небольшой по численности и состояла только из кавалерийских частей. Минимальной боевой единицей являлась банда (*βάνδα*) из 40 конных воинов, что подтверждает очевидное сходство с римскими военными структурами на тактическом уровне²³³. Наступательные операции византийских мобильных войск в основном представляли собой скоротечные рейды на вражескую территорию. Помимо разгрома войск противника, во время подобных рейдов императорская армия стремилась нанести максимальный экономический ущерб, уничтожая любые запасы материальных ресурсов, объекты инфраструктуры, уводя в плен мирное население. Военные кампании на Балканах подтвердили эффективность избранной Константином V стратегии.

Регулярные тагмы схол и экскувитов являлись частью отборных кавалерийских войск и предназначались для ведения наступательных действий. Не исключено, Константин V планировал увеличить численность тагм за счет самых боеспособных фемных контингентов. Отметим также, что в период правления Константина V тагмы не выполняли никаких функций по охране императорского дворца, и это коренным образом отличало их от *scholae palatinae* ранневизантийского времени.

Регулярные тагмы в период внутривосточного кризиса 775–820 гг.

Принято считать, что армия является одним из наиболее консервативных элементов государственной системы. В связи с этим в стабильной внутри- и внешнеполитической ситуации для вооруженных сил крайне важна преемственность военной политики. Необоснованные, с точки зрения военных, изменения государственного курса вызывают в этой среде крайне негативную реакцию.

В Византии после смерти Константина V существовали все основания для продолжения традиционной военной политики Исавров. К 775 г. были созданы необходимые условия для продолжения активного завоевательного курса на Балканах. Однако его сын и соправитель Лев IV резко изменил внешнеполитические приоритеты империи, отказавшись от продолжения боевых действий на Западе и сосредоточив основные военные силы против арабов. По мнению Р.-И. Лили, война против Болгарии противоречила интересам малоазийской военной верхушки. В итоге император, не желая обострять отношения с влиятельными стратигами восточных фем, заключил с болгарами перемирие²³⁴. Немецкий византинист П. Шпек отмечал, что короткий период правления Льва Хазара был временем консолидации высшего командного состава вооруженных сил и правящей династии²³⁵.

Феофан писал, что в начале правления Лев IV распорядился «поднять численность воинов в фемах и увеличить тагмы». Помимо этого, фемные войска получили щедрые денежные подарки²³⁶. На Пасху 776 г. на ипподроме состоялось грандиозное действо, во время которого фемы, синклит, столичные тагмы и жители Константинополя присягнули на верность Льву IV и его пятилетнему сыну Константину VI²³⁷. После этого Византия втянулась в тяжелую и бесперспективную войну с Халифатом. Фемные контингенты весьма эффективно действовали при обороне своей территории, но вести успешные наступательные операции против арабов они оказались не способны²³⁸.

Неожиданная смерть Льва IV в 780 г. коренным образом изменила расстановку политических сил в Византии. В период совместного правления несовершеннолетнего Константина VI и его матери, императрицы Ирины, значительное влияние приобретают придворные евнухи и высшие должностные лица гражданской администрации. Как следствие, между несколькими «придворными» и «военными» группировками развернулась борьба за власть, проходившая под религиозными лозунгами²³⁹. В нашу задачу не входит рассмотрение подробностей этой борьбы, но необходимо определить, какие последствия она имела для военно-административных структур Византии. Особое внимание следует уделить регулярным тагмам. По мнению Дж. Хэлдона, они, оставаясь «ядром мобильной полевой армии», с 780 г. вновь стали выполнять функции дворцовой стражи.

В хронике Феофана регулярные войска, находившиеся в Константинополе со времен Константина V, однозначно характеризуются как радикальные иконоборцы («безбожная армия»)²⁴⁰. Однако на основании других источников можно заключить, что реальная ситуация не была столь однозначной. Военные не составляли отдельную «иконаборческую партию», между ними имелись существенные разногласия²⁴¹. Некоторые командиры предпочитали вообще не вмешиваться в политическую борьбу, вполне разумно полагая, что их профессиональные навыки будут востребованы при любом правительстве. Типичным представителем этой группы являлся domestik схол патрикий Антоний, который командовал тагмой более 15 лет²⁴². В 782 г., во время военных действий против арабов, Антонию было поручено руководство всеми регулярными тагмами²⁴³.

Военная кампания 782 г. имела большое значение для дальнейшего развития византийских вооруженных сил. В связи с этим необходимо обратить на нее особое внимание. Боевые действия начались в феврале 782 г., когда арабы неожиданно напали на византийскую пограничную крепость Магида в Малой Каппадокии. Захват этого небольшого укрепления позволил мусульманской армии проникнуть на территорию империи, минуя хорошо укрепленную пограничную

область Киликийских ворот²⁴⁴. По свидетельству ат-Табари, под командованием Харун ар-Рашида, сына халифа ал-Махди, было войско численностью 95 793 человека²⁴⁵. Учитывая опыт предыдущих экспедиций, завершившихся неудачно, арабское командование разделило армию на три части. Два крупных отряда должны были атаковать «фланговые» византийские фемы Фракисий и Армениак, а основные силы, минуя Никею и Никомедию, направлялись к Хрисополю на азиатском берегу Босфора (Χρυσόπολις, совр. Üsküdar, Ускюдар).

Реализовать столь амбициозные планы мусульмане не смогли. Во Фракисии их войско не добилося успеха. Сражение с силами стратига Михаила Лаханодрокана обернулось тяжелыми потерями для обеих сторон²⁴⁶. Другой вспомогательный отряд приступил к осаде Наколия, но подошедшие к крепости контингенты фемы Анатолик нанесли арабам сокрушительное поражение²⁴⁷. Основные силы Харун ар-Рашида столкнулись с ополчением фемы Опсикий под командованием комита Никиты и заставили его отступить в Никомедию. Потом мусульмане двинулись к Хрисополю, попутно разоряя западные районы Вифинии.

Византийское командование планировало окружить арабов. Для этого из Константинополя в Малую Азию были переправлены регулярные тагмы. Отряды доместика схол Антония заняли крепость Βανῆς и, тем самым, отрезали арабам путь к отступлению из Вифинии²⁴⁸. Одновременно в этот район подошли фемные войска Анатолика и Вукеллария. Харун ар-Рашид попытался увести свои войска на Восток, но вынужден был остановиться «вблизи от реки Сангарий, между горой с одной стороны и озером с другой стороны»²⁴⁹. Арабам угрожала военная катастрофа, по масштабам сопоставимая с поражением под Константинополем в 718 г.

По словам Феофана, арабскому войску удалось вырваться из окружения из-за предательства стратига Вукеллария Тачата²⁵⁰, который перешел на сторону мусульман «из ненависти к евноху Ставракию, патрикию и логофету дрома». Тачат посоветовал Харун ар-Рашиду вступить в переговоры с командованием византийских войск. Когда для встречи с сыном халифа явились Ставракий, доместик схол Анто-

ний и магистр Петр, их арестовали и «держали в цепях». Ради освобождения своего фаворита Ставракия императрица Ирина согласилась на подписание трехлетнего перемирия²⁵¹. В сочинении арабского историка ат-Табари условия заключенного перемирия перечислены очень подробно. Византия должна была ежегодно платить Халифату по 90 тыс. денариев, снабдить войско Харун ар-Рашида продовольствием, освободить арабских пленных и пр.²⁵² Характерно, что рассказ о боевых действиях в сочинении ат-Табари отсутствует. Возможно, из-за того, что в 782 г. арабы не добились никаких военных успехов²⁵³. Михаил Сириец сообщает о завершении войны очень кратко: «Арабы просили мира, а Ирина, сообразно ее женскому разумению, согласилась. Они заключили перемирие на три года. Так арабы избавились от сложностей своих»²⁵⁴.

Таким образом, итоги войны 782 г. были для Византии весьма неоднозначными. Вне всякого сомнения, предательство стратига Вукеллария Тачата Андзеваци лишило императорскую армию заслуженной «великой победы»²⁵⁵. Однако у армейских командиров была другая причина для возмущения: императрица согласилась на подписание невыгодного мирного соглашения ради освобождения из плена ее фаворита, логофета дрома Ставракия. Данный инцидент показал военачальникам, что их победы и, тем более, жизни простых солдат правительница ценит гораздо меньше, чем безопасность одного придворного евнуха. Можно констатировать, что с этого времени архонты малоазийских фем перестали поддерживать правящую династию²⁵⁶.

Политика сторонников Ирины также окончательно определилась после 782 г. В ней можно выделить два основных направления. Во-первых, началась постепенная замена военачальников, назначенных на руководящие должности при Константине V и Льве IV, на лояльных императрице командиров. Бюрократическая группировка, ставленницей которой являлась Ирина, не имела возможности действовать быстро, так как фемные стратиги по-прежнему располагали силами и ресурсами, достаточными для захвата власти. Кроме того, приверженцы императрицы столкнулись с кадровой проблемой. Уволенных со службы про-

фессиональных военных было сложно заменить. По этой причине в последней четверти VIII в. войсками зачастую командовали придворные евнухи или бывшие гражданские чиновники: логофет стратиотиков Иоанн, логофеты дрома Ставракий и Аэций²⁵⁷.

Во-вторых, императрица Ирина значительно сократила военные расходы. Средства, которые ранее направлялись на поддержание боеспособности фемных контингентов и выплату жалованья регулярным войскам, стали расходоваться на содержание столичного бюрократического аппарата и строительство нового императорского дворца²⁵⁸. В данной ситуации военная система, созданная Константином V, существовать не могла, так как требовала значительных финансовых средств²⁵⁹. Недовольство в армейской среде возрастало, причем основную опасность для правящей группировки представляли регулярные войска, размещенные в Константинополе и ближайших окрестностях столицы. Феофан писал о заговоре, раскрытом еще осенью 780 г. Группа архонтов, в числе которых был domestик экскувитов спафарий Константин²⁶⁰, планировала отстранить от власти Ирину и Константина VI, а на престол возвести одного из младших братьев Льва IV – кесаря Никифора или новелиссима Никиту. Расследование этого дела продолжалось более года. В итоге заговорщиков постригли в монахи и отправили в «вечную ссылку»²⁶¹.

Борьба противоборствующих группировок значительно обострилась в 786/787 г. из-за желания императрицы собрать в Константинополе церковный собор. Феофан писал, что 7 августа 786 г. «воины из схоляриев, экскувитов и из остальных тагм, подстрекаемые своими архонтами» разогнали первое заседание собора, угрожая применить оружие²⁶². Следует отметить, что в Деяниях Второго Никейского собора данные события описываются по-другому. Беспорядки в Константинополе продолжались несколько дней в начале августа 786 г. Толпы жителей города, среди которых были схолярии и экскувиты, «громогласно выражали недовольство» на площади перед Св. Софией. Примечательно, что к бунту их подстрекали некоторые из «злоумышленных епископов», явившихся на заседание собора. В итоге императрица предложила цер-

ковным иерархам разойтись, «чтобы избежать бесчинного натиска народа»²⁶³.

Правящая группировка в полной мере использовала произошедшие события в своих интересах. В сентябре 768 г. значительная часть регулярных отрядов, находившихся в Константинополе со времен Константина V, была расформирована. Феофан писал, что Ирина отправила во Фракию логофета дрома Ставракия, чтобы он уговорил размещенные там контингенты восточных фем помочь в изгнании «безбожного войска» из столицы. Затем она объявила об организации похода против арабов, которые вторглись на территорию Византии. Показывая серьезность своих намерений, Ирина приказала переправить на азиатский берег Босфора «императорскую свиту и палатку»²⁶⁴. На самом деле никакого похода проводить не планировалось. Собравшимся в Малагине войскам заявили, что они должны сдать оружие, так как в их услугах императоры больше не нуждаются. Семьи изгнанных со службы воинов погрузили на корабли и также перевезли на азиатский берег, чтобы они вместе отправились в свои области (τῇ ἰδίᾳ χώρᾳ). Пока происходили эти события, Ставракий со стратиотами из Малой Азии занял Константинополь. Потом Ирина сформировала свое собственное войско во главе с преданными архонтами (καὶ ποιήσασα στρατὸν ἴδιον καὶ ἄρχοντας πειθηνίους αὐτῇ)²⁶⁵.

Не вызывает сомнения, что рассказ Феофана о «выселении безбожной армии злодея Константина» содержит множество неточностей и противоречий. Другие византийские источники представляют ситуацию гораздо проще и понятнее. Например, в Деяниях Второго Никейского собора говорится: «Императоры издали повеление, что народ агарянский идет с враждебными намерениями и чтобы войска отправились в поход»²⁶⁶. На самом же деле они хотели удалить войска из царственного города. Когда войска достигли Малагины, то по приказанию императоров всех их распустили, отказались от попечения о них, приказав каждому воину возвратиться на свою родину. После этих событий церковь целый год наслаждалась покоем и патриарх проповедовал всем слово истины»²⁶⁷. В Житии Иоанна Готского события осени 786 г. переданы

очень кратко: «За это были изгнаны они (мятежные войска. – *А. М.*) вместе с женами и детьми, около шести тысяч, а с ними и некоторые из еретиков-епископов»²⁶⁸.

Таким образом, осенью 786 г. с императорской службы были уволены, как минимум, 6 тыс. солдат регулярных войск. По всей видимости, речь идет о контингентах, переведенных Константином V в столицу из восточных провинций. Бывшим стратиотам приказано было вернуться в свои фемы, им отказали в выплате жалованья и конфисковали вооружение²⁶⁹. В хронике Феофана и Деяниях Второго Никейского собора говорится, что расформирование регулярных отрядов происходило в Малагине. Необходимо отметить, что в 786 г. этот важнейший пункт обеспечения византийской армии упоминается в источниках впервые. Местность Малагина (Μαλλάγινα) находилась на северном равнинном берегу р. Сангарий, в 40 км восточнее Никеи и в 30 км юго-восточнее Никомедии. По археологическим данным известно, что в первой половине IX в. здесь была построена одноименная крепость²⁷⁰. С этого же времени все крупные военные экспедиции на Восток начинались из района Малагины. В соседних населенных пунктах располагались многочисленные склады продовольствия, вооружения и других материальных ресурсов. Митаты (μιτᾶτον, «конные заводы») должны были поставить к началу военной экспедиции лошадей и вьючных животных²⁷¹. Войска переправлялись из Константинополя в небольшие приморские города на берегу Никомедийского залива (Пилы, Элегмы, Киос, Катавола, Еленополь и др.). Потом они собирались в районе Малагины, получали необходимые припасы и отправлялись в поход. Создание аплекты Малагина было завершено в первой половине X в., о ней неоднократно упоминается в «Книге церемоний»²⁷².

По нашему мнению, изгнание из Константинополя «безбожной армии» необходимо рассматривать не только как временную победу «партии Ирины» над своими соперниками по религиозно-политической борьбе. Гораздо более важным последствием этого события является отказ от продолжения военной реформы, начатой Константином V²⁷³.

В 786 г. императрица Ирина ликвидировала не все регулярные части, входившие в состав полевой армии Константина V. Тагмы схол и экскувитов расформированы не были. Формально они даже остались боевыми подразделениями, хотя до 792 г. упоминаний об их участии в военных действиях нет. Причина, по которой императрица сохранила $\sigma\chi\omicron\lambda\acute{\alpha}$ и $\epsilon\acute{\xi}\kappa\omicron\upsilon\beta\iota\tau\alpha$, очевидна. Тагмы существовали уже более 20 лет, служба в них считалась престижной и весьма доходной. Поэтому в командном составе этих отрядов служили представители многих влиятельных столичных семей. Например, дед и крестный отец патриарха Тарасия были комитами экскувитов²⁷⁴. Со схолами связан начальный этап карьеры патрикия Петра, одного из военачальников Никифора I²⁷⁵. В тагме схол служили Сисиний и Никита, сыновья таможенного чиновника Трифиллия. Известно, что семья Трифиллиев принадлежала к «партии Ирины» и благодаря этому братья сделали быструю карьеру. Сисиний получил титул патрикия и должность стратига Фракии, а патрикий Никита был назначен доместиком схол²⁷⁶.

Несмотря на увольнение со службы «радикальных иконоборцев», правящая группировка опасалась мятежей схоляриев и экскувитов. В связи с этим тагмы были выведены из Константинополя и размещены в ближайшей округе византийской столицы. С конца VIII – начала IX в. $\sigma\chi\omicron\lambda\acute{\alpha}$ и $\epsilon\acute{\xi}\kappa\omicron\upsilon\beta\iota\tau\alpha$ часто обозначаются в источниках как ператические тагмы²⁷⁷. О значении данного термина писал еще Ф. И. Успенский, который связывал его появление с другим термином – $\pi\epsilon\rho\alpha\tau\iota\kappa\omicron\varsigma\ \delta\eta\mu\omicron\varsigma$. По мнению русского византиниста, императорские тагмы IX–X вв., как и *scholae palatinae* ранневизантийского времени, были тесно связаны со столичными димами. «Ператические димы», по Ф. И. Успенскому, состояли из жителей окраин византийской столицы, за счет них комплектовались $\pi\epsilon\rho\alpha\tau\iota\kappa\acute{\alpha}\ \tau\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\tau\alpha$ ²⁷⁸. В современной историографии возникновение термина $\pi\epsilon\rho\alpha\tau\iota\kappa\acute{\alpha}\ \tau\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\tau\alpha$ связывают с названием константинопольского района Пера²⁷⁹. На берегах Золотого Рога и Босфора находилось множество важных объектов, которые нуждались в охране: Арсенал, переправы, судостроительные верфи, причалы, продовольственные склады и пр. Здесь же располагалась крепость Св. Маман-

та и укрепление Перама²⁸⁰. Кроме этого, местом расквартирования тагм была крепость Стронгилон на побережье Мраморного моря в пригородном районе Эвдомон²⁸¹.

По свидетельству Феофана, в 786 г. Ирина сформировала «собственное войско во главе с преданными архонтами»²⁸². По мнению большинства исследователей, речь идет о создании тагмы арифмов²⁸³. Однако если придерживаться вышеупомянутой традиции, то временем возникновения $\tau\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\ \tau\hat{\omega}\nu\ \alpha\rho\iota\theta\mu\hat{\omega}\nu$ следует считать 790 г., когда в источниках впервые упоминается ее командир спафарий Алексей Моселе. Феофан писал, что он был доверенным лицом императрицы. В сентябре 790 г. Ирина отправила его в фему Армениак, где начался бунт стратиотов²⁸⁴. Вместо того, чтобы защищать интересы правительницы, Алексей Моселе примкнул к мятежникам. Впоследствии он сыграл значительную роль в перевороте Константина VI, был вознагражден за это титулом патрикия и назначен стратигом Армениака. Впрочем, новый император недолго благоволил Алексею. Весной 792 г. бывший друнгариус виглы был обвинен в организации заговора, ослеплен и пострижен в монахи²⁸⁵.

Необходимо отметить, что при формировании отряда личной стражи императрица Ирина действовала абсолютно так же, как несколькими десятилетиями ранее поступал Константин V. Рядовой состав $\eta\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\eta\ \beta\acute{\iota}\gamma\lambda\alpha$ ²⁸⁶ был набран из стратиотов восточных (ператических) фем, которых привел в Константинополь логофет дрома Ставракий. Дж. Хэлдон высказал предположение, что в новую тагму целиком зачислили одно из подразделений Фракисия, среди жителей которого были сильны «иконофильские» настроения²⁸⁷. Однако данная точка зрения источниками не подтверждается. Более того, незадолго до создания тагмы арифмов Ирина выслала из Константинополя «мятежное войско», в состав которого входили $\tau\acute{o}\upsilon\rho\mu\alpha\varsigma\ \tau\hat{\omega}\nu\ \Theta\epsilon\omicron\delta\omicron\varsigma\iota\alpha\kappa\hat{\omega}\nu$ и $\tau\acute{o}\upsilon\rho\mu\alpha\varsigma\ \tau\hat{\omega}\nu\ \beta\iota\kappa\tau\omicron\rho\epsilon\varsigma$ из фемы Фракисий. Следовательно, виглы могли быть сформированы из стратиотов любой восточной фемы²⁸⁸. Например, из солдат турмы Ликаония ($\tau\acute{o}\upsilon\rho\mu\alpha\varsigma\ \tau\hat{\omega}\nu\ \Lambda\iota\kappa\alpha\omicron\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$), которые упоми-

наются среди стражников и доверенных людей Никифора I в 803 г., во время мятежа патрикия Вардана Турка²⁸⁹.

Еще одним доказательством того, что *τάγμα* τῆς βίγλας изначально была связана с провинциальными военными контингентами, является название должности ее командира. Тагмами схол и экскувитов руководили доместики (δομέστικός τῶν σχολῶν и δομέστικός τῶν ἐξκουβίτων), эти должности происходили от наименования одного из отрядов *scholae palatinae* ранневизантийского времени. Арифмами командовал друнгарий (δρουγγάριος τῆς βίγλας)²⁹⁰. Известно, что в фемах также существовал командный пост друнгария, командира банды (βάνδον), малой административной единицы в составе провинции.

По нашему мнению, утверждение Х.-И. Кюна о том, что «тагма арифмов, в отличие от *σχολαὶ* и *ἐξκούβιτα*, никогда не была боевым подразделением», является неверным²⁹¹. Точка зрения немецкого исследователя основана на том, что с 30-х гг. IX в. друнгарий виглы утрачивает военные полномочия, на него возлагаются функции по поддержанию порядка в Константинополе. С этого времени из состава тагмы выделялись отряды воинов, охранявшие столичные тюрьмы, здание судебных коллегий на ипподроме и трибунал в Манганах²⁹². Одновременно *τάγμα* τῆς βίγλας продолжала участвовать в военных походах. По сведениям военных трактатов X в., в ее обязанности входила охрана императорской ставки. Так как друнгарий виглы в большинстве случаев оставался в Константинополе и выполнял свои обязанности, тагмой командовал топотирит арифмов²⁹³.

Создание императрицей Ириной отряда личной охраны не помогло ей удержаться на престоле. переворот 790/791 г. привел к власти Константина VI. В историографии преобладает мнение, что молодой император являлся ставленником стратигов восточных фем. Ведущую роль среди них играл магистр Михаил Лаханодрокон, один из наиболее известных военачальников и «радикальных иконоборцев» второй половины VIII в.²⁹⁴ Эту точку зрения следует поставить под сомнение, так как вся внешнеполитическая активность Константина VI была направлена не против арабов, а против болгар²⁹⁵.

С 775 по 790 г. обстановка на Балканах серьезно изменилась. В Болгарии завершился длительный период политической нестабильности, большинство кланов признали власть хана Кардама (777–802), сторонника жесткой внешнеполитической линии по отношению к Византии. Как следствие, возобновились грабительские набеги на Северную Фракию и склавинии, расположенные в горном районе севернее Фессалоники²⁹⁶.

Весной 791 г. Константин VI предпринял ответный поход на территорию Болгарии, который завершился «небольшим боем» (μικροῦ πολέμου) у крепости Провадия и весьма странным бегством обеих армий, «устранивших друг друга»²⁹⁷. Рассказ Феофана об этих и последующих событиях не отличается достоверностью, так как данная часть хроники подверглась редактированию и сокращению. Далее в «Хронографии» помещено описание крайне важного для истории двух государств сражения при Маркеллах в июле 792 г. Феофан утверждает, что из-за самоуверенности Константина VI и его нежелания должным образом подготовиться к битве императорская армия потерпела сильное поражение. Погибло множество простых воинов и несколько известных командиров, среди которых были магистр Михаил Лаханодрокон и бывшие стратеги патрикий Варда, протоспафарий Стефан, Никита и Феогност²⁹⁸. К сожалению, Феофан не сообщает о причине массовой гибели *только* бывших правителей фем, при отсутствии среди павших стратиг-гов действующих.

Об участии регулярных тагм в битве при Маркеллах известно из Жития св. Иоанникия. Описание хода сражения в этом агиографическом тексте значительно отличается от рассказа Феофана. Судя по Житию св. Иоанникия, оба командующих (Константин VI и Кардам) потеряли управление войсками в начале боя. Основные болгарские силы атаковали и разгромили только часть византийского войска. Остальные подразделения, включая регулярные тагмы, отошли под прикрытие крепости Маркеллы. Ночью императорская армия, бросив имущество и снаряжение, спешно отступила к Адрианополю. Болгары их не преследовали²⁹⁹. Вне всякого сомнения, сражение при Маркеллах было проиграно визан-

тийскими войсками. После этого длительный период наступательных войн, которые империя вела против Болгарии, закончился. Символично, что начался он при Маркеллах в 756 г., при Маркеллах же в 792 г. он и завершился. Следующие 150 лет военная инициатива будет принадлежать болгарам, а Византии придется обороняться, зачастую из последних сил.

В 90-е гг. VIII в. βασιλικὰ τάγματα принимали активное участие в борьбе политических группировок за власть в империи. В частности, они пытались возвести на престол сына Константина V кесаря Никифора³⁰⁰. Затем их симпатии на короткое время были отданы императрице Ирине, а в октябре 802 г., при активном содействии схол и арифмов, власть захватил Никифор I. По мнению Дж. Хэлдона, в конце VIII – начале IX в. регулярные войска действительно являлись византийским аналогом «преторианской гвардии». Они готовы были поддержать любую политическую группировку, любого лидера, которые пообещали бы им «эффективное правление». В эти годы преемственность власти, династические связи утратили какое-либо значение. Авторитет императора зависел от поддержания им стабильности внутри страны, а также его внешнеполитических успехов. Неудивительно, что в ситуации политического кризиса военные все чаще вспоминали об «эффективных» императорах из династии Исавров, Льве III и Константине V³⁰¹.

Бюрократическая группировка, выразителем интересов которой являлся Никифор I, внесла значительные коррективы в военную политику. В некоторых исследовательских работах мероприятия бывшего логофета геникона даже называют «реформой системы военного набора»³⁰². Феофан, перечисляя многочисленные фискальные нововведения императора, писал о появлении практики принудительного зачисления на военную службу малоимущих. Так как самостоятельно приобрести вооружение и боевого коня бедняки не могли, то это должны были вскладчину делать их односельчане (τῶν ὁμοχώρων). На снаряжение одного стратиота общине полагалось собрать 18,5 номисм³⁰³. Судя по данным агиографических источников, набор по данному принципу производился не только в фемные контингенты, но и в регулярные тагмы³⁰⁴.

Новые правила комплектования войск вступили в силу в 809 г. Они позволили увеличить численность армии, но боеспособность новых формирований была крайне низкой. Следует отметить, что сторонники тезиса о «важном нововведении» в военной сфере по непонятной причине не обращают внимания на события, происходившие несколько раньше, в 807–808 гг. В «Хронографии» упоминается, что сначала против Никифора I выступили τῶν βασιλικῶν ἀνθρώπων καὶ τῶν ταγμάτων («императорские люди и тагмы»). Мятеж был подавлен, далее последовала жестокая расправа над его зачинщиками. Рядовые участники восстания были уволены со службы и лишены имущества³⁰⁵.

Вслед за тагмами, во время похода императора к разрушенной болгарями Сердице, восстали стратиотские контингенты. Воины фемных ополчений были недовольны тем, что Никифор постоянно нарушал данные войску клятвы и сокращал денежные выплаты. С большим трудом фемным архонтам удалось уговорить воинов прекратить мятеж. По возвращении армии в Константинополь начались репрессии против бунтовщиков. Крайне негативно относившийся к Никифору I, автор «Хронографии» подробно писал об очередном «бесчинстве» императора и его приближенных: солдат и командиров изгоняли со службы, лишали денежного содержания, отнимали их недвижимое имущество³⁰⁶.

По нашему мнению, мероприятия Никифора I в военной сфере нельзя считать реформой. Указы о новом порядке набора в тагмы и фемы необходимо расценивать как частную попытку пополнить войско с наименьшими затратами для казны. Причем проблему создал сам император, который в 807–808 гг. распорядился уволить со службы значительное число опытных, испытанных в сражениях, стратиотов. Отметим также, что массовое изгнание с военной службы солдат и младших командиров стало в конце VIII – начале IX в. весьма распространенной практикой. Сначала императрица Ирина по религиозным соображениям избавилась от «безбожной армии» Константина V. Ее примеру последовали Константин VI, изгнавший со службы многих стратиотов и архонтов фемы Армениак³⁰⁷, и Никифор I. В двух последних случаях основанием для увольнения являлась не приверженность «иконоборческой

ереси», а политическая неблагонадежность. В целом данные примеры подтверждают, что даже в сложной внешнеполитической ситуации бое-способность войск мало волновала императоров. Во всяком случае, ничего не известно об изгнании со службы кого-либо из военачальников за бездарное командование.

Сокращение боеспособных воинских контингентов привело к появлению еще одной проблемы. Патриарх Никифор писал, что лишённые права носить оружие отставные военные повсюду нищенствовали, собирались в шайки и грабили людей на дорогах. По его мнению, во всех бедах бывшие стратиоты были виноваты сами, так как совершили преступление, предав своих благодетелей. Никифор утверждал также, что военные хранят верность, только когда получают βασιλικαὶ ῥόγαι³⁰⁸.

Единственным военно-организационным мероприятием, проведенным в правление Никифора I, следует считать создание четвертой регулярной тагмы, которая получила наименование τάγμα τῶν ἱκανάτων. Начальный этап истории тагмы иканатов отражен в источниках кратко и противоречиво. В 802–803 гг. ἱκανῶτοι составляли небольшой отряд личных телохранителей Ставракия, сына и соправителя Никифора I³⁰⁹. В 807/808 г. формальное командование тагмой перешло к десятилетнему внуку императора Никите³¹⁰, а реальное было поручено патрикию Петру, который в правление Ирины занимал пост доместика схол. Следует согласиться с мнением Дж. Хэлдона, что первым δομέστικος τῶν ἱκανάτων следует считать именно Петра.

Другой тезис английского исследователя является спорным. Дж. Хэлдон утверждает, что тагма иканатов создавалась как «противовес» остальным регулярным частям, в лояльности которых Никифор I обоснованно сомневался³¹¹. По нашему мнению, в первые годы существования иканатов вообще нельзя считать боевым подразделением, так как этот отряд состоял не из профессиональных воинов, а из молодых представителей знатных столичных семей. В «Хронике 811 г.» упоминается, что иканатами назывались сыновья архонтов возрастом старше 15 лет, составлявшие окружение наследника престола³¹². Первоначальная численность и структура τάγμα τῶν ἱκανάτων неизвестны.

В 811 г. тагма иканатов, вместе с тремя другими «царскими отрядами», приняла участие в походе Никифора I против болгар. Эта кампания, как известно, обернулась для Византии подлинной военной катастрофой. 26 июля 811 г. в Вырбицком ущелье императорская армия была уничтожена болгарским войском хана Крума³¹³. Число погибших и попавших в плен византийских солдат в источниках не упоминается. В хронике Феофана содержится только длинный список высших гражданских чиновников и военачальников, убитых в Вырбицком ущелье. По сути, всего за несколько часов Византия потеряла большую часть своей военно-политической элиты, причем сам император Никифор также «оставил в Болгарии свои кости»³¹⁴.

Можно предположить, что потери среди солдат и командиров регулярных тагм были весьма велики. Погибли domestik экскувитов и друнгарий виглы (Феофан не сообщает их имен)³¹⁵. Из «Хроники 811 г.» известно, что *τάγμα τῶν ἱκανάτων* была уничтожена полностью, хотя ее командир, *δομέστικος τῶν ἱκανάτων* патрикий Петр, попал в плен к болгарам и остался жив³¹⁶. Наименьшие потери понесла тагма схол во главе с патрикием Стефаном. Следует отметить, что вместе со схоляриями из боя сумел выйти раненый соправитель Ставракий. По распоряжению доместика схол Стефана нового императора доставили в Адрианополь³¹⁷.

Несомненно, наиболее важным последствием разгрома византийской армии в Вырбицком ущелье являлась гибель императора. Это был первый случай в византийской истории, когда василевс ромеев пал в битве с армией иностранного государства на вражеской территории. Характерно, что никакой печали по поводу гибели Никифора I его подданные не испытывали³¹⁸. Однако столь неординарное событие все-таки требовало осмысления, прежде всего, в военной среде. С одной стороны, среди архонтов и рядовых стратиотов смерть Никифора I считалась позорной. С другой стороны, военные стали особо почитать прославленного своими победами Константина V³¹⁹. По мнению греческой исследовательницы Н.-К. Кутраку, в 20–30-е гг. IX в. сформировался «солдатский культ» этого императора. Константин V превратился в «священ-

ную фигуру», к которой обращались с просьбой о помощи перед началом военных походов. Кроме солдат почитание иконоборческих императоров, как победителей болгар, получило распространение среди жителей Константинополя и балканских фем Византии. На территории Малой Азии каких-либо проявлений этих народных верований не зафиксировано³²⁰.

Другим последствием разгрома 811 г. стал панический страх перед болгарами. Метаморфозу, произошедшую с византийской армией, невозможно объяснить какими-либо военными причинами. Еще в первые годы IX в. солдаты, командиры и особенно высшие архонты презирали болгар. Войска были хорошо обучены тактическим приемам, которые следовало применять в сражениях с ними. Болгары, как правило, не выдерживали длительного боя на короткой дистанции, им приходилось отступать для перестроения боевых порядков. Византийская кавалерия атаковала их именно в этот момент, обращая в бегство разрозненные группы воинов противника. Характерно, что после 811 г. болгарская манера ведения боя не изменилась. С ними можно было воевать по-старому, никаких тактических нововведений не требовалось. Однако все попытки византийских командиров убедить в этом солдат оказывались тщетными. Более того, зачастую архонты первыми обращались в бегство. Отметим также, что против арабов византийские войска сражались гораздо увереннее. Даже перед прославленной «элитной» кавалерией Халифата (μυροφόροι) особого страха они не испытывали.

Типичным примером сражения, проигранного императорской армией еще до его начала, является битва при Версиникии 22 июня 813 г.³²¹ В источниках упоминается о бегстве фемных контингентов и регулярных тагм с поля боя еще до атаки противника. Хан Крум (803–814) даже заподозрил, что греки задумали некую военную хитрость, и приказал своим войскам прекратить сражение. Преследование византийских войск болгары начали с большим опозданием. В итоге хану Круму достался только брошенный лагерь императорской армии. Битва при Версиникии была с позором проиграна войсками Михаила I, но значительных потерь на этот раз удалось избежать³²².

В правление императоров Стакракия (811) и Михаила I (811–813) регулярные тагмы играли значительную роль в военно-политической жизни Византии. Речь идет, прежде всего, о тагме схол, которая понесла наименьшие потери в сражениях с болгарами. По мнению ряда исследователей, к *σχολαὶ* были присоединены оставшиеся подразделения *ἐξκούβιτος* и *βίγλα*, что привело к формированию «объединенной» тагмы. Ее командиром был назначен магистр Стефан, для которого создали новую должность великого доместика (*μέγας δομέστικός*)³²³. По нашему мнению, данная точка зрения является неверной. Должности великого доместика в начале IX в. не существовало, что может быть аргументировано следующим образом. Прежде всего, «объединенная» тагма просуществовала недолго. Уже при Льве V (813–820) тагмы схол, экскувитов и арифмов вновь стали отдельными регулярными частями, каждая под руководством своего командира. Отметим также, что в исторических хрониках IX–X вв. неоднократно упоминаются «великие доместики», которые командовали большими армиями. Речь идет о таких известных военачальниках, как Михаил Аморийский, Никифор, Лев и Варда Фоки, Лев Аргир, Иоанн Куркуас, Никифор Уран³²⁴. *Cursus honorum* большинства этих полководцев хорошо известен, опубликовано значительное число принадлежавших им печатей. Среди этих моливдовулов нет ни одного, в легенде которого упоминалась бы должность *μέγας δομέστικός*. В связи с этим, придерживаясь принципа «нет печати – нет должности», следует признать слова «великий доместик» литературным эпитетом, таким же как «стратиг-автократор».

Завершая рассмотрение истории создания регулярных тагм, обратимся к сигиллографическим источникам. Следует отметить, что для исследований организационных структур *βασιλικὰ τάγματα* второй половины VIII – первой половины IX в. данные сфрагистики почти не привлекаются. Дело в том, что моливдовулы иконоборческого времени, как правило, сложно датировать. Исключение составляют печати императорских коммерций и апотек, которые датируются с точностью до одного-двух лет из-за указания в легенде индикта. Остальные буллы не содержат подобных временных указаний и их хронология определяется

по сфрагистическому типу (крестообразные инвокативные монограммы) в очень широком диапазоне: VIII/IX в. или 750–850 гг. Кроме того, моливдовулов, принадлежавших командному составу регулярных тагм, сохранилось очень мало, а у рядовых солдат и большинства младших командиров, в отличие от предыдущего периода, печатей не было вообще. Единственное исключение составляет булла Кирилла, мандатора экскувитов³²⁵. Мандаторы, как известно, выполняли обязанности курьеров, и наличие собственных печатей у этих должностных лиц вполне допустимо.

Из печатей, принадлежавших μεγάλοι ἄρχοντες тагмы схол, следует обратить внимание на моливдовул с легендой: Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Μανουήλ πατρικίῳ καὶ δομεστίκῳ τῶν θεοφυλάκτων τῶν βασιλικῶν σχολῶν («Богоматерь, помоги своему рабу Мануилу, патрикию и domestiку богохранимых императорских схол»)³²⁶. По мнению Ф. Винкельманна, данная булла относится к очень раннему типу и должна быть датирована второй четвертью VIII в. Немецкий исследователь указывает также, что она не могла принадлежать знаменитому византийскому военачальнику и политическому деятелю «второго иконоборческого периода» магистру Мануилу³²⁷. Если выводы Ф. Винкельманна верны, то данный сфрагистический памятник следует отнести к числу уникальных. Известно, что с 767 по 782 г. domestiком схол являлся патрикий Антоний. Не исключено, что владелец печати патрикий Мануил, который не упоминается в письменных источниках, командовал тагмой до Антония, в первой половине 60-х гг. VIII в.

Печати domestiков экскувитов, которые уверенно датируются второй половиной VIII в., неизвестны. Наиболее ранние буллы командира τάγμα τῆς βίγλας принадлежали императорскому спафарию Льву³²⁸. Необходимо также упомянуть моливдовул с легендой: Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Πετρῶνᾳ βασιλικῷ κανδιδάτῳ καὶ δρουγγαρίῳ τοῦ ἀριθμοῦ («Богоматерь, помоги своему рабу Петроне, императорскому кандидату и друнгарию арифмов»)³²⁹. Следует отметить, что печати Льва и Петроны весьма примечательны. Они позволяют утверждать, что у тагмы арифмов было два официальных названия – τάγμα τῆς βίγλας и τάγμα τῶν ἀριθμῶν. Должность друнгария арифмов выходит из употребления только во второй половине IX в.

Почти все известные моливдовулы domestikов иканатов относят- ся ко второй половине IX – XI в. Более ранним периодом датируется только одна булла: Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Βάρδᾳ βασιλικῷ σπαθαρίῳ καὶ δομειστικῷ τῶν ἱκανάτων («Богоматерь, помоги своему рабу Варде, императорскому спафарии и domestikу иканатов»)³³⁰. В письменных источниках этот военачальник не упоминается.

Далее обратимся к ранним печатям топотиритов тагм. Опубликовано три моливдовула топотиритов экскувитов: Амброса³³¹, Константина³³² и Льва³³³. Печать топотирита схол известна в единственном экземпляре: Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Βασιλείῳ βασιλικῷ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ τοποτηρητῇ τῶν σχολῶν («Богоматерь, помоги своему рабу Василию, императорскому протоспафарии и топотириту схол»)³³⁴. Обратим внимание на более высокий, по сравнению с топотиритами других тагм, титул владельца этой буллы. Уникальной является печать топотирита арифмов Ахиллия. Она датируется VIII в. и, вероятно, относится ко времени формирования третьего «царского отряда»³³⁵.

Моливдовулы «высших архонтов» βασιλικὰ τάγματα, датированные второй половиной VIII – первой половиной IX в., позволяют проследить процесс формирования организационных структур императорских тагм. В частности, не известно ни одной печати хартулариев тагм. В письменных источниках данного периода они также не упоминаются. Следовательно, предположение Ф. Дёльгера о позднем появлении этой должности находит весомое подтверждение³³⁶. Следует также указать, что большинство командиров императорских тагм VIII в., известных по данным сфрагистики, имели титулы спафария, кандидата или стратора с добавлением предиката βασιλικός («императорский»). Это является еще одним подтверждением того, что многие титулы средневизантийского периода происходили от названий отрядов императорских телохранителей из состава scholae palatinae.

Военно-политический кризис в Византии продолжался до прихода к власти Михаила II (820–829). Известно, что основатель Аморийской династии начинал службу в турме федератов (φοιδεράτοι) фемы Анатолик. При Льве V он был domestikом схол и domestikом экскувитов³³⁷. Понимая важность регулярных войск, необходимых как для проведения крупных наступательных операций, так и скоротечных рейдов на терри-

торию противника, он сохранил все четыре императорские тагмы. Михаил Аморийский стал первым за длительное время византийским императором, который не проводил сокращения численности войск. Не был расформирован даже отряд личной охраны Льва V, который состоял из македонцев и назывался этерия (ἐταίρειά)³³⁸.

Подводя итоги короткого, но чрезвычайно насыщенного событиями периода 775–820 гг., необходимо отметить ряд важных моментов. Прежде всего, укажем, что отступление от традиционной военной политики Исавров привело к крайне негативным последствиям. Ликвидация мобильной армии Константина V разбалансировала военно-административную систему империи. В данном случае совершенно неважно, по какой причине (политической, финансовой или религиозной)³³⁹ правящая придворно-бюрократическая группировка решилась на расформирование самых боеспособных воинских контингентов. После 786 г. оборонительные и наступательные операции вынуждены были вести ополчения пяти восточных фем. Необходимо также учитывать, что одна из них (Опсикий) находилась в стадии реорганизации, а у остальных были изъяты регулярные кавалерийские части. В условиях одновременной войны на двух направлениях (против арабов и болгар) подобная задача оказалась для малоазийских фем невыполнимой. В итоге в конце VIII – начале IX в. Византия потерпела целый ряд унижительных поражений, понесла большие человеческие и материальные потери, утратила значительные территории³⁴⁰. Непродуманная военная политика императрицы Ирины, Константина VI и особенно Никифора I вернула империю к состоянию, в котором она находилась во время «двадцатилетия хаоса».

Вынужденное возвращение Византии к оборонительной стратегии привело к кардинальным изменениям фемных структур на Балканах. Постоянное привлечение контингентов малоазийских фем для отражения болгарских набегов стало весьма проблематичным. Окончательное прекращение подобной практики наблюдается после восстания Фомы Славянина (821–825), которое обернулось для восточных фем подлинной катастрофой, сопряженной с огромными человеческими жертвами³⁴¹. С 20-х гг. IX в. балканским фемам приходилось рассчитывать только на свои силы. Для повышения эффективности обороны на За-

паде были созданы новые фемы: Македония (между 799 и 802 гг.) и Пелопоннес (812). В первой половине 20-х гг. IX в. в источниках появляются первые упоминания о друнгариях Фессалоники и клисурархах Стримона³⁴².

Структура столичных регулярных войск также окончательно сложилась при императорах Аморийской династии. В «Тактиконе Успенского» упоминаются доместики и топотиристы всех четырех императорских тагм³⁴³, а также впервые – хартуларии тагм (οἱ χαρτουλάριοι τῶν ταγμάτων)³⁴⁴. Следует также отметить, что ко времени правления императора Феофила (829–842) относятся свидетельства об участии тагм в торжественных церемониях, а также привлечении схоляриев и экскувитов к охране императорского дворца. Это не означает, что βασιλικὰ τάγματα превратились в 30-е гг. IX в. в некий аналог *scholae palatinae*. Они оставались регулярными боевыми частями, отборными кавалерийскими формированиями императорской армии. Однако они принимали участие только в крупных военных походах, образуя единое войско с фемными контингентами. Нет никаких оснований считать эти «походные войска» середины – второй половины IX в. аналогом мобильной армии 70-х гг. VIII в. Для того, чтобы возродить данную структуру, необходимы были, как минимум, большие финансовые ресурсы и военачальник масштаба Константина V.

ГЛАВА 3

ВИЗАНТИЙСКАЯ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА В СЕРЕДИНЕ VIII – СЕРЕДИНЕ IX В.: ПЕРИОД «КЛАССИЧЕСКОЙ» ФЕМЫ

В историографии время с середины VII до середины X в. принято называть периодом «фемного строя». Обозначить более точные временные рамки не представляется возможным, так как единой концепции развития византийской военно-административной системы в исследовательской литературе до настоящего времени не выработано. Начало «фемной эпохи», как правило, связывают с образованием первых фем (Анатолик, Армениак, Опсикий, Фракия), а ее завершение – с военными преобразованиями императоров Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия.

По нашему мнению, в историографии длительное время целенаправленно создавался образ «идеальной» византийской фемы. Объединяя данные источников разного времени, Г. Гельцер, Ф. И. Успенский, Дж. Бьюри, Ш. Диль, Г. А. Острогорский и другие исследователи стремились доказать, что в середине VIII – середине X в. фема представляла собой хорошо организованный военный отряд, укомплектованный необходимым числом архонтов и рядовых стратиотов. Эффективная военно-территориальная система позволяла в короткий срок мобилизовать военные ресурсы фемы и приступить к выполнению боевой задачи. Значительную роль в поддержании эффективности провинциальных ополчений играли должностные лица гражданской администрации. Они не только занимались снабжением и материальным обеспечением стратиготских отрядов, но и выполняли различные контрольные и распорядительные функции. Протонотарии, хартуларии, а с начала X в. фемные

судьи освободили стратига от необходимости заниматься вопросами гражданского управления. При формальном сохранении принципа единоначалия стратиг мог в полной мере сосредоточиться на исполнении своих основных обязанностей, связанных с командованием военными силами фемы¹.

Вне всякого сомнения, на историков конца XIX – первой половины XX в. оказывали влияние современные им процессы: переход к массовым армиям, введение всеобщей воинской обязанности, формирование военных округов и т. д. Именно этим можно объяснить постоянное использование в трудах по истории византийского государства военной терминологии времен Первой мировой войны («армейский корпус», «военный округ», «конно-пеший полк», «батальон», «эскадрон»). Массовое привлечение на военную службу крестьянства, характерное для «национальных армий» первой половины XX в., также интерполировалось на византийские реалии VIII–X вв.

В этой связи следует упомянуть проект реформирования греческой армии, предложенный в 1930-е гг. Н. Каломенопулосом. Греческий военный историк и публицист предлагал действовать, исходя из «великого византийского военного опыта». По его мнению, необходимо было создать вооруженные силы, основанные на всеобщей воинской обязанности. Такая армия, состоящая из патристически настроенных «граждан-стратиотов», была способна не только защитить страну, но и вернуть «исконные земли эллинов»². Отметим также, Н. Каломенопулос не призывал реанимировать организационные структуры императорской армии тысячелетней давности, речь шла исключительно о переходе к новому способу комплектования войск, по образцу «византийского ополчения».

При изучении «внутреннего устройства» византийских фем исследователи рубежа XIX–XX вв. опирались на разрозненные свидетельства исторических хроник, данные «Книги церемоний» Константина Багрянородного, военно-теоретическое сочинение «Тактика Льва». Помимо этого, ценные сведения о вооруженных силах Византии, включающие перечни фем, укрепленных городов и крепостей, содержались

в арабских географических сочинениях IX–X вв. (ал-Джарми, Ибн Хордадбех, Кудама ибн Джафар, Ибн ал-Факих)³. Агиографические, эпистолографические и сфрагистические источники на раннем этапе исследования византийской «фемной системы» использовались в недостаточной степени.

В 1898 г. Ф. И. Успенским был опубликован небольшой текст, происходивший из Иерусалимской патриаршей библиотеки⁴. Первоначально русский византист не оценил важности этого источника для изучения военно-административной истории Византии. Он констатировал: «Византийская табель о рангах представляет собой перечень чинов и должностей, значение которых большей частью остается не ясным»⁵. Ф. И. Успенский сравнил содержание опубликованной им «табели о рангах» с давно известным текстом – «Клеторологием» Филофея, входившим в «Книгу церемоний» Константина Багрянородного⁶. Через несколько лет российским исследователем В. Н. Бенешевичем был издан еще один текст, в котором также содержались списки византийских должностей и придворных титулов⁷.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. была выделена особая группа документальных источников, получивших название тактиканы (такτικά, *notitias*). В современной историографии «Тактикон Успенского», «Клеторология» Филофея и «Тактикон Бенешевича» расцениваются не только как списки титулов, должностей, почетных чинов, служб или функций. Прежде всего, эти тексты предоставляют возможность подробно охарактеризовать состояние административной системы империи в определенный период времени. Кроме того, большинство византийских титулов (ἄξια, ἄξια διὰ βραβείου) и должностей (ἄξια διὰ λόγου) VIII–XI вв. в настоящее время хорошо изучены⁸.

Наибольший интерес для исследуемой нами проблемы представляет «Тактикон Успенского», самая ранняя по времени составления византийская такτικά. Датировка источника 842/843 г. основана на упоминании в тексте стратига Крита⁹. Известно, что в начале правления Михаила III (842–867) остров был на несколько месяцев отвоеван

у арабов. Именно в непродолжительный период существования фемы на Крите и был составлен тактикон¹⁰.

Уникальность «Тактикаона Успенского» состоит в том, что он точно отражает структуру византийской армии и провинциальной администрации в 842/843 г. В тексте упоминаются стратеги 20 фем. По сути, этот перечень позволяет оценить масштабы длительных военно-административных преобразований, проходивших с середины VII в. Список стратигов составлен в соответствии с исторически сложившейся иерархией. Положение фемы зависело от нескольких факторов, но наиболее важным из них являлся численный состав воинских контингентов провинции.

Наиболее высокие места в списке занимали стратеги малоазийских фем Анатолик, Армениак, Фракисий и Опсикий, в подчинении которых находилось от 8 до 12 тыс. воинов¹¹. Последними в перечне упоминаются стратеги Фессалоники, Диррахия и Климатов (Херсона)¹². Несмотря на то, что эти фемы были сформированы незадолго до составления «Тактикаона Успенского», об их военном потенциале в 20–30-е гг. IX в. можно говорить только предположительно. Например, Херсон неоднократно упоминается в источниках как место ссылки государственных преступников. По этой причине в VII–VIII вв. в городе должен был находиться постоянный гарнизон, но его численность неизвестна¹³.

В исследованиях по истории «фемной системы» византинисты наиболее часто обращались к истории малоазийских фем, формирование которых началось еще во второй половине VII в. Следовательно, ко времени составления «Тактикаона Успенского» фемы Анатолик, Армениак и Опсикий существовали уже более 150 лет. В первой половине VIII – начале IX в. от них несколько раз отделялись значительные территории, на которых формировались новые фемы: Кивирреоты, Фракисий, Вукелларий, Оптиматы, Пафлагония¹⁴. Разделение «старых» фем в Малой Азии было вызвано не только внутривосточными причинами (угроза императорской власти со стороны стратигов τὰ περσικὰ θέματα). Не менее важным являлся военно-организационный фактор. Например, создание фем Фракисий и Кивирреоты потребовалось для обо-

роны южного и западного побережья Малой Азии от арабских нападений с моря.

В исследовательских работах конца XIX – начала XX в. первые малоазийские фемы характеризовались как образцовые военно-административные структуры. На протяжении длительного времени иррегулярные ополчения этих провинций являлись основой вооруженных сил Византии. Обязанность военной службы была возложена на стратиотов (στρατιώτης), многочисленную группу свободного земледельческого населения¹⁵. Крестьяне-общинники, приписанные к «стратиотскому сословию», должны были владеть имуществом определенной стоимости (земельный участок, хозяйственные постройки и пр.). Со стороны государства был установлен жесткий контроль за земельными наделами стратиотов (στρατιωτικὰ κτήματα, στρατιά). Специальные чиновники, служившие в столичной логофесии стратиотиков, вели учет недвижимого имущества солдат фемных контингентов. Они также составляли στρατιωτικοὺς καταλόγους («стратиотские каталоги»), которые велись в каждой феме и в империи в целом¹⁶.

Στρατιωτικὰ κτήματα не были освобождены от прямого налогообложения, как и прочие земельные владения в Византии. Однако государство предоставляло стратиотам освобождение от косвенных налогов, многочисленные льготы и привилегии. В мирное время военнообязанные крестьяне занимались ведением своего хозяйства. Во время войны они должны были безотлагательно явиться в указанное для сбора фемного ополчения место. Вооружение, доспехи, амуницию, лошадей и запас продовольствия на время похода стратиоты приобретали за свой счет. После завершения военной кампании фемные контингенты распускались, стратиоты возвращались в свои общины¹⁷.

В VIII–X вв. ополчения фем представляли собой отдельные боевые единицы, предназначенные для самостоятельного ведения боевых действий¹⁸. В частности, они могли отразить грабительский набег на пограничные области Византии или же, напротив, сами совершить нападение на вражескую территорию. Для ведения более масштабных наступательных или оборонительных военных действий несколько фем

объединялись, составляя внушительную силу¹⁹. В источниках упоминается, что ополчения разных провинций насчитывали от 2 до 12 тыс. стратиотов²⁰. Общая численность фемных контингентов во второй половине VIII – начале IX в. достигала 120 тыс. человек²¹.

По утверждению Феофана, во время похода «пяти стратигов» на Германикею в 777/778 г. объединенное войско Анатолика, Фракисия, Армениака, Опсикия и Вукеллария состояло из 100 тыс. воинов²². В восточных исторических текстах также сохранились упоминания об «огромных армиях греков», опустошавших Северную Сирию. Чтобы противостоять столь крупным силам противника, арабам приходилось не только собирать ополчения сирийских и месопотамских племен, но также привлекать регулярную кавалерию Халифата (μαυροφόρων) и отряды наемников из Северной Африки и Ирана²³.

В исследовательской литературе отмечалось, что 70–80-е гг. VIII в. следует считать временем наивысшего расцвета фемных войск. Увеличение численности и боеспособности стратиотских формирований стало закономерным итогом военной политики императоров Льва III, Константина V и Льва IV²⁴. Византийская стратегия этого времени предусматривала участие фем преимущественно в оборонительных действиях. Однако при необходимости стратиотские ополчения могли выступить в поход на вражескую территорию, действуя как вспомогательные силы для регулярной полевой армии.

Действительно, в 70–80-е гг. VIII в. боевая эффективность фемных ополчений была высока. Крупные арабские экспедиции 778/779 и 779/780 гг. закончились неудачно, а в 782 г. войско Харун ар-Рашида избежало полного уничтожения только благодаря удачному стечению обстоятельств²⁵. Несмотря на то, что мусульмане доходили в эти годы до Хрисополя и Дорилея (совр. Eskişehir), им не удавалось, как в предыдущее время, захватывать множество пленных и богатую добычу. Более того, арабские войска постоянно испытывали трудности со снабжением. По сути, начиная поход на территорию империи, военачальники Халифата больше думали не о военных действиях, а о том, как им прокормить свои многотысячные армии. Известно также, что в конце VIII –

первой половине IX в. арабы несли большие потери от голода и постоянных нападений небольших византийских отрядов при отступлении к границе²⁶.

Помимо воинского формирования, византийская фема являлась также административно-территориальной единицей. Высшим должностным лицом фемы являлся стратиг (στρατηγός)²⁷, который назначался или отстранялся от службы личным распоряжением императора. Властные полномочия стратига не подтверждались какими-либо официальными документами. Как правило, назначение на должность происходило во время личной встречи устным распоряжением василевса (ἀξία διὰ λόγου, «словом»). С этого момента военачальник становился ἐκ προοώπου («заместителем») императора, получал право командовать войсками и распоряжаться гражданскими делами на вверенной ему территории²⁸.

Следует отметить, что не сохранилось ни одного византийского текста IX–X вв., в котором были бы подробно перечислены обязанности правителя фемы. Например, в «Тактике Льва» о военных и гражданских функциях стратига говорится кратко. Гораздо большее место занимают наставления о том, как глава фемы должен вести себя с подчиненными, какими личными качествами ему необходимо обладать и пр.²⁹ Из других источников известно, что стратиги подчинялись только императору, отчитывались перед ним, а также несли персональную ответственность за свои действия. В византийской иерархической системе правители фем занимали очень высокое положение. Для большинства профессиональных военных должность стратига являлась вершиной служебной карьеры и, по сути, единственной возможностью получить высшие придворные титулы (протоспафарий, патрикий, магистр)³⁰.

В VIII–IX вв. территория византийских фем делилась на турмы. Это были крупные административные единицы, границы которых зачастую совпадали со старыми ранневизантийскими провинциями (ἐπαρχία) или историческими областями³¹. Учитывая природно-климатические условия Малой Азии и Балканского полуострова, чаще всего турма (τούρμα) представляла собой локальный район (равнина,

долина реки, связанная система горных долин). Административные центры турм располагались в укрепленных городах или крепостях, выполнявших, помимо прочего, функцию обороны расположенных вокруг них сельских районов. В составе фемы могло быть от двух до четырех турм, в зависимости от величины провинции и численности ее населения. Во главе турмы стоял *τουρμάρχης*, обязанности которого были исключительно военными, к гражданскому управлению эти должностные лица отношения не имели³². Известно также, что если стратиг по каким-либо причинам не мог выполнять свои обязанности, фема переходила под командование турмарха, имевшего наиболее высокий придворный титул. До назначения императором нового стратига он занимал должность *ἐκ προσώπου τῶν θεμάτων* (*ἐκ προσώπου τῶν στρατηγῶν*)³³.

Вопросы, связанные с историей отдельных турм, в историографии почти не рассматривались. Исключение составляют турмы, на территории которых впоследствии были сформированы новые фемы. В качестве примера можно привести исследование немецкого византиста Р.-И. Лили по истории фемы Фракисий, которая первоначально являлась турмой фемы Анатолик³⁴. Между тем есть основания считать, что специальное исследование данных военно-административных единиц позволит внести ясность в некоторые дискуссионные вопросы, связанные с историей византийской «фемной системы».

Термин *τούρμα* (= *ala*) упоминается в позднеантичных источниках для обозначения небольшого кавалерийского подразделения. В военных трактатах ранневизантийского времени этот тактический термин равнозначен тагме (*τάγμα*) или банде (*βάνδον*)³⁵. В отличие от кавалерийских отрядов (турм), их командиры (турмархи) упоминаются в нарративных текстах крайне редко. По сути, единственным примером является эпизод из «Хронографии» Феофана, посвященный походу императора Ираклия против персов в 627/628 г. Хронист дважды упоминает об участии в этой военной кампании отряда армянской кавалерии под командованием турмарха Георгия³⁶.

Печатей турмархов, которые датируются VII–VIII вв., опубликовано достаточно много. Наиболее ранней из них, вероятно, следует счи-

тать буллу, принадлежавшую турмарху Феодору³⁷. Упомянем также моллидовулы: Дамиана, императорского спафария и турмарха³⁸; Андрея, императорского стратора и турмарха³⁹. Следует обратить внимание, что в легендах этих печатей не упоминаются названия турм, которыми командовали Феодор, Дамиан и Андрей. Наиболее вероятно, что данные сфрагистические памятники относятся ко времени, когда размещение фемных войск на территории Византии еще не было завершено. В группировках войск (фемах) существовали отдельные подразделения (турмы), но они не были прочно связаны с какими-либо районами.

Данные сфрагистики позволяют утверждать, что формирование турм, как административно-территориальных единиц, произошло не ранее середины VIII в. На Балканах данный процесс был связан с войнами Константина V против Болгарии, когда одновременно с походами на территорию противника создавались военно-административные структуры фемы Фракия. В связи с этим следует упомянуть печать Ставракия, императорского спафария и турмарха Визии⁴⁰, и анонимную буллу императорского спафария и турмарха Созополя⁴¹.

В Малой Азии процесс формирования турм также занял длительное время. Например, на востоке фемы Армениак в VIII – первой половине IX в. была создана турма Дазимон. Опубликованы печати ее турмархов: императорских спафариюв Льва⁴² и Варды⁴³. Со второй половины IX в. значение Дазимона увеличилось из-за активизации византийской внешней политики на Востоке. В итоге на территории вокруг Дазимона и расположенной поблизости от него крепости Докея была сформирована аплекта. До 60–70-х гг. X в. здесь размещались большие запасы продовольствия и материальных ресурсов, а также происходил сбор армейских сил для проведения военных кампаний в Закавказье и Месопотамии⁴⁴.

Противоречивые данные письменных источников зачастую не позволяют определить количество турм даже в составе крупных малоазийских фем. Административно-территориальная структура большинства из них является предметом полемики в исследовательской литературе. В феме Кивирреоты, например, число турм уменьшилось

в 30-е гг. IX в. из-за выделения восточной части провинции в особую военно-административную единицу (клисуре Селевкия)⁴⁵. Еще две турмы Кивирреотов известны по опубликованным печатям: Льва, императорского кандидата и турмарха Силиона⁴⁶; Михаила, императорского спафария и турмарха Памфилии⁴⁷.

Следует также упомянуть дискуссию о «внутреннем устройстве» фемы Фракисий в середине VIII – IX в. По мнению К. Фосса, административным центром провинции являлся Эфес. В этом городе постоянно находился один из турмархов, а также размещались гражданские структуры управления фемы. Центры еще двух турм и резиденция стратига Фракисия располагались в крепостях Хоны и Лаодикея, близ границы с фемой Анатолик⁴⁸. С точкой зрения американского археолога не согласился У. Тредголд, по мнению которого военная и гражданская администрация Фракисия размещалась в Хонах, так как Эфес постоянно находился под угрозой арабских нападений с моря⁴⁹.

По нашему мнению, обе точки зрения являются спорными. Не следует забывать, что турмы являлись, прежде всего, территориями, на которых находились стратиотские общины. Большая часть сельского населения Фракисия проживала на плодородных землях Пергамской равнины и в нижнем течении р. Меандр, здесь же были расположены основные районы «стратиотского землевладения». Подтверждением этому является моливдовул с надписью: Θεοτόκε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Ἀνθῇ βασιλικῷ σπαθαρίῳ καὶ τουρμάρχη Ἀδραμυτίῳ («Богоматерь, помоги своему рабу Анфу, императорскому спафарию и турмарху Адрамитию»)⁵⁰. Данная печать доказывает, что центр одной из турм Фракисия располагался на плодородной равнине на севере фемы. Напротив, размещение каких-либо военно-административных структур в отдаленных горных районах (Хоны, Лаодикея) сфрагистическими данными не подтверждается.

Наименьшей административной единицей фемы являлась банда (βάινδον) – сельский район, состоявший из нескольких стратиотских общин. Турма подразделялась на банды, число которых составляло от двух до пяти. На территории банды могли находиться укрепленные

пункты или другие стратегически важные объекты (горный перевал, развилка дорог, мост, речной брод), но за их оборону отвечали стратиги фем. Бандой командовал друнгарий (δρουγγάριος). При получении приказа о сборе фемного ополчения друнгарий должен был немедленно собрать стратиотов из подчиненных ему общин и вместе с ними явиться к турмарху⁵¹. Отряды турм собирались вместе и переходили под командование стратига. Таким образом, территориальная структура фемы позволяла быстро собрать стратиотские контингенты и выступить в поход⁵².

На месте сбора ополчение фемы вновь разделялось, но уже не по территориальному принципу, а по «родам войск»⁵³. Отдельно формировались отряды кавалерии, тяжелой и легкой пехоты, обозная команда⁵⁴. Отряд, составленный из одинаково вооруженных воинов, назывался мера, командовал им мерарх (μέρος, μεράρχης). Мера делилась на миры (μοῖρα), а те на более мелкие подразделения: κένταρχία, πενταρχία, δεκαρχία (сотни, полусотни, десятки). Постоянных командиров, в обязанности которых входило бы руководство мерами или мирами, в феме не было. Поэтому на время похода командование мерами поручалось турмархам (τουρμάρχες = μεράρχης), а мирами – друнгариям (δρουγγάριος = μοιράρχης, κόμητες, δρουγγαροκόμητες). Небольшие отряды, входившие в состав мир, возглавляли кентархи, пентархи, декархи (κένταρχος, πεντάρχης, δεκάρχης). Судя по наименованиям должностей, под командованием кентарха должно было находиться 100 воинов, пентарха – 50, а декарха – 10⁵⁵.

В «Тактике Льва» упоминаются также контубернии, небольшие подразделения (от 5 до 16 человек), состоящие из стратиотов одной общины («братьев, друзей и родственников, старых и молодых»)⁵⁶. В реальной боевой обстановке декарх командовал одной контубернией, а кентарх – десятью. После окончания военных действий все командиры, за исключением стратига, лишались полномочий. Турмархи и друнгарии возвращались к исполнению своих обязанностей, а все остальные, как и рядовые стратиоты, в свои общины⁵⁷.

В походе стратига фемы сопровождала многочисленная свита (τοῦ στρατηγοῦ προέλευσις)⁵⁸. По мнению Н. Икономидиса, данный термин появился в источниках IX в. по аналогии с προελευσιμαῖοι императора (προέλευσις, «свита»)⁵⁹. Список проелевсимов, сопровождавших в военном походе стратигов Анатолика и Армениака, приводится в трактате Филофея и включает: κόμης τῆς κόρτης, χαρτουλάριος τοῦ θέματος, δομέστικός τοῦ θέματος, δρουγγάριος τῶν βάνδων, κόμητες ὁμοίως, κένταρχος τῶν σπαθαρίων, κόμης τῆς ἐταιρείας, πρωτοκαγκελλάριος, πρωτομανδάτωρ, μανδάτωρες⁶⁰.

Длительное время в историографии преобладало мнение, согласно которому в «Клеторологии» Филофея перечислены служащие «штаба фемы». Дж. Бьюри и его последователи считали, что «канцелярией стратига» руководил κόμης τῆς κόρτης, а остальные командиры служили при «штабе» помощниками, адъютантами или курьерами⁶¹. Однако в исследованиях последнего времени, посвященных должностным лицам из προέλευσις стратига, данная концепция была опровергнута⁶².

В частности, было установлено, что протоканкелларий (πρωτοκαγκελλάριος) во время похода отвечал за поддержание порядка в лагере фемного войска⁶³. Мандаторы, действительно, были курьерами, а протомандатор — их начальником (μανδάτωρες, πρωτομανδάτωρ)⁶⁴. В командной иерархии статус этих должностных лиц был крайне низким. Опубликовано значительное число печатей мандаторов и протомандаторов. Однако в легендах моливдовулов, как правило, не указывались титул и место службы владельцев⁶⁵. Редким исключением является печать Давида, протомандатора и ἐκ προσώπου Фракии (?), опубликованная К. М. Константинопулосом. Издатель указывал, что прочтение названия фемы предположительное. Кроме того, назначение протомандатора, не имевшего даже придворного титула, «заместителем» стратига крупнейшей балканской фемы вызывает обоснованные сомнения⁶⁶.

Особо следует упомянуть о протомандаторе фемы Анатолик Карвее (Καρβέας). В начале 40-х гг. IX в. он служил стратигу Феодоту Мелиссину, но впоследствии бежал к арабам. В хрониках Продолжателя Феофана и Иосифа Генесия упоминается о значительной роли, которую

Карвей сыграл в формировании движения павликиан, первым предводителем которых он являлся⁶⁷.

Обязанности «комита палатки» (κόμης τῆς κόρτης) были весьма далеки от канцелярской работы. Этот командир отвечал за дозорную службу и охрану лагеря фемы во время похода. Как правило, на данный пост назначались архонты, имевшие значительный опыт участия в военных кампаниях, пользовавшиеся доверием стратига и уважением солдат⁶⁸. Несколько κόμης τῆς κόρτης известны по данным сфрагистики. В качестве примера приведем печати Константина, императорского стратора и κόμητι τῆς κόρτης Опсикия⁶⁹, и Никифора, императорского спафария и κόμητι κόρτης Вукеллария⁷⁰. Оба указанных моливдовула грубой провинциальной работы, с грамматическими ошибками в надписях.

Существует единственное свидетельство, на основании которого можно предположить, что κόμης τῆς κόρτης были не только в фемах, но и в турмах. Речь идет о раннем этапе карьеры будущего императора Михаила Аморийского, когда он служил «комитом палатки» в турме федератов⁷¹. К сожалению, о статусе этого «элитного» воинского формирования в начале IX в. в источниках не сообщается. Несомненно, что отряд оставался регулярным, но у кого он находился в подчинении – у императора или стратига Анатолика – неизвестно⁷².

Значительный интерес для изучения военной структуры византийских фем VIII – первой половины IX в. представляют следующие должностные лица из свиты стратига: δομέστικός τοῦ θέματος, δρουγγάριος τῶν βάνδων, κόμητες ὁμοίως, κένταρχος τῶν σπαθαρίων и κόμης τῆς ἐταιρείας.

В современной историографии преобладает мнение, что все эти командиры служили в отряде регулярных войск, который назывался τάγμα. Специальное исследование провинциальных тагм было проведено М. Григориу-Иоанниду⁷³. По мнению греческой исследовательницы, первоначально организационная структура τάγμα λαός была сходной с vexillatio позднеримского времени. В малоазийских фемах существование небольших регулярных подразделений (от 200 до 800 стра-

тиотов) прослеживается с середины VII в., причем для их обозначения в источниках использовались различные термины (κατάλογος, ἀριθμός, τάγμας).

М. Григориу-Иоанниду утверждает, что дальнейшее развитие регулярных фемных подразделений происходило по двум направлениям. В больших малоазийских фемах (Опсикий, Анатолик, Армениак) из профессиональных воинов формировались кавалерийские отряды, находившиеся под личным командованием стратига. Они составляли отборную часть фемного войска, значительно превосходя по уровню подготовки призванных на время военной кампании ополченцев. Воины провинциальной тагмы (ταξατιών) назывались таксаты или таксеоты (ταξᾶτοι, ταξεῶται). Во второй половине VIII в. большая часть этих подразделений была включена Константином V в состав мобильной армии⁷⁴. В IX – первой половине X в. провинциальные тагмы продолжали существовать, причем их численность увеличивалась за счет приема добровольцев. В источниках этого времени упоминаются тагмы Армениака, Македонии, Харсианона (τάγμα τῶν Ἀρμενιάκων, τάγματα τῆς Μακεδονίας, τάγματα τοῦ Χαρσιανοῦ)⁷⁵.

Помимо регулярных кавалерийских отрядов, в византийских фемах существовали также постоянные пехотные формирования. В источниках они обозначаются термином τάξις (ταξιαρχία), из них формировались гарнизоны крепостей. Учитывая большое количество укрепленных пунктов, в которых требовались постоянные гарнизоны, к регулярным контингентам добавляли стратиотские отряды, отбывавшие παρὰ χειμάδιον («зимнюю повинность»). Однако боеспособность и благонадежность смешанных отрядов была невысокой. В связи с этим во второй половине IX в. гарнизоны важнейших крепостей были укомплектованы исключительно профессиональными воинами под командованием таксиархов (ταξιαρχής)⁷⁶.

Учитывая постоянный характер службы, рядовые воины и командиры ταξατιών получали из казны жалование (σιτηρέσια). Вопрос о снабжении провинциальных тагм вооружением, лошадьми и другим необходимым военным имуществом остается дискуссионным. Более

того, современное состояние источников не позволяет установить, какое столичное ведомство отвечало за их материальное обеспечение⁷⁷.

Тагмой командовал domestik фемы, друнгари и комиты банд служили в ней младшими командирами, а кентарх спафариев и комит этерии руководили личными телохранителями стратига⁷⁸. Происхождение данных должностей относится, по всей видимости, ко второй половине VII в. В условиях крайней политической нестабильности стратиги фем создавали отряды охраны из родственников и лично преданных воинов. В «Хронографии» Феофана упоминается об отряде из 200 ταξάτους, которые служили стратигу Анатолика Льву Исавру, будущему императору. Во время осады арабами Амория в 716/717 г. в городе было недостаточно войск. Обманув противника, Лев Исавр сначала отправил в Аморий своих телохранителей под командованием τὸν δομέστικον τῶν στρατῶρων («доместика страторов»), а потом отряд из 800 кавалеристов из Никеи во главе с турмархом. В итоге этих сил оказалось достаточно, чтобы защитить административный центр фемы Анатолик⁷⁹.

Можно предположить, что в правление Льва III или Константина V отряды личных телохранителей стратигов были численно увеличены и стали неотъемлемой частью воинских контингентов фемы. Во второй половине VIII – IX в. провинциальные тагмы относились к числу мобильных кавалерийских формирований. Например, в хронике Симеона Логофета упоминается, что в начале правления Михаила III болгары в течение нескольких лет опустошали Фракию и Македонию. В 847 г. императрица Феодора отправила для поддержки фемных контингентов подкрепление из восточных фем. Отряды таксатов (ταξάται) разместились в приграничных городах, откуда начали совершать опустошительные набеги на болгарскую территорию⁸⁰.

Опубликовано несколько печатей domestikов фем. Наиболее ранняя из них принадлежала Феофилу, domestikу Вукеллария⁸¹. Упомянем также моливдовулы Василия, domestika Анатолика и Льва, императорского спафария и domestika Фракисия⁸². Следует обратить внимание, что в легендах печатей δομέστικός τοῦ θέματος всегда присутствует название фем, где они несли службу.

Судя по «Клеторологии» Филофея, в свиту стратига входили также гражданские чиновники – протонотарий фемы (πρωτονοτάριος τοῦ θέματος) и хартуларий фемы (χαρτουλάριος τοῦ θέματος). В историографии конца XIX – середины XX в. роль этих должностных лиц в провинциальном управлении неоправданно преувеличивалась. Ф. И. Успенский писал: «На первом месте следует назвать важный чин в фемной организации, который не подведомственен стратигу, но без которого фема – военный отряд не может исполнять своего назначения. Это протонотарий фемы»⁸³. Вслед за русским византинистом институт фемных протонотариев исследовал Дж. Бьюри, который определил круг обязанностей этих чиновников. По его мнению, функции πρωτονοτάριος τοῦ θέματος состояли в снабжении стратиотов всеми необходимыми ресурсами, создании продовольственных и других материальных запасов. Опираясь на данные «Книги церемоний», английский исследователь утверждал, что πρωτονοτάριος τοῦ θέματος подчинялся не стратигу фемы, а логофету сакеллы (главе государственного казначейства)⁸⁴.

В исследованиях последних десятилетий вопрос о должностных обязанностях и подчиненности протонотария фемы был пересмотрен. Было установлено, что он не являлся «главой гражданской администрации фемы». Эти чиновники никогда не принимали участия в военных походах. Они были обязаны постоянно находиться на территории фемы и, при необходимости, снабжать продовольствием проходящие через ее территорию войска. Протонотарий непосредственно подчинялся стратигу, а также отчитывался перед главами столичных ведомств императорских имуществ (идика) и сакеллы⁸⁵.

Обязанности хартулария фемы состояли в ведении стратиотского каталога (στρατιωτικὸς καταλόγους), учете имущества стратиотов, контроле за всеми юридическими сделками с этим имуществом. Харτουλάριος τοῦ θέματος подчинялся стратигу, но обязан был докладывать о состоянии дел в провинции логофету стратиотиков (λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ), главе столичного «военного ведомства»⁸⁶.

В источниках VIII–X вв. командный состав фемных контингентов обозначается, как правило, термином οἱ ἄρχοντες. Примечательно, что архонтами называли также зажиточных стратиотов⁸⁷. Их число достигало в фемном ополчении одной трети личного состава, подразделялись архонты на «высших» (стратиг, турмархи, друнгарии)⁸⁸ и «низших» (кентархи, декархи, пентархи). Младшие и средние командиры фемных контингентов занимали свои посты временно, на период военных походов. Формально они не должны были получать вознаграждение за службу, но могли рассчитывать на долю захваченной у противника добычи (вооружение, скот, продовольствие). Тем не менее, в источниках неоднократно упоминается о денежных выплатах (τὰ βασιλικὰ σιτηρέσια) архонтам и рядовым стратиотам до начала военной кампании.

Например, в хронике Феофана содержится рассказ о том, что в Страстную неделю 809 г. болгары хана Крума напали на византийский лагерь у р. Стримон, где находились войска стратига Македонии. Не ожидавшие нападения греки были разгромлены, а противнику досталась богатейшая добыча – 1 100 литр руги для западных фем, привезенной накануне из Константинополя. Феофан писал также, что среди погибших были многие командиры из других фем и крепостей, которые приехали за положенными им деньгами⁸⁹. По подсчетам У. Тредголда, захваченных болгарами денег должно было хватить на выплату вознаграждения 12 тыс. солдат и командиров⁹⁰.

Стратиги, турмархи и друнгарии находились на постоянной государственной службе. Они получали регулярные выплаты за должность (ἀξία διὰ λόγου) и титул (ἀξία διὰ βραβείου). Должностное жалование (ὀψώνιον, σιτηρέσια) длительное время выдавалось в натуральной форме, но с середины IX в. опсоний стал выплачиваться деньгами⁹¹. Кроме этого, один раз в год армейские и фемные командиры получали плату за титул (ρόγα). Руга являлась основным источником дохода для стратигов, турмархов и друнгариев. Они продолжали получать ее даже после ухода в отставку, так как титулы давались пожизненно, а не на время службы. В отличие от гражданских должност-

ных лиц, в VIII–IX вв. военные крайне редко покупали титулы. Они получали их за военные заслуги⁹².

Для получения ἀξιωμα гражданский чиновник вносил в личную императорскую казну (εἰδικόν) определенную сумму. Эти деньги вкладывались ведомством императорских имуществ в наиболее доходные сферы хозяйства (например, в производство и торговлю шелковыми тканями). Годовой процент от внесенной суммы составлял титулярную ругу⁹³. Военные также получали ежегодные выплаты, равные годовому проценту у гражданских чиновников одного с ними титулярного ранга⁹⁴.

Приступая к характеристике византийской «фемной системы» в середине VIII – середине IX в., мы подчеркивали особое значение «Тактикаона Успенского» как источника, фиксирующего итоги двухсотлетнего процесса трансформации военно-административных структур Византии. Однако проведенный анализ источников и исследовательской литературы позволяет утверждать, что созданному в историографии образу «классической» фемы из 20 провинций, перечисленных в «Тактиконе Успенского», соответствуют только пять: Анатолик, Фракий, Опский, Вукелларий и Фракия. В остальных фемах, как западных, так и восточных, военно-организационные структуры в значительной степени отличались от искусственно созданного «образца». В «Тактиконе Успенского», помимо стратигов фем, турмархов и командного состава βασιλικὰ τάγματα, упоминаются правители небольших военно-территориальных единиц: дукатов, клисур, катепанатов.

По нашему мнению, заслуживает внимания точка зрения У. Тредголда, согласно которой «Тактикон Успенского» отражал один из промежуточных этапов крупной реорганизации византийских вооруженных сил. Американский исследователь писал, что к началу правления Михаила III империя оправилась от катастрофических поражений в войнах с болгарами и арабами, а также преодолела последствия внутривосточного кризиса 20-х гг. IX в. Созданная императорами Аморийской династии армия была в состоянии вести одновременно несколько войн («flexible army»). Это, в свою очередь, требовало от отдельных компо-

нентов «фемной системы» определенного универсализма, способности вести как оборонительные, так и наступательные действия⁹⁵.

Необходимо отметить, что большинство «малых» военно-административных единиц, упомянутых в «Тактиконе Успенского», имели давнюю историю. Первое упоминание в источниках клисурарха (клизурофилакса) относится к 667/668 г. Феофан и Михаил Сириец писали, что во время восстания стратига Армениака Шапура⁹⁶, которое тот поднял против Константа II, сторону императора принял клисуροφίλακς Арависсоса⁹⁷. Имени византийского военачальника хронисты не упомянули, но отметили его важный вклад в победу над мятежниками.

В связи с событиями конца VII – VIII в. в византийских источниках клисурархи упоминались еще трижды. По словам Феофана, некий Григорий из Каппадокии, бывший клисурарх, а в 695 г. монах и игумен монастыря τῶν Φλώρων, принимал участие в мятеже Леонтия (695–698) против Юстиниана II⁹⁸. Через три года Тиверий II (698–705), свергнувший Леонтия с престола, назначил своего брата Ираклия моностратигом всех кавалерийских фем на границе⁹⁹. В его задачу входила защита от арабов Каппадокии и горных ущелий (клизур)¹⁰⁰.

В июне 781 г. императрица Ирина отправила силы малоазийских фем (τὰ περσικὰ θέματα) для защиты горных проходов (τὰς κλεισούρας) от арабского нападения. Во главе войск она поставила своего доверенного евнуха Иоанна. Феофан писал, что недалеко от Германикеи византийская армия встретила крупные арабские силы. Отважный придворный евнух разгромил мусульман, многие из которых погибли, а остальные бежали с позором¹⁰¹.

Приведенные нами свидетельства не позволяют однозначно утверждать, что во второй половине VII – VIII в. на арабо-византийской границе существовали укрепленные пункты с постоянными гарнизонами, защищавшие горные ущелья (клизура, κλεισούρα). Более обоснованным представляется другое объяснение. Из состава контингентов малоазийских фем ежегодно выделялись кавалерийские отряды, которые

патрулировали приграничную область. В случае появления противника они либо пытались отразить нападение, либо вызывали подкрепления¹⁰².

Клисурархии, как отдельные военно-территориальные единицы в составе восточных фем, появились позже. До начала IX в. единственной клисурой на Востоке, существование которой подтверждается письменными и сфрагистическими источниками, являлась Селевкия¹⁰³. Опубликовано более десятка моливдовулов клисурархов Селевкии. Специальное внимание следует обратить на две буллы одного сфрагистического типа. По всей видимости, они принадлежали одному армейскому командиру по имени Евстафий и отражали разные этапы его карьеры: императорский спафарий и клисурарх Селевкии¹⁰⁴; императорский спафаро-кандидат и клисурарх Селевкии¹⁰⁵.

Значение данного района для обороны византийских владений на Востоке было очень велико. Падение Селевкии не только открывало арабам доступ к Атталии, административному центру фемы Кивирреотов. Беззащитными оставались все южные области Малой Азии, вплоть до Эфеса и Пергама. Арабские авторы IX в. утверждали, что Селевкия находилась под защитой 500 конных и 5 тыс. пеших воинов во главе с патриkiem. Первоначально клисурарх Селевкии подчинялся стратигу Кивирреотов, но в 927 г. император Роман Лакапин распорядился создать в Селевкии самостоятельную фему¹⁰⁶.

Помимо фемных контингентов Кивирреотов и регулярных гарнизонов крепостей, приморский район от Селевкии до Атталии находился под защитой мардаитов (Μαρδαῖται) – одного из наиболее боеспособных моноэтнических формирований византийской армии¹⁰⁷. Они составляли отдельную боевую единицу (τῶν Μαρδαῖτῶν τάγμα) под командованием катепана (τὸν κατεπάνω Μαρδαῖτῶν)¹⁰⁸.

Известно, что мардаиты не ограничивались оборонительными действиями. Они регулярно совершали опустошительные набеги на побережье Сирии. Например, в «Житии св. Антония Нового» упоминается о неудачном арабском нападении на Атталию в 20-е гг. IX в. Примечателен диалог, который состоялся между командиром арабского флота и ἐκ προοῶπου фемы Кивирреотов Иоанном Юхимом¹⁰⁹. Му-

сульманский военачальник объяснил причину нападения: «Вы сами вынуждаете нас делать это, высылая разбойников и грабя все сирийское побережье». Иоанн Юхим ответил ему: «Хотим мы этого или не хотим, но император ромеев повелевает своими архонтами. По его воле мы или отправляем флот, или собираем войско для борьбы с врагами его»¹¹⁰.

Следует отметить, что статус катепанатов в военно-административной системе Византии остается дискуссионным. Часть исследователей считают, что катепанаты VIII – первой половины X в. представляли собой локальные районы, населенные представителями одной этнической группы. Как правило, они сохраняли автономию и характерные для них особенности военной организации¹¹¹. Другая точка зрения основывается на том, что термин «катепан» имел несколько значений, причем не только военных¹¹². Например, в подчинении у стратига Пафлагонии находился катепан Пафлагонии, который командовал флотом этой черноморской фемы¹¹³.

Наибольшие разногласия среди исследователей вызвал вопрос о том, мог ли катепан командовать значительными военными силами. Константин Багрянородный в сочинении «Об управлении империей» писал: «Да будет известно, что *μαστρομίλης* означает на ромейском языке катепан войска»¹¹⁴. Некоторые византинисты посчитали это сравнение анахронизмом (*μαστρομίλης* = *magister militum* = *πατρίκιος*). По нашему мнению, вопрос был решен после публикации печати с надписью: *Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ ... βασιλικῷ σπαθαρίῳ, δουκὶ Καλαβρίας καὶ κατεπάνω τοῦ θεοφυλάκτου στρατοῦ Σικελίας* («Богоматерь, помоги своему рабу... дуке Калабрии и катепану богохранимого войска Сицилии») ¹¹⁵.

Еще одним микроструктурным элементом византийской фемной системы являлись дукаты. В «Тактиконе Успенского» упоминаются дуки Халдии и Калабрии¹¹⁶. В 40-е гг. IX в. постоянная связь этих районов с Константинополем и другими византийскими территориями была возможна только по морю. На крайнем Западе, в Южной Италии и на Сицилии, складывалась крайне тяжелая ситуация. Процесс деградации ви-

зантийских военно-административных структур шел здесь ускоренными темпами и завершился к началу X в. ликвидацией фемы Сицилия¹¹⁷.

На восточных границах Византии, напротив, складывалась более благоприятная военно-политическая обстановка. В 30–40-е гг. IX в. империя и Халифат вели между собой борьбу на пределе военных и финансовых возможностей. В правление халифа Мутасима (833–842) мусульманам удалось разгромить византийские войска в Каппадокии, а затем организовать крупный поход во внутренние районы Малой Азии. Эта экспедиция завершилась захватом Амория, административного центра фемы Анатолик¹¹⁸. Однако закрепиться на захваченной территории арабы не сумели. Начавшийся процесс политической децентрализации Халифата, который усугубился тяжелым финансовым кризисом, вынудил Мутасима отвести войска из Каппадокии¹¹⁹.

На фоне арабских побед достижения византийских войск выглядели скромнее. Они совершали редкие, но чрезвычайно разрушительные нападения на арабскую пограничную область¹²⁰. В 830-е гг. войска Феофила захватили крепость Харсианон, разорили Киликию, а также разрушили города Запетра, Мелитена и Самосата в ал-Джазире¹²¹. В итоге к 842 г. между пограничными крепостями Халифата и передовыми укреплениями Византии образовалась нейтральная территория.

В последующие годы империя сумела установить контроль над некоторыми из этих районов. К сожалению, в официальных исторических хрониках не сохранились подробности формирования византийской военно-административной системы в областях Харсианона, Колонии и Никополя. Документальные источники только фиксировали состояние военно-территориальных структур на тот или иной момент времени. Например, в «Тактиконе Успенского» не упоминается стратегия Каппадокии¹²². Однако в этом же тексте, несколькими строками ниже, перечислены турмархи Каппадокии и клисурарх Харсианона¹²³.

Свидетельства об установлении византийской власти в этих районах сохранились в агиографических сочинениях «Житие св. Евдокима»¹²⁴ и «Сказания о 42 Аморийских мучениках»¹²⁵.

Стратегически важное положение, которое крепость Харсианон занимала на границе фем Каппадокия и Армениак, привлекло интерес правительства в Константинополе¹²⁶. По распоряжению Феофила сюда был отправлен отряд регулярных войск под командованием императорского спафария Евдокима¹²⁷. Обосновавшись на новом месте, заключив союзное соглашение с местными архонтами, Евдоким создал в Харсианоне дукат. После смерти Евдокима (842) в данный регион были направлены дополнительные войска и сформирована клисура, подчиненная стратигу Армениака¹²⁸. Новое изменение статуса данной военно-административной единицы последовало в 873 г., когда в Харсианон был назначен стратиг. Примечательно, что первым правителем новой фемы стал прославленный военачальник Никифор Фока Старший¹²⁹.

Аналогичные процессы происходили в крепостях Колония и Никополь, расположенных восточнее Харсианона¹³⁰. В конце 30 – начале 40-х гг. IX в. власть империи над этим районом была очень слабой и каких-либо устойчивых военно-административных структур еще не существовало. В 838–842 гг. во главе Колонии находился Каллист Мелиссин (Κάλλιστος ὁ Μελισσεινοῦς). Примечательно, что *cursus honorum* Каллиста Мелиссина и св. Евдокима во многом совпадают. Каллист был императорским спафарием, служил комитом в «богохранимой» тагмехол (τοῦ κόμητος Ἀξίαν ἐν τῷ τάγματι τῶν φιλοχρίστων ἐπέχων σχολῶν). Попав в немилость к василевсу, он, тем не менее, получил титул протоспафария и отправился на Восток управлять областью Колонии¹³¹. В агиографических текстах Каллист назван «турмарх и дука», т. е. одновременно он являлся командиром отряда регулярных войск (дука) и возглавлял турму фемы Армениак. По всей видимости, как дуке ему подчинялись постоянные гарнизоны крепостей (Колонии, Никополя и, возможно, Тефрики), а как турмарху – местные стратиоты из окрестных сельских районов.

В 842 г. Каллист Мелиссин был захвачен в плен павликианами из Комахи и выдан арабам. В плену он присоединился к византийским военачальникам, попавшим в руки мусульман после взятия Амория в 838 г. Вместе с ними он принял мученическую смерть 6 марта 845 г. Впоследствии он был канонизирован среди 42 Аморийских мучеников¹³².

Подводя итоги, обозначим основные тенденции развития «фемной системы» к середине IX в. Очевидно, что с момента возникновения она претерпела существенные изменения. В первую очередь, следует говорить о *количественных изменениях*. Число фем постепенно увеличивалось, и с середины IX в. вся территория Византии была разделена на фемы. Со второй половины IX в. во вновь присоединенных к империи областях также создавались фемные структуры. Помимо количественных, для «фемной системы» характерны *качественные изменения*. Первоначально группировки войск (θέμα) не были связаны с какими-либо территориями, но во второй половине VII – начале VIII в. для каждой из них выделили провинции (ἐπαρχία) для постоянного размещения. Впоследствии в этих районах сформировались сначала военные, а затем и гражданские структуры управления.

Во второй половине VII – VIII в. основой вооруженных сил империи являлись стратиотские ополчения малоазийских фем. Созданные для отражения арабских вторжений, они полностью выполнили свою задачу. Уже к середине VIII в. ситуация на восточной границе стабилизировалась, и императорская армия перешла в наступление. Необходимо констатировать, что с этого момента военно-административная система Византии стала усложняться. Непрерывно происходило формирование новых фем, отрядов регулярных войск, временных или постоянных военно-территориальных структур (клизуры, катепанаты, дукаты)¹³³. В итоге достаточно простая организованная система со временем пре-

вратилась в разветвленную и громоздкую, состоящую из множества плохо связанных между собой элементов.

Тем не менее, в развитии византийских вооруженных сил со второй половины IX в. следует выделить две основные тенденции. Первая из них касается «старых» малоазийских фем. Иррегулярные ополчения этих провинций приходят в упадок по мере формирования органов гражданского управления. Жесткий бюрократический контроль вынуждал стратиотов уклоняться от несения военной повинности или переходить на службу в регулярные войска. Последние крупные походы с участием ополчений «старых» фем приходятся на правление Василия I (867–886)¹³⁴.

Одновременно с уменьшением боеспособности и численности ополчений Фракисия, Армениака, Опсикия и Анатолика увеличивается военный потенциал новых военно-территориальных единиц на Востоке. Во второй половине IX – начале X в. некоторые бывшие клисуры, дукаты и катепанаты были реорганизованы в фемы. С самого начала истории фем Харсианон, Колония, Каппадокия, Ликанд, Халдия основой их военного потенциала являлись регулярные войска. Структуры гражданского управления на этих территориях, напротив, развивались крайне медленно.

Следует констатировать, что к середине X в. разнонаправленное развитие военно-административных структур стало угрожать целостности империи. На фоне блестящих военных побед, которые одерживали стратеги восточных фем, политическое окружение Константина VII начало готовить «военную реформу» с целью упрощения и унификации организационной структуры императорской армии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование развития военно-административных структур византийской армии в середине VIII – середине IX в. позволяет сделать следующие основные выводы.

На основе анализа историографии, посвященной проблеме формирования «фемной системы», можно констатировать, что в настоящее время наиболее обоснованной и подкрепленной данными источников (прежде всего, сфрагистических и агиографических) является теория о *позднем* создании фем на территории Малой Азии и юго-восточной части Балканского полуострова. Первоначально группировки войск не были связаны с какими-либо территориями. Со второй половины VII – начала VIII в. для каждой из четырех фем (Опсикий, Анатолик, Армениак, Фракия) выделяются провинции для постоянного размещения. Впоследствии в этих районах формируются сначала военно-территориальные, а затем и гражданские структуры управления. Завершение данного процесса приходится на первую половину IX в. Теория Ф. И. Успенского и его последователей о раннем появлении в фемных структурах должностных лиц гражданской администрации (хартуларий, протонотарий, судья фемы) источниками не подтверждается. По данным сфрагистики, протонотарии появились в фемах Малой Азии не ранее первой трети IX в., а хартуларии – еще позднее. Во Фракии и других балканских фемах эти чиновные должности не фиксируются до середины IX в.

Отметим также, что использование в исследовательских работах современной военной терминологии, по нашему мнению, является неприемлемым. Модернизация военной терминологии существенно затрудняет

выработку единой концепции развития военно-административной системы империи.

В изменениях военно-административных структур Византии, происходивших до середины VIII в., не прослеживается какого-либо единого плана или концепции преобразований. По сути, все первые фемы состояли из ситуационно сформированных группировок войск, различных по организации и способам комплектования. Единственное исключение составляет фема Опсикий, контингенты которой состояли из подразделений двух армий *comitatus praesentales*, кавалерийских *схол*, отрядов *оптиматов* и *вукеллариев*. Большинство воинских формирований Опсикия являлись регулярными, а их внутренняя структура продолжала оставаться, по сути, позднеантичной. Неоспоримым фактом, основанным на данных военных трактатов и других письменных источников, следует признать *значительное влияние* позднеимперской системы военной организации на фемные войска, ограниченное, однако, тактическими структурами (кавалерийская банда = кавалерийская *схола*).

Первой византийской фемой, созданной по заранее утверждённому плану и со строго определенной целью (защита побережья Малой Азии от нападений арабского флота), следует считать фему Фракисий (711–741). Формирование военно-территориальных структур Фракисия, включая регулярные войска в турмах *τῶν Θεοδοσιακῶν* и *τῶν Βίκτορος*, сопровождалось масштабными работами по ремонту старых и возведению новых фортификационных сооружений.

Помимо территориальных ополчений фем, византийские вооруженные силы в VII – середине VIII в. состояли также из значительного числа регулярных кавалерийских частей, подчиненных комиту Опсикия (кавалерийские *схолы*, *оптиматы*, *вукелларии*), стратигу Анатолика (турма федератов, турма Ликаонии), стратигу Фракисия. Регулярными по способу комплектования являлись также отряды дворцовой стражи, но уже в первой половине VIII в. *scholae palatinae* полностью утратили боеспособность и были частично расформированы. Немаловажной причиной ликвидации частей *scholae palatinae* являлось то, что они в

течение длительного времени являлись резервом для пополнения регулярных войск «ператических» фем: Опсикия, Анатолика, Фракия.

Проведенное нами исследование проблемы формирования новой системы титулов и должностей военной и гражданской администрации Византии позволило установить, что значительная часть придворных титулов средневизантийского времени происходит от должностей младших командиров отрядов императорских телохранителей из состава *scholae palatinae*. На основании данных сфрагистики можно заключить, что в середине VII – середине VIII в. появляются новые придворные титулы «императорский кандидат», «императорский стратор» и «императорский спафарий». Со второй половины VIII в. в источниках упоминаются более высокие, но генетически связанные с перечисленными выше, титулы спафарокандидат и протоспафарий.

Было установлено, что в 40–70-е гг. VIII в. императором Константином V была проведена военная реформа. На протяжении нескольких десятилетий Константин V создавал новую военно-административную систему, построенную на двухступенчатом принципе организации: фемные контингенты (предназначались для обороны территории империи, состояли из иррегулярных ополчений), полевая армия (вела наступательные операции, формировалась из регулярных войск). Не исключено, что образцом для новой военно-административной системы послужила двухступенчатая армейская структура Поздней Римской империи (*comitatenses – limitanei*). Однако, в отличие от своего раннего аналога, армия Константина V обладала значительным преимуществом. Фемные ополчения, отличавшиеся высокой эффективностью при обороне границ, не требовали постоянного государственного финансирования.

Полевая армия Константина V была небольшой по численности и состояла только из кавалерийских частей. Минимальной боевой (тактической) единицей являлась банда из 40 конных воинов (очевидный признак сходства с римскими военными структурами). Эффективность мобильных войск была подтверждена во время войны с Болгарией (756–775), а также при отражении арабского похода в 782 г. Помимо прямого взаимодействия с силами противника (сражения), мо-

бильные войска применялись для рейдов на вражескую территорию с целью нанесения экономического ущерба, уничтожения запасов материальных ресурсов, объектов инфраструктуры, захвата пленных и пр. Следует также отметить, что многие тактические приемы, использованные полевой армией Константина V, применялись византийскими войсками в боевых действиях против арабов на восточной границе во второй половине IX – X в. Они также нашли отражение в военном трактате *De velitatione bellica*. В связи с этим распространенная в историографии точка зрения об «армянском» происхождении тактики «малой пограничной войны» на Востоке нуждается в уточнении.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что первые регулярные тагмы (схол и экскувитов) изначально являлись частью полевой армии Константина V. Можно предположить, что в дальнейшем планировалось увеличение численности (или количества) тагм за счет наиболее боеспособных постоянных фемных контингентов. Отметим также, что во второй половине VIII – начале IX в. *σχολαὶ* и *ἐξκουβίτες* не выполняли никаких функций по охране императорского дворца, что коренным образом отличало их от *scholae palatinae* ранневизантийского времени.

После смерти Константина V произошел постепенный отказ от проводимой им военной политики, что привело к крайне негативным последствиям. Ликвидация мобильной армии разбалансировала военно-административную систему империи. В результате после 786 г. оборонительные и наступательные операции должны были вести ополчения пяти восточных фем. В условиях одновременной войны на двух направлениях (против арабов и болгар) подобная задача оказалась для них невыполнимой. В итоге в конце VIII – начале IX в. Византия потерпела ряд тяжелых поражений, понесла огромные человеческие и материальные потери, утратила значительные территории. Непродуманная военная политика императрицы Ирины, Константина VI и особенно Никифора I вернула империю к состоянию, в котором она находилась во время «двадцатилетия хаоса».

Период правления императоров Аморийской (Михаил II, Феофил, Михаил III) и Македонской (Василий I, Лев VI) династий следует признать временем стабилизации военно-административной системы Византии и начала длительного периода ее инерционного развития. Более ста лет (с 20-х гг. IX и до 30-х гг. X в.) организационная структура византийских вооруженных сил увеличивалась *количественно* (создание новых фем), но *качественных* изменений не происходило. В данный период наблюдается постепенный упадок фемных контингентов старых фем (Опсикий, Анатолик, Армениак, Фракисий, Вукелларий, Кивиреоты, Фракия). Обоснование данного процесса исключительно «кризисом стратиотского землевладения» не позволяет объяснить стремительного исчезновения иррегулярных формирований *одновременно* во всех этих провинциях. Данные письменных источников и сфрагистические материалы позволяют утверждать, что со второй половины IX в. остатки боеспособных фемных контингентов были включены в регулярные воинские части: фемные тагмы (отряды domestиков фем), гарнизоны крепостей (протокентархии), контингенты клисур, пограничные дукаты. По нашему мнению, разнообразие организационных форм регулярных частей не меняет сущности происходившего в византийской армии процесса – постепенного отказа от иррегулярных ополчений в пользу регулярных войск. Таким образом, «военная реформа» второй половины X в. только завершила процесс перехода от одного способа комплектования армии к другому.

Завершая исследование византийских вооруженных сил в середине VIII – середине IX в., считаем необходимым констатировать, что византийская армия, прошедшая в процессе формирования «фемной системы» несколько этапов развития, преобразований и реформ, не может считаться статичной и деградирующей структурой. Напротив, вооруженные силы Византии являлись живой, динамичной и подверженной изменениям системой.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Грибовский В. М. Народ и власть в византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1897. С. 91.

² Haldon J. F. The Byzantine Empire // Dynamics of ancient empires: state power from Assyria to Byzantium / ed. by I. Morris, W. Scheidel. Oxford ; New York, 2009. P. 210–212.

³ Подробнее см.: Lot F. L'art militaire et les armées au Moyen Age en Europe et dans le Proche Orient. Paris, 1946. Т. 1. P. 18–19.

⁴ Treadgold W. T. The break in Byzantium and the Gap in Byzantine Studies // BF. 1990. Bd. 15. P. 296.

⁵ Theophanis Chronographia / rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883–1885. Vol. 1–2.

⁶ Nikephoros, patriarch of Constantinople Short history / ed. by C. Mango. Washington, D.C., 1990.

⁷ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / rec. I. Thurn. Berlin ; New York, 1973.

⁸ Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1838; Iosephi Genesisii regum libri quatuor / rec. A. Lesmueller-Werner, I. Thurn. Berlin ; New York, 1978; Symeonis magistri et logothetae chronicon / rec. S. Wahlgren. Berlin, 2006.

⁹ Georgius Cedrenus Historiarum compendium / rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1838–1839. Т. 1–2; Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII / ed. T. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897. Т. 3.

¹⁰ Bibliotheca geographorum Arabicorum / éd. M. J. de Goeje. Leiden, 1889. Т. 6; Brooks E. W. Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids //

English Historical Review. 1900. Vol. 15. No. 60. P. 728–747; 1901. Vol. 16. No. 61. P. 84–92.

¹¹ Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199) / éd. J.-B. Chabot. Paris, 1901–1905. Т. 2–3.

¹² История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / пер. с арм. К. Патканьян. СПб., 1862; Antiche cronache di Terra di Bari: Annales Barenses, Lupus Protospatarius, Ignoti civis Barensis Chronicon / compil. G. Gioffari, R. Lupoli Tateo. Bari, 1991.

¹³ Strategikon des Maurikios / Einf., Ed. und Indices von G. T. Dennis ; Übersetzung von E. Gamillscheg. Wien, 1981; Стратегикон Маврикия / изд. подг. В. В. Кучма. СПб., 2004; Leonis VI Tactica / ed. by G. T. Dennis. Washington, D.C., 2010; Тактика Льва / изд. подг. В. В. Кучма. СПб., 2012.

¹⁴ Стратегика императора Никифора / изд. Ю. А. Кулаковский // Зап. Имп. Академии наук по ист.-филол. отд. СПб., 1908. Т. 8, № 9; Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / éd. par G. Dagron, H. Mihăescu. Paris, 2011; Three Byzantine military treatises / ed. by G. T. Dennis. Washington, D.C., 1985. P. 241–335.

¹⁵ Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae byzantinae libri duo / rec. I. I. Reiske. Bonnae, 1829–1830. Vol. 1–2; Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on imperial military expeditions / ed. by J. F. Haldon. Wien, 1990; Haldon J. F. Theory and Practice in Tenth-Century Military Administration: Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies // ТМ. 2000. Vol. 13. P. 201–352.

¹⁶ Constantino Porfirogenito De thematibus / a cura di A. Pertusi. Città del Vaticano, 1952; Константин Багрянородный. Об управлении империей / текст, пер., коммент. под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991.

¹⁷ Житие преподобного Отца нашего Феодора, архимандрита Сикеонского, написанное Георгием, учеником его и игуменом той же обители / изд. Д. Е. Афиногенов. М., 2005; Житие святого Евдокима Праведного / изд. Х. М. Лопарев // Памятники древней письменности. СПб., 1893. Т. 96. Вып. 1; Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба

им / изд. В. Г. Васильевский, П. В. Никитин // Зап. Имп. Академии наук по ист.-филол. отд. СПб., 1905. Т. 7, № 2.

¹⁸ *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles : introd., texte, trad. et comment. Paris, 1972.

¹⁹ *Jus graeco-romanum* / ed. C. E. Zachariae von Lingenthal. Lipsiae, 1857. Pars 3; *Svoronos N.* Les nouvelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes : introd., éd., comment. Athènes, 1994; *Land Legislation of the Macedonian emperors* / ed. by E. McGeer. Toronto, 2000. См. также: *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453* / Bearb. von F. Dölger. 2. Aufl. München, 2009. 1. Teil. 1. HBd. : *Regesten von 565–867*.

²⁰ *Nesbitt J.* Sigillography // *Oxford Handbook of Byzantine Studies* / ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. Oxford, 2008. P. 150–156; *Cheyne J.-Cl., Caseau B.* Sealing Practices in the Byzantine Administration // *Seals and sealing practices in the Near East* / ed. I. Regulski, K. Duistermaat, P. Verkinderen. Leuven, 2012. P. 133–134.

²¹ *Лухачев Н. П.* Моливдовулы греческого Востока / сост. и автор коммент. В. С. Шандровская. М., 1991; *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Paris, 1981. Т. 2; *Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art* / ed. by N. Oikonomides, J. Nesbitt. Washington, D.C., 1991–2009. Vol. 1–6; *Zacos G., Vegler A.* Byzantine lead seals. Basel, 1972–1985. Vol. 1. Part 1–4; *Byzantine lead seals by G. Zacos* / ed. by J. Nesbitt. Berne, 1984. Vol. 2. Part 1–2; *Corpus of Byzantine seals from Bulgaria* / ed. by I. Jordanov. Sofia, 2003–2006. Vol. 1–2; *Cheyne J.-Cl.* Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l'Empire byzantin. Paris, 2001; *Seibt W.* Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978. 1. Teil; *Wassiliou A.-K., Seibt W.* Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 2003. 2. Teil.

²² *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867)* / Hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, nach Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt von R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, I. Rochow u. a. Berlin ; New York, 1998–2002. 7 Bd. (Prolegomena ; Bd. 1–6).

Глава 1. Историография военно-административных структур Византийской империи (VII – середина XI в.)

¹ См., например: *Schreiner P. Soldiers // Byzantines / ed. by G. Cavallo. Chicago, 1997. P. 74–94; Haldon J. F. Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204. London, 1999. P. 234–274; Sullivan D. F. Byzantine military manuals. Prescriptions, practice and pedagogy // The Byzantine World / ed. by P. Stephenson. London ; New York, 2010. P. 149–161.*

² *Геруа А. В.* Полчища. София, 1923. С. 10. Геруа Александр Владимирович (1870–1944), генерал-лейтенант, один из создателей теории «малых профессиональных армий».

³ *Монтескье Ш.* Размышления о причинах величия и падения римлян // Монтескье Ш. Избранные произведения / под ред. М. П. Баскина. М., 1955. С. 49–156; История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера / пер. и примеч. Н. В. Ревуненковой ; под ред. А. Д. Люблинской. Л., 1978. С. 12–13; *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. М., 2008. Т. 6; *McKitterick R., Quinault R.* Edward Gibbon and Empire. Cambridge University Press, 1997. P. 68–75, 89–100.

⁴ *Lecky W. E. H.* History of European morals from Augustus to Charlemagne. New York, 1890. Vol. 2. P. 13. Уильям Эдвард Гартполь Лекки (William Edward Hartpole Lecky, 1838–1903) – ирландский историк и общественный деятель, ученик английского историка Г. Т. Бокля.

⁵ Критику «черной легенды» о Византии в историографии XIX–XX вв. см.: *Haldon J. F. The Byzantine Empire // Dynamics of ancient empires. P. 205–254.*

⁶ См.: *Oman C. W. C. The Art of War in the Middle Ages, A.D. 378–1515. Oxford, 1885. P. 28–48; Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. Berlin, 1923. 3. Teil : Das Mittelalter. S. 194–209; Пызыревский А. К. История военного искусства в средние века (V–XVI столетия). СПб., 1884. Ч. 1. С. 22–23; Михневич Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб., 1896. С. 110–116.*

⁷ Шимановский Е. С. История кавалерии // Энциклопедия военных и морских наук / сост. под ред. генерал-лейтенанта Г. А. Леера. СПб., 1888. Т. 3. С. 480. Шимановский Евгений Станиславович, генерал-лейтенант, преподаватель Николаевской Академии генерального штаба, в 1897–1900 гг. начальник штаба Киевского военного округа.

⁸ Шимановский Е. С. История пехоты // Энциклопедия военных и морских наук. Т. 3. С. 493.

⁹ Пузыревский А. К. История военного искусства // Энциклопедия военных и морских наук. Т. 3. С. 435. Пузыревский Александр Казимирович (1845–1904), русский военный теоретик, генерал от инфантерии, профессор Николаевской Академии генерального штаба, преподавал историю военного искусства цесаревичу Николаю Александровичу, будущему императору Николаю II.

¹⁰ Об истории изучения «Стратегикона» см.: Strategikon des Maurikios. S. 24–27. Ср.: Стратегикон Маврикия. С. 57–59.

¹¹ См.: Leonis VI Tactica. P. IX–XIV; Тактика Льва. С. 9–12, 88–90.

¹² См.: Стратегика императора Никифора. С. IV–IX. Ср.: Dain A. Les stratégistes byzantins // ТМ. 1967. Т. 2. Р. 370–371.

¹³ Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. 3. Teil : Das Mittelalter. S. 194–195.

¹⁴ Ibid. S. 204–205, 207–208. См. также: Oman C. W. C. The Art of War in the Middle Ages. P. 44–46.

¹⁵ «Восточная Римская империя (Византия) хотя и существовала тысячу лет после падения Западной, но лишь благодаря политическим обстоятельствам; военное искусство находилось в упадке, империя изнемогала в борьбе с германскими и славянскими племенами, новоперсидским государством, арабами и др.». См.: Орлов Н. А. История военного искусства // Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого. СПб., 1913. Т. 11. С. 85. Орлов Николай Александрович (1855–1917), русский военный теоретик, генерал от инфантерии, профессор Николаевской Академии генерального штаба.

¹⁶ «Весь Рим крушился извне и подтачивался внутри ... Таял, как холодный снег при восхождении нового солнца. Чары Востока сокрушили

его...». См.: *Розанов В. В.* В военном лагере римлян // Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 20 : Загадки русской провокации : статьи и очерки 1910 г. / сост. В. Н. Дядичев, А. Н. Николюкина ; коммент. В. Н. Дядичева. М., 2005. С. 285–291. Розанов Василий Васильевич (1856–1919), русский религиозный философ, литературный критик и публицист.

¹⁷ *Михневич Н. П.* История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. С. XVII. Михневич Николай Петрович (1849–1927), русский военный историк, генерал от инфантерии, профессор, в 1904–1907 гг. – начальник Николаевской Академии генерального штаба.

¹⁸ Там же. С. XVIII.

¹⁹ См.: *Милютин Д. А.* Старческие размышления о современном положении военного дела в России // Изв. Имп. Николаевской военной академии. 1912. № 30. С. 850–853. Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), российский военный и государственный деятель; граф, генерал-фельдмаршал, военный министр Российской империи с 1861 по 1881 г.

²⁰ Подробнее см.: *Редигер А. Ф.* Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., 1900. Редигер Александр Федорович (1853–1920), генерал от инфантерии, военный министр Российской империи с 1905 по 1909 г.

²¹ См.: *Геруа А. В.* Полчища. С. 11–12.

²² *Орлов Н. А.* История военного искусства. С. 109.

²³ См.: *Neumann C.* La situation mondiale de l'empire byzantin avant les croisades. Paris, 1905. P. 99. Следует отметить, что в данном отрывке К. Нейманн почти дословно цитирует Э. Гиббона. Ср.: *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. М., 2008. Т. 5. С. 181.

²⁴ Например, в российской «Военной энциклопедии» (СПб., 1910–1915. Т. 1–18) нет отдельной статьи, посвященной Византии или византийскому военному искусству. А. А. Свечин, автор известного учебника по истории военного искусства, ограничился лишь упоминанием о том, что «История Византии представляет калейдоскопическую смену блестящих успехов и катастроф». См.: *Свечин А. А.* Эволюция военного искус-

ства с древнейших времен до наших дней. М. ; Л., 1927. Т. 1. С. 140. Свечин Александр Андреевич (1878–1938), русский и советский военачальник, военный теоретик.

²⁵ *Harrison F.* Byzantine history in the early middle Ages. The Rede lecture, delivered in the Senate House, Cambridge, June 12, 1900. London, 1900. P. 22. Фредерик Харрисон (Frederic Harrison, 1831–1923), британский юрист, историк и политический деятель.

²⁶ *Ramnaud A.* L'empire grec au dixième siècle Constantin Porphyrogénète. New York, 1962. P. 175–208; *Finlay G.* History of the Byzantine Empire from 716 to 1057. London, 1906. P. 3–14; *Скабаланович Н. А.* Византийское государство и церковь в XI в.: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина / вступ. ст. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2004. Кн. 1. С. 315–326. См. также: *Васильев А. А.* История Византийской империи / пер. с англ. А. Г. Грушевой. СПб., 2000. Т. 1. С. 17–23.

²⁷ *Скабаланович Н. А.* Византийское государство и церковь в XI в. Кн. 1. С. 318.

²⁸ *Кулаковский Ю. А.* Византийский лагерь конца X века // ВВ. 1903. Т. 10. С. 65, примеч. 1; С. 69, 71, 72 (константинопольские «гвардейские полки»).

²⁹ *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. With a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. London, 1911. P. 42.

³⁰ *Gelzer H.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899. S. 19–33.

³¹ *Ibid.* S. 118; ср.: *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. P. 41–42. Русский византист А. А. Васильев в рецензии на книгу Г. Гельцера писал: «Гельцера занимают экскурсы по очень интересным предметам, но не имеющим к областному управлению империи никакого отношения <...> нельзя также одобрить совершенно ненужную резкость тона и неподходящие для ученого сочинения сравнения, например, из современной военной жизни Германии». См.: *Васильев А. А.* Рец. на: Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899 // ВВ. 1903. Т. 10. С. 202–203. Следует отметить, что А. А. Васильев являлся, пожалуй, единственным из византинистов, ко-

торый специально избегал использования в своих работах современной ему военной терминологии.

³² Французский исследователь Ш. Диль в рецензии на монографию Г. Гельцера писал, что это «...безусловно одна из лучших и наиболее значительных работ, которые появились в последние годы по теме административного устройства Византии, о котором еще столь плохо знают». См.: *Diehl Ch. Rec.: Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899 // BZ. 1900. Bd. 9. P. 677–679.* Отметим также, что Ш. Диль принял терминологию Г. Гельцера («армейские корпуса», «военные округа», «гвардейские полки») и особо отметил его «тонкие замечания о превосходстве кавалерии над пехотой» (р. 679).

³³ Автору данного текста известно, что латинское слово *corpus* имеет множество значений, среди которых «единое целое», «организованная система». С формальной точки зрения, можно принять также значения «воинская часть» или «часть армии». В юридических текстах V–VI вв. термин *corpus militum* означал «военное сословие», «люди военного звания», «военные». Однако если в современных исследовательских работах, вслед за упоминанием термина «армейский корпус» (в значении термина «фема»), указаны его составные части – «бригады», «полки», «батальоны», «роты» – принять подобную терминологию невозможно, она не имеет никакого отношения к реалиям византийской военной истории.

³⁴ См.: *Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. P. 19, 68, 89.*

³⁵ См.: *Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963. S. 80: «Das Wort Thema bedeutete ein Armeekorps und wurde dann auf die neuen Militärbezirke übertragen».*

³⁶ В ряде современных работ для обозначения фемы как боевого подразделения уже используется термин «оперативное командование» (*operational command*), а для обозначения фемы как военно-административной единицы термин «область ответственности» (*area of responsibility, AOR*). См., например: *Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era, c. 680–850 : a history. Cambridge ; New York, 2011. P. 154 : «Command of*

Thrakesion», «Command of Anatolikon»; *Westermeyer P. W.* The development and decline of Romano-byzantine archery from the fourth to the eleventh centuries. Ohio University Press, 1998. P. 34, 42; *Kunselman D. E.* Arab-Byzantine War, 629–644 A.D. Fort Leavenworth, 2007. P. 17–19.

³⁷ См., например: *Nicolle D.* Romano-Byzantine armies 4th – 9th centuries. London, 1992; *Haldon J. F.* Byzantium at war, A.D. 600–1453. New York, 2003.

³⁸ См., например: *Heath I.* Byzantine armies, 1118–1461. London, 1995; *Dawson T.* Byzantine infantryman: Eastern Roman empire c. 900–1204. New York, 2007; *Idem.* Byzantine cavalryman, c. 900–1204. New York, 2009.

³⁹ См., например: *D'Amato R.* The Varangian Guard, 988–1453. Oxford, 2010.

⁴⁰ См., например: *Brownworth L.* Lost to the West: the forgotten Byzantine Empire that rescued Western civilization. New York, 2009.

⁴¹ См., например: *D'Amato R.* Byzantine imperial guardsmen (925–1025): the Tághmata and Imperial Guard. Oxford, 2012.

⁴² Формирование – постоянная или временная структурная единица вооруженных сил. Контингент (от лат. *contingens*, «соприкасающийся») – совокупность лиц, образующих однородную группу.

⁴³ Подробнее см.: *Van Berchem D.* L'armée de Dioclétien et la réforme Constantinienne. Paris, 1952. P. 89–110; *Глушанин Е. П.* Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. 1987. № 2. С. 51–73.

⁴⁴ Подробнее см.: *Seeck O.* Comitatus // RE. 1900. Bd. 4. HBd. 1. Sp. 619–622; *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602. A social, economic and administrative survey. Oxford, 1964. Vol. 2. P. 607–611; *Банников А. В.* Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб., 2011. С. 24–42.

⁴⁵ Об эволюции этой высшей командной должности см.: *Demandt A.* Magister militum // RE. 1970. Suppl. Bd. 12. Sp. 553–790; *Durliat J.* Magister militum – στρατηλάτης dans l'Empire Byzantin (VIe – VIIe siècles) // BZ. 1979. Bd. 72. P. 306–320. С VI в. в источниках, наряду с латинским *magister militum*, начинает упоминаться его греческий аналог *στρατηλάτης*. Следует обратить внимание на уникальную печать VI–VII вв. из собрания

Государственного Эрмитажа. На лицевой стороне моливдовула – греческая надпись из четырех строк: Θωμᾶ στρατηλάτου («Фомы, стратилата»), а на оборотной стороне – латинская надпись из четырех строк *Thomae magistro militum* («Фомы, магистра милитум»). См.: *Степанова Е. В.* Печати с латинскими и греко-латинскими надписями VI–VIII вв. из собрания Эрмитажа. СПб., 2006. С. 50, № 57.

⁴⁶ Подробнее см.: *Hoffmann D.* Das spätrömische Bewegungsheer und die *Notitia Dignitatum*. Düsseldorf, 1970. Bd. 2. S. 117–130.

⁴⁷ *Ioannis Malalae Chronographia* / rec. I. Thurn. Berlin ; New York, 2000. P. 358.7–359.17 (новая мобильная армия в Армении была создана за счет формирований *comitatus praesentales*, частей, ранее подчиненных *magister militum per Orientem*, и «коренных *scriniarii*»). Ср.: *Theophanes*. P. 175.5–10.

⁴⁸ Подробнее см.: *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602. Vol. 2. P. 592–601; *Kaegi W. E.* Byzantine Military Unrest 471–843: an Interpretation. Amsterdam, 1981. P. 41–63; *Roueché C.* The functions of the governor in Late Antiquity // *Antiquité tardive. Revue internationale d'histoire et d'archéologie* (IVe – VIIIe siècles). Turnhout, 1998. Vol. 6. P. 31–36.

⁴⁹ *Notitia Dignitatum* / ed. O. Seeck. Berlin, 1876. O *limitanei* (вар. *ripenses*) подробнее см.: *Van Berchem D.* L'armée de Dioclétien et la réforme Constantinienne. P. 19–31; *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602. Vol. 2. P. 649–654; *Isaac B.* The Meaning of the Term *limes* and *limitanei* // *Journal of Roman Studies*. 1988. Vol. 78. P. 125–147.

⁵⁰ Подробнее см.: *Seeck O.* Dux // RE. 1905. Bd. 5. HbD. 2. Sp. 1869–1875; *Benjamin C.* Foederati // RE. 1909. Bd. 6. HbD. 2. Sp. 2817–2818; *Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin, 1920. S. 275–276; *Банников А. В.* Римская армия в IV столетии. С. 33–37.

⁵¹ Подробнее см.: *Глушанин Е. П.* Пограничная армия Византии IV в. // ВВ. 1986. Т. 46. С. 199–203; *Barbero A.* Barbari. Immigrati, profughi, deportati nell'impero romano. Editori Laterza, 2006. P. 121–134.

⁵² Подробнее см.: *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602. Vol. 1. P. 450–451; *Kaegi W. E.* The «*Annona militaris*» in the Early Seventh

Century // *Bυζαντινά*. 1985. Т. 13/1. Р. 591–596; *Isaac B.* The Limits of Empire. The Roman Army in the East. New York, 1990. Р. 312–332.

⁵³ По нашему мнению, для Византии более подходящими являются не современные трактовки терминов «оборонительная политика» и «стратегическая оборона», а определения, данные Карлом фон Клаузевицем: «Политически оборонительной войной называется такая война, которую ведут, чтобы отстоять свою независимость. Стратегически оборонительной войной называют такой поход, в котором я ограничиваюсь борьбой с неприятелем на том театре военных действий, который я себе подготовил для этой цели. Даю ли я на этом театре войны сражения наступательного или оборонительного характера, это дела не меняет». См.: *Клаузевиц К.* О войне. М. ; СПб., 2007. С. 390.

⁵⁴ См.: *Диль Ш.* Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб., 1908. С. 179–214; *Шувалов П. В.* Секрет армии Юстиниана: восточно-римская армия в 491–641 гг. СПб., 2006. С. 10–11.

⁵⁵ Подробнее см.: *Серов В. В.* О времени формирования юстиниановской идеи реконкисты // Изв. Алтайск. гос. ун-та. [Сер.] История, политология. Барнаул, 2008. № 3–4. С. 236–240.

⁵⁶ Ср.: «Империя при Юстиниане не имела почти настоящего государственного войска; она орудовала посредством частных организаций. И генералы, совершавшие завоевания, не были должностными лицами: они были связаны с императором лично посредством договора верности, скрепленного клятвой. <...> Император перестал быть верховным вождем имперской армии, император ведет борьбу и защищается посредством организаций, устроенных на чисто феодальных началах». См.: *Успенский К. Н.* Очерки по истории Византии. М., 1917. Ч. 1. С. 23.

⁵⁷ См.: *Глушанин Е. П.* Юстиниан Великий как тип военного реформатора // Россия – Крым – Балканы: диалог культур : докл. междунар. науч. конф. (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). Екатеринбург, 2004. С. 62–65; *Haldon J. F.* Warfare, State and Society in the Byzantine World. Р. 99–100; *Шувалов П. В.* Секрет армии Юстиниана. С. 167.

⁵⁸ Об экстраординарных военных должностях см.: *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Berlin ; Amsterdam, 1967. Т. 1. P. 380–389.

⁵⁹ *Domaszewski A.* Auxilia // RE. 1896. Bd. 2. HBd. 2. Sp. 2618–2622. О комплектовании numeri см.: *Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. S. 26; *Kaegi W. E.* Heraclius: Emperor of Byzantium. Cambridge University Press, 2003. P. 74 and n. 55.

⁶⁰ См.: *Brown T. S.* Gentlemen and officers: imperial administration and aristocratic power in Byzantine Italy, A.D. 554–800. London, 1984. P. 53–56; *Zuckerman C.* La haute hiérarchie militaire en Afrique byzantine // *Antiquité tardive. Revue internationale d'histoire et d'archéologie (IVe – VIIIe siècles)*. Turnhout, 2002. Vol. 10. P. 169–175; *Sanz R.* La intervención bizantina en la España de Leovigildo // *Erytheia*. Universidad de Murcia, 1985. Núm. 6/1. P. 45–59. Ср.: *Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI в. М., 1959. С. 496–500; *Жюльен Ш.-А.* История Северной Африки / пер. с фр. Р. М. Солодовник ; ред. и предисл. Н. А. Иванов. М., 1961. Т. 1. С. 335–338.

⁶¹ См.: *Скабаланович Н. А.* Византийское государство и церковь в XI в. Кн. I. С. 317–318; *Haldon J. F.* Recruitment and conscription in the Byzantine army c. 550–950: a study on the origins of the stratotika ktemata. Wien, 1979. P. 21–28; *Hopwood K.* Policing the hinterland: Rough Cilicia and Isauria // *Armies and frontiers in Roman and Byzantine Anatolia. Proceedings of a colloquium held at University College, Swansea (April 1981)* / ed. by S. Mitchell. Oxford, 1983. P. 173–187.

⁶² См.: *Maspero J.* Organisation militaire de l’Egypte byzantine. Paris, 1912. P. 43–57; *Винкельман Ф.* Положение Египта в Восточноримской (Византийской) империи // ВВ. 1886. Т. 46. С. 75–87.

⁶³ См.: *Whitby M.* The Emperor Maurice and his historian. Theophylact Simocatta on Persian and Balkan warfare. Oxford, 1988. P. 276–291.

⁶⁴ См.: *Diehl Ch.* Etudes sur l’administration byzantine dans l’exarchat de Ravenne (568–751). Paris, 1888. P. 168–184; *Idem.* L’Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533–709). Paris, 1896.

Р. 466–489. Ср.: Кудрявцев П. Н. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. Обзор осготско-лангобардского периода итальянской истории. М., 1850. С. 115–120; *Hartmann L. M.* Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540–750). New York, 1959. P. 52–73. О должности экзарха см.: *Benjamin C.* Exarchos (Ἐξάρχος) // RE. 1909. Bd. 6. HBd. 2. Sp. 1552–1553; *Grosse R.* Die Rangordnung der römischen Armee des 4. – 6. Jahrhunderts // Klio. Beiträge zur alten Geschichte. Leipzig, 1918. Bd. 15. S. 124–125, 157–158.

⁶⁵ См.: *Guillou A.* Régionalisme et indépendance dans l'empire byzantin au VIIe siècle. L'exemple de l'Exarchat et de la Pentapole d'Italie. Rome, 1969. P. 147–152; *Pringle D.* The Defence of Byzantine Africa, from Justinian to the Arab Conquest. An account of the military history and archaeology of the African provinces the sixth and seventh centuries. Oxford, 1981. Vol. 1. P. 55–78; *Brown T. S.* Gentlemen and officers: imperial administration and aristocratic power in Byzantine Italy. P. 82–108; *Бородин О. Р.* Эволюция войска в византийской Италии в VI–VIII вв. (военно-организационный аспект) // ВВ. 1986. Т. 46. С. 124–138. См. также: *Степанова Е. В.* Печати экзархов Италии // Византия и Ближний Восток : сб. науч. тр. памяти А. В. Банк / науч. ред. В. С. Шандровская. СПб., 1994. С. 57–70.

⁶⁶ Подробнее см.: *Olster D. M.* The Politics of Usurpation in the Seventh Century. Rhetoric and Revolution in Byzantium. Amsterdam, 1993. P. 67–80; *Kaegi W. E.* Heraclius: Emperor of Byzantium. P. 37–40, 42–49.

⁶⁷ См.: *Shahîd I.* The Iranian Factor in Byzantium during the Reign of Heraclius // DOP. 1972. Vol. 26. P. 295–320.

⁶⁸ В 621 г., готовясь к походу против персов, Ираклий приказал переправить в Малую Азию «европейское войско» (τὰ στρατεύματα τῆς Εὐρώπης). См.: *Theophanes.* P. 302.27–30.

⁶⁹ Местом сбора войск Ираклия в 622 г., по всей видимости, была его родная провинция Каппадокия. Примечательно, что походы византийских армий против персов во второй половине VI в. также начинались из этого региона. Например, в 578–580 гг. будущий император Маврикий, родившийся в Каппадокии, перед началом военных действий долгое

время находился в Кесарии Каппадокийской. См.: *Trombley F.* Operational methods of the Late Roman army in the Persian War of 572–591 // *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab conquest : Proceedings of a Colloquium Held at Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005)* / ed. A. S. Lewin, P. Pellegrini. Oxford, 2007. P. 321–356.

⁷⁰ См.: *Isaac B.* The Army in the Late Roman East: the Persian Wars and the Defense of the Byzantine Provinces // *Byzantine and Early Islamic Near East : Papers of the Third Workshop on Late Antiquity and Early Islam «States, Resources and Armies»* / ed. A. Cameron. Princeton, N.J., 1995. P. 125–155.

⁷¹ См.: *Stratos A. N.* Byzantium in the Seventh Century / transl. by M. Ogilvie-Grantadolf. Amsterdam, 1968. Vol. 1. P. 129–130.

⁷² См.: *Kaegi W. E.* Heraclius: Emperor of Byzantium. P. 192–228. Ср.: *Кулаковский Ю. А.* История Византии / науч. ред. А. Г. Грушевой. СПб., 1996. Т. 3. С. 111–131.

⁷³ См.: *Shahîd I.* Heraclius and the Theme System Revisited the Unfinished Themes of Oriens // *Dark centuries of Byzantium (7th – 9th)*. Proceedings of 9th International Symposium of Institute for Byzantine Research / ed. E. Kountoura-Galake. Athens, 2001. P. 15–18.

⁷⁴ О военных действиях против арабов в 634–639 гг. см.: *Donner F.* The Early Islamic Conquests. Princeton University Press, 1981. P. 91–148; *Большаков О. Г.* История халифата. М., 1993. Т. 2. С. 13–28, 30–42, 52–59. Следует также отметить, что упоминаемая в арабских источниках численность византийских войск (40, 50, 80 тыс. воинов) является неправдоподобной.

⁷⁵ См.: *Stein E.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus. Stuttgart, 1919. S. 117–121; *Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. S. 80–81; *Ensslin W.* Der Kaiser Herakleios und die Themenverfassung // *BZ*. 1953. Bd. 46. S. 362–368; *Shahîd I.* Heraclius and the Theme System Revisited the Unfinished Themes of Oriens. P. 22–33. См. также: *Ласкин Г. А.* Ираклий. Византийское государство в первой половине седьмого века. Харьков, 1889. С. 100–101.

⁷⁶ См.: *Bréhier L.* La transformation de l'empire byzantin sous les Héraclides // *Journal de Savants*. 1917. P. 401–415, 504–506; *Lemerle P.* Quelques remarques sur le règne d'Héraclius // *Studi Medievali*. 1960. Ser. 3. Nr. 1. P. 347–361; *Lilie R.-J.* Araber und Themen. Zum Einfluss der arabischen Expansion auf die byzantinische Militärorganisation // *Byzantine and Early Islamic Near East*. S. 425–460; *Haldon J. F.* Seventh-Century Continuities: the Ajnācl and the «Thematic Myth» // *Byzantine and Early Islamic Near East*. P. 379–423.

⁷⁷ Наиболее полные обзоры исследований конца XIX – первой половины XX в., посвященных «фемной системе», см.: *Васильев А. А.* История Византийской империи. Т. 1. С. 17–23; *Pertusi A.* La formation des thèmes byzantins // *Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress* / Hrsg. von Fr. Dölger, H. G. Beck. München, 1958. P. 1–16; *Karayannopoulos J.* Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München, 1959. S. 5–24; Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Παρακμή και πτώση του θεματικού θεσμού. Συμβολή στην εξέλιξη της διοικητικής και της στρατιωτικής οργάνωσης του Βυζαντίου από τον 10 αΙ. και εξής. Θεσσαλονίκη, 1985. Σ. 35–52; *Haldon J. F.* Military Service, Military Lands, and the Status of Soldiers: Current Problems and Interpretations // *DOP*. 1993. Vol. 47. P. 3–7.

⁷⁸ См.: *Gelzer H.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899; *Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи // *ИРАИК*. 1900. Т. 6. С. 154–207; *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 3. С. 334–366; *Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin, 1920. S. 272–320; *Stein E.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus. S. 117–140; *Diehl Ch.* L'origine du régime des thèmes dans l'empire byzantin // *Diehl Ch.* Études byzantines. Paris, 1905. P. 276–292; *Bréhier L.* Les institutions de l'empire byzantin. Paris, 1949. P. 334–366; *Bury J. B.* A history of Later Roman Empire from Arcadius to Irene. London ; New York, 1889. Vol. 2. P. 339–351.

⁷⁹ См.: *Brooks E. W.* Arabic Lists of Byzantine Themes // *JHS*. 1901. Vol. 21. P. 67–77; *Васильев А. А.* Византия и арабы. Политические отношения Ви-

зантии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902. С. 35–39; *Devreesse R.* Le patriarcat d'Antioche, depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe. Paris, 1945. P. 95–107; *Адоиц Н. Г.* Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя. СПб., 1908; *Hartmann L. M.* Geschichte Italiens im Mittelalter. Hildesheim, 1900. Bd. 2. HBd. 1. S. 194–233.

⁸⁰ См. например: *Schlumberger G.* Documents pour servir à l'histoire des thèmes byzantins: sceaux de plomb inédite de fonctionnaires provinciaux // *Revue archéologique*. 1883. No. 3. P. 2–3.

⁸¹ См.: *Zachariae von Lingenthal K. E.* Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts // *BZ*. 1894. Bd. 3. S. 437–457.

⁸² См.: *Кулаковский Ю. А.* К вопросу о происхождении фемного строя Византийской империи // *Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями* / под ред. М. Н. Ясинского. Киев, 1904. С. 399–400.

⁸³ *Strategikon des Maurikios*. S. 20–21 (рукописи: cod. Vaticanus gr. 1164, cod. Neapolitanus gr. 284, cod. Parisinus gr. 2442 датируются XI в.).

⁸⁴ *Ibid.* S. 82.76–77: на поле боя солдаты должны легко узнавать свои подразделения по фламулам (знаменам, значкам), такие опознавательные знаки должны быть для каждой миры, каждой фемы (тагмы) и каждой банды. Перевод Е. Гамиллышега – «für jede Division, jedes Regiment und jede Schwadron» («для каждой дивизии, каждого полка и каждого эскадрона») – вызывает недоумение (ср.: *Ibid.* S. 47–48). См. также: *Стратегикон Маврикия*. С. 71.

⁸⁵ *Theophanes*. P. 300.3–6. На основании этого отрывка из сочинения Феофана некоторые исследователи пытались обосновать тезис о катастрофическом сокращении численности войск в период между 602 и 626 гг. Однако срок службы рядового солдата в VI–VII вв. не мог превышать 24 лет. Следовательно, к 626 г. в армии вообще не должно было остаться воинов, пришедших на службу накануне мятежа Фоки. См.: *Oikonomidès N.* Les premiers mentions des thèmes dans la chronique de Théophane // *ЗРВИ*. 1975. Кн. 16. P. 2–3.

⁸⁶ *Theophanes*. P. 358.11–16.

⁸⁷ Theophanes. P. 303.9–16. Пилы (Πύλαι, совр. Çiftlikköy, Чифтликкёй), «ворота Азии», порт, находившийся на южном берегу совр. Измитского залива. Отсюда начиналась дорога, ведущая к восточной границе империи, а также размещались крупные склады продовольствия и других ресурсов. См.: *Mango C. The Empress Helena, Helenopolis, Pylae* // ТМ. 1994. Т. 12. Р. 143–158.

⁸⁸ Theophanes. P. 352.12–23.

⁸⁹ *Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates*. S. 80–81. См. также: *Shahid I. Heraclius and the Theme System: Further Observations* // Byz. 1989. Т. 59. Р. 213, 215–216.

⁹⁰ *Zuckerman C. Learning from the Enemy and More: Studies in «Dark Centuries» Byzantium* // Millennium. Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. / Hrsg. von W. Brandes, A. Demandt. München, 2005. Bd. 2. Р. 79–135.

⁹¹ Constantino Porfirogenito De thematibus. Città del Vaticano, 1952.

⁹² Constantino Porfirogenito De thematibus. Р. 59–60, 112–113. Несмотря на то, что данный текст основан не на реалиях первой половины X в., а на географических сочинениях VI в. (Стефан Византийский, Гиерокл), вступительная часть De thematibus отражает личное мнение Константина Багрянородного. См.: *Lounghis T. C. Sur la date du De thematibus* // REB. 1973. Т. 31. Р. 299–305.

⁹³ См.: *Кулаковский Ю. А.* К вопросу о происхождении фемного строя Византийской империи. С. 399–401. См. также: *Kazhdan A. P. Theme* // ODB. 1991. Vol. 3. Р. 2034–2035.

⁹⁴ *Pertusi A. La formation des thèmes byzantins*. Р. 1–40. Основные положения своей концепции А. Пертузи изложил в статье 1954 г.: *Pertusi A. Nuova ipotesi sull'origine dei «temi» bizantini* // Aevum. Milano, 1954. Vol. 28. Fasc. 2. Р. 126–150.

⁹⁵ См.: *Pertusi A. La formation des thèmes byzantins*. Р. 16–24. Мнение А. Пертузи было поддержано С. Кириакидисом. Однако греческий византинист считал, что фемами первоначально назывались не военные лагеря, а крепости, в которых размещались войска. См.: Κυριακίδης Σ.

Προσθήκη εις τα περί της ετυμολογίας και σημασίας της βυζαντινῆς Λήξεως ΘΕΜΑ // Ελληνικά. 1954. Τ. 13. Σ. 338–339.

⁹⁶ *Pertusi A.* La formation des thèmes byzantins. P. 24–32.

⁹⁷ *Ibid.* P. 38–40.

⁹⁸ *Ostrogorsky G.* Sur la date de la composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure. À propos de la nouvelle édition du «De thematibus» de A. Pertusi // *Byz.* 1953. Τ. 23. P. 31–66.

⁹⁹ *Ostrogorsky G.* Korreferat zu A. Pertusi, «La formation des thèmes byzantins» // *Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress.* München, 1958. S. 1–8.

¹⁰⁰ *Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. S. 81.

¹⁰¹ Ср.: *Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи. С. 188: «Первоначальный смысл фемы есть гражданско-административный округ, в который входят жители городов и деревень, управляемые гражданскими чиновниками и отбывающие определенные повинности, в числе которых была и военно-податная».

¹⁰² Г. А. Острогорский основывался на классификации печатей коммеркириев, предложенной Г. Милле. См.: *Millet G.* Sur les sceaux des commerciaux byzantins // *Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger à l'occasion du quatre-vingtième anniversaire de sa naissance.* Paris, 1924. Т. 2 : Numismatique, sigillographie et archéologie. P. 303–327. Однако впоследствии было доказано, что точная датировка моливдовулов коммеркириев возможна только с 672 г. См.: *Zacos, Veglery.* Part 1. P. 130–143. Следовательно, указанные в работах Г. А. Острогорского датировки моливдовулов являются ошибочными.

¹⁰³ См.: *Die Entstehung der byzantinischen Themenverfassung* // *Diskussionsbeiträge zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress.* München, 1958. S. 1–4. Отметим, что из всех участников дискуссии только югославский византинист Я. Ферлуга предпринял попытку проследить процесс формирования фем в западной части империи. В частности, он указывал на достаточно раннее упоминание в источниках фем Фра-

кия и Сицилия. См.: *Ферлуга Ж.* Ниже војно-административне јединице тематског уређења (VII–X в.) // ЗРВИ. 1953. Књ. 2. С. 61–67.

¹⁰⁴ См.: Procopius / rec. G. Dindorfius. Bonnae, 1833. Vol. 1. P. 360.19–21: «Император над всеми поставил стратигом-автократором Велизария, который вновь командовал каталогами Востока».

¹⁰⁵ См.: *Dölger F.* Zur Ableitung des byzantinischen Verwaltungsterminus $\theta\acute{\epsilon}\mu\alpha$ // *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte.* Stuttgart, 1955. Bd. 4. Heft 2–3. S. 189–198.

¹⁰⁶ *Koder J.* Zur Bedeutungsentwicklung des byzantinischen Terminus Thema // *JÖB.* 1990. Bd. 40. S. 155–165. Ср.: *Oikonomidès N.* Les premiers mentions des thèmes dans la chronique de Théophane. P. 1–8.

¹⁰⁷ См.: *Haussig H. W.* Die Anfänge der Themenordnung // *Finanzgeschichte der Spätantike* / Hrsg. F. Altheim, R. Stiehl. Frankfurt am Main, 1957. S. 86–88.

¹⁰⁸ См.: Ibid. S. 88. По мнению Г. В. Хауссинга, из Ираклии Понтийской армия могла быть направлена как на Восток, так и на Балканы.

¹⁰⁹ Ibid. S. 113–114.

¹¹⁰ См. например: *Maspero J.* Φοιδεράτοι et Στρατιῶται dans l'armée byzantine au VIe siècle // *BZ.* 1912. Bd. 21. P. 97–104 (происхождение «фемной системы», а также сопутствующей административной терминологии из Египта); *Bréhier L.* La transformation de l'empire byzantin sous les Héraclides. P. 445–453 (происхождение термина $\theta\acute{\epsilon}\mu\alpha$ от отрядов, направляемых для пополнения военных сил Итальянского и Африканского экзархатов).

¹¹¹ В районе современного населенного пункта Salamiyah (Саламия), в 45 км северо-восточнее Хомса (Эмесы). См.: *Chapot V.* Frontière de l'Euphrate de Pompée à la conquête arabe. Paris, 1907. P. 333–334.

¹¹² *Notitia Dignitatum.* P. 68, XXXII.31; 70, XXXIII.28; *French D.* Legio III Gallica // *The Roman and Byzantine army in the East : Proceedings of a colloquium held at the Jagiellonian University, Krakow (September 1992)* / ed. by E. Dabrowa. Kraków, 1994. P. 37–41.

¹¹³ См.: *Dussaud R.* Topographie historique de la Syrie antique et médiévale. Paris, 1927. P. 272, 286. Апамея Сирийская (Apamea, Afāmya, Απάμεια

της Συρίας, совр. Qal'at al-Mudik). Отметим, что современное состояние источников не позволяет проследить судьбу отдельных военных соединений в 30–40-е гг. VII в.

¹¹⁴ См.: *Stein E.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus. S. 117–122, 139–140; *Stade K.* Der Politiker Diokletian und die letzte große Christenverfolgung. Wiesbaden, 1926. S. 55–56; *Вальденберг В. Е.* Государственное устройство Византии до конца VII в. СПб., 2008. С. 138; *Baynes N. H.* The Emperor Heraclius and the Military Theme System // *English Historical Review.* 1952. Vol. 67. P. 380–381.

¹¹⁵ См.: *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л., 1948. С. 231–234; *Roman eastern frontier and the Persian Wars* / ed. by G. Greatrex, S. Lieu. New York, 2002. Part 2. P. 123–134.

¹¹⁶ См.: *Darkó E.* Bölc Leo Taktikájának hitelessége magyar történeti szempontból // *Értekezések a nyelv- és széptudományok köréből.* Budapest, 1915. K. 23. Nr. 4. P. 70: «Туранская тактика ведения войны достигла наивысшего развития у авар в VII веке ... Строгая дисциплина, четкая военная организация и способность адаптироваться к различным условиям – вот основные характеристики этой превосходной тактики». См. также: *Darkó E.* Die militärischen Reformen des Kaisers Heracleios // *Actes du IVe Congres international des études byzantines* (Sofia, septembre 1934) / publ. sous la red. B. D. Filov. Sofia, 1935. P. 110–116.

¹¹⁷ См.: *Darkó E.* Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins // *Byz.* 1935. T. 10. P. 443–469; 1937. T. 12. P. 119–147.

¹¹⁸ *Darkó E.* Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'empire romain aux premiers siècles du Moyen Âge // *Byz.* 1946–1948. T. 18. P. 95.

¹¹⁹ См.: *Бартикян Р. М.* О двух византийских военных терминах восточного происхождения // *Вестн. обществ. наук АН Арм. ССР.* Ереван, 1970. № 8. С. 67–77; ср.: *Canard M.* Sur deux termes militaires byzantins d'origine orientale // *Byz.* 1970. T. 40. P. 226–229. См. также о заимствовании Римом и Византией у Парфии и Ирана тактических приемов тяже-

ловооруженной кавалерии: *Иностранцев К. А.* Сасанидские этюды. СПб., 1909. С. 41–81; *Bivar A. D. H.* Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // *DOP.* 1972. Vol. 26. P. 271–288.

¹²⁰ Весьма оригинальную идею высказал Дж. Говард-Джонстон. По его мнению, греческое слово *θήμα* произошло от тюркского *tümān* (тумэн, «десять тысяч воинов»). Свою точку зрения английский историк основывает на рассказе Константина Багрянородного о печенегах и утверждает, что печенежская система была «типично кочевой», заимствованной у хазар. Эту же систему, согласно Дж. Говард-Джонсону, в VIII в. заимствовала и Византия, которая столкнулась с необходимостью вести боевые действия против кочевых народов. См.: *Howard-Johnston J. D.* Byzantine Sources for Khazar History // *World of the Khazars: New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium* / ed. by P. B. Golden. Leiden ; Boston, 2007. P. 189 and n. 84; *Idem.* The Two Great Powers in Late Antiquity: a Comparison // *Byzantine and Early Islamic Near East : Papers of the Third Workshop on Late Antiquity and Early Islam «States, Resources and Armies»* / ed. A. Cameron. Princeton, N.J., 1995. P. 220–225. Ср.: *Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio* / Greek text ed. G. Moravcsik; Eng. transl. by R. J. H. Jenkins. Harvard University Press, 1967. T. 1. P. 37, 39.

¹²¹ Сравнительную характеристику военных систем Танского Китая (с начала VII в. до восстания Ань Лушаня в 755–763 гг.) и Византийской империи VII–IX вв. см.: *Graff D. A.* Medieval Chinese warfare, 300–900. London, 2002. P. 253–256; *Dreyer E. L.* Zhao Chongguo: a Professional Soldier of China's Former Han Dynasty // *Journal of Military History.* 2008. Vol. 72. No. 3. P. 721–722.

¹²² *Haldon J. F.* Military Service, Military Lands, and the Status of Soldiers. P. 5.

¹²³ *Karayannopoulos J.* Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. S. 19–24.

¹²⁴ О правлении Ираклия и его «реформаторской деятельности» в оценке Я. Караяннопулоса см.: *Karayannopoulos J.* Über die vermeintliche Reformtätigkeit des Kaisers Heraklios // *JÖBG.* 1961. Bd. 10. S. 53–72.

¹²⁵ *Karayannopoulos J.* Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. S. 37–38.

¹²⁶ *Ibid.* S. 37. Следует отметить, что Я. Караяннопулос, как и многие другие исследователи эпохи массовых армий, считал наемниками всех военнослужащих, получавших от государства денежную оплату.

¹²⁷ *Ibid.* S. 44, 69.

¹²⁸ В рецензии на монографию Я. Караяннопулоса В. Лоран указывал на значение сфрагистики для изучения организационной структуры фем. По мнению французского исследователя, печати необходимо использовать не выборочно, а как массовый источниковый материал. См.: *Laurent V.* Rec.: *Karayannopoulos J.* Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung (Byzantinisches Archiv, Heft 10). München, 1959. 105 p. // *REB.* 1959. Т. 17. Р. 290–291.

¹²⁹ *Karayannopoulos J.* Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. S. 45–51, 55–58.

¹³⁰ См.: *Mommsen T.* Das Römische Militärwesen seit Diocletian // *Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie.* 1889. Bd. 24. S. 195–279; *Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin, 1920. Концепции эволюционного развития Византии придерживались также русские исследователи М. И. Ростовцев и К. Н. Успенский. См.: *Удальцова З. В.* Из истории российского буржуазного византиноведения XX века (К. Н. Успенский) // *ВВ.* 1961. Т. 20. С. 34–36.

¹³¹ См.: *Κυριακίδης Σ. Π.* Βυζαντιναί Μελέται // *Επιστημονικές Επετηρίδες Φιλοσοφικής Σχολής, Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης.* Εν Θεσσαλονίκη, 1939. Τ. 3. Μερ. 5: Σύμμεκτα. Σ. 536–557; *Άμαντος Κ.* Ιστορία του Βυζαντινού Κράτους. Αθήναι, 1953. Τ. 1. Σ. 167–248.

¹³² См.: *Καλομενόπουλος Ν.* Η στρατιωτική οργάνωσης της Ελληνικής αυτοκρατορίας του Βυζαντίου. Εν Αθήναις, 1937. Никостратос Каломенопулос (1865–1952), греческий военачальник, командующий «Флотом Эгейского моря» во время Первой мировой войны. В своих

военно-исторических работах призывал воссоздать в Греции народную армию по образцу византийского стратиотского ополчения.

¹³³ См.: Ζακυθινός Δ. Α. Βυζαντινή Ιστορία (324–1071). Αθήνα ; Γιάννινα, 1989. Σ. 143–149; *Stratos A. N. Byzantium in the Seventh Century*. Vol. 1. P. 130: «В армии Ираклия завершился исторический переход от наемной армии к национальной».

¹³⁴ См.: Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Παρακμή και πτώση του θεματικού θεσμού. Θεσσαλονίκη, 1985; Λουγγής Τ. Ο πρωτοβυζαντινός στρατός 408–602 // Βυζαντινά στρατεύματα στη Δύση (5^{ος} – 11^{ος} αι.). Έρευνες πάνω στις χερσαίες και ναυτικές επιχειρήσεις: σύνθεση και αποστολή των βυζαντινών στρατευμάτων στη Δύση / συγ. Β. Βλυσίδου, Μ. Λεοντσίνη, Τ. Λουγγής. Αθηνά, 2008. Σ. 68–159.

¹³⁵ См.: *Lemerle P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes* // *Revue historique*. 1958. T. 219. P. 32–74, 254–284; T. 220. P. 43–94; Glykatzis-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe – XIe siècles // *BCH*. 1960. Vol. 84. P. 2–24; Kaegi W. E. Some Reconsiderations on the Themes (Seventh-Ninth Centuries) // *JÖBG*. 1967. Bd. 16. S. 39–53; *Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and his world*. London, 1973. P. 224–246; *Haldon J. F. Recruitment and conscription in the Byzantine army c. 550–950*. P. 20–40.

¹³⁶ См.: *Ensslin W. The Emperor and imperial administration* // *Byzantium. An introduction to East Roman civilization* / ed. by N. H. Baynes, H. Moss. Oxford, 1961. P. 294–307; *Charanis P. Some Remarks on the Changes in Byzantium in the Seventh Century* // *ЗРВИ*. 1963. Кн. 8/1. P. 71–76; *Oikonomides N. A chronological note on the first Persian campaign of Heraclius (622)* // *BMGS*. 1975. Vol. 1. P. 1–9; *Treadgold W. T. The Military Lands and the Imperial Estates in the Middle Byzantine Empire* // *Okeanos : essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students* / ed. by C. Mango, O. Pritsak. P. 619–631.

¹³⁷ Подробнее см.: *Курбатов Г. Л. История Византии (историография)*. Л., 1975. С. 194–196, 198–202. Ср.: *Lemerle P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes* // *Revue historique*. 1958. T. 219. P. 267: «Советская наука не внесла чего-либо нового в вопрос об

аграрной истории Византии, кроме произвольного употребления термина «феодализм». См. также: *Haldon J. F.* The state and the tributary mode of production. London ; New York, 1993. P. 70–139.

¹³⁸ См.: *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии IX–X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960; *Lemerle P.* The agrarian history of Byzantium from the origins to the twelfth century: the sources and problems. Galway University Press, 1979. Обстоятельный обзор историографии по данной проблеме см.: *Каждан А. П.* Византийская деревня VII–XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии (1917–1960) // ВВ. 1963. Т. 22. С. 127–198.

¹³⁹ *Каждан А. П.* Византийская армия в IX–X веках // Учен. зап. Велюклук. гос. пед. ин-та. Великие Луки, 1954. Вып. 1. С. 19: «Специальных марксистских работ, посвященных изучению военного дела в Византии, до сих пор еще нет, если не считать краткого, но интересного раздела в работе М. Я. Сюзюмова “Проблемы иконоборчества в Византии”».

¹⁴⁰ Данная тематика активно разрабатывалась и в дореволюционной историографии. См.: *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории византийского государства // Труды В. Г. Васильевского. Л., 1930. С. 250–331; *Панченко Б. А.* Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы. София, 1903; *Яковенко П. А.* К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908; *Успенский К. Н.* Очерки по истории Византии. С. 153–208.

¹⁴¹ См.: *Сюзюмов М. Я.* О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону // ВВ. 1956. Т. 10. С. 27–47; *Липищ Е. Э.* О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии // ВВ. 1958. Т. 13. С. 28–54; *Каждан А. П.* Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV–XI вв. (по поводу новой работы П. Лемерля) // ВВ. 1959. Т. 16. С. 92–113; *Сюзюмов М. Я.* Дофеодальный период // АДСВ. 1972. Вып. 8. С. 3–41.

¹⁴² См.: *Литаврин Г. Г.* Византийское государство в VII–XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв. / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1985. С. 100.

¹⁴³ См.: *Курбатов Г. Л.* К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. Вып. 3. С. 3–21. Ср.: *Сюзюмов М. Я.* Рец. на: Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960 // ВВ. 1962. Т. 21. С. 209–217. Основную библиографию по данной проблеме см.: *Соколов Н. П.* Сорок лет советского византиноведения. Горький, 1959. С. 19–25.

¹⁴⁴ См.: *Удальцова З. В.* XI Международный конгресс византинистов в Мюнхене // ВВ. 1959. Т. 16. С. 396: «Вполне признавая очень серьезное научное значение поднятых в дискуссии вопросов, нельзя не выразить сожаления по поводу того, что участники дискуссии не касались непосредственной связи образования фемного строя с формированием феодальных отношений в Византийской империи». Ср.: *Пигулевская Н. В.* XI Международный конгресс византинистов в Мюнхене // ВИ. 1959. № 8. С. 204: «На наш взгляд, докладчиками не был учтен существенный вывод, сделанный советскими византиноведами о том, что образование фем было одним из явлений общего процесса феодализации в Византии».

¹⁴⁵ История Византии / отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1967. Т. 1. С. 366–367; Т. 2. С. 33–36. См. также: *Сюзюмов М. Я.* Проблемы иконоборчества в Византии // Учен. зап. Сverdл. гос. пед. ин-та. Свердловск, 1948. Т. 4. С. 50–69.

¹⁴⁶ *Сюзюмов М. Я.* Проблемы иконоборчества в Византии. С. 56.

¹⁴⁷ *Курбатов Г. Л.* История Византии (от античности к феодализму). М., 1984. С. 81.

¹⁴⁸ *Сюзюмов М. Я.* Проблемы иконоборчества в Византии. С. 78, примеч. 60: «С нашей точки зрения свободное крестьянство в конце VII и в VIII веке было естественным следствием сложной военной обстановки в Византии. <...> Старое землевладение, владельцы “проастиев” растеряли своих крепостных и свои рабовладельческие хозяйства, а крестьяне, собравшиеся со всех сторон, соединялись в общины, которые и послужили основой для перехода на новую военную систему».

¹⁴⁹ Подробнее см.: *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии IX–X вв. С. 153–160; *Литаврин Г. Г.* Византийское государство в VII–XII вв. С. 110–114.

¹⁵⁰ *Сюзюмов М. Я.* Некоторые проблемы истории Византии // ВИ. 1959. № 3. С. 115.

¹⁵¹ *Stein E.* Introduction à l'histoire et aux institutions byzantines // *Traditio*. 1949–1951. Vol. 7. P. 108–110; *Ostrogorsky G.* L'exarchat de Ravenne et l'origine des thèmes byzantins // VII Corso di cultura sull'arte ravennate e bizantina. Ravenna, 1960. Fasc. 1. P. 105–110; *Ravegnani G.* Gli esarchi d'Italia. Roma, 2011. P. 19–47.

¹⁵² *Brown T. S.* Gentlemen and officers: imperial administration and aristocratic power in Byzantine Italy. P. 82–108; *Бородин О. Р.* Византийская Италия в VII–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991. С. 195–212.

¹⁵³ *Guillou A.* Régionalisme et indépendance dans l'empire byzantin au VIIe siècle. L'exemple de l'Exarchat et de la Pentapole d'Italie. P. 13–14.

¹⁵⁴ *Shahîd I.* Heraclius and the Theme System: New Light from the Arabic // *Byz.* 1987. T. 57. P. 391–406.

¹⁵⁵ Об этих терминах см.: *Sourdel D.* *Djund* // *EI*. 1991. Vol. 2. P. 601–602; *Cahen Cl.* *Djaysh* // *EI*. 1991. Vol. 2. P. 504–509 (и указанную здесь библиографию).

¹⁵⁶ *Shahîd I.* Heraclius and the Theme System: Further Observations. P. 208–243; *Idem.* Heraclius and the Unfinished Themes of Oriens: Some Final Observations // *Byz.* 1994. T. 64. P. 352–376.

¹⁵⁷ О римско-византийской системе обороны в Сирии и Палестине см.: *Isaac B.* The Limits of Empire. The Roman Army in the East. P. 260–268.

¹⁵⁸ См.: *Walmsley A.* Economic Developments and the Nature of Settlement in the Towns and Countryside of Syria – Palestine, ca. 565–800 // *DOP*. 2007. Vol. 61. P. 319–352.

¹⁵⁹ См.: *Haldon J. F.* Byzantium in the seventh century: the transformation of a culture. Cambridge University Press, 1990. P. 208–232.

¹⁶⁰ *Haldon J. F.* Seventh-Century Continuities: the Ajnād and the «Thematic Myth». P. 379–423.

¹⁶¹ См.: *Kaegi W. E.* Byzantium and the early Islamic conquests. Cambridge University Press, 1995. P. 278–281. «Так называемая фемная система – византийские армейские корпуса и военные округа – еще не существовали к началу мусульманского нашествия. Впрочем, если бы они существовали в это время, то, конечно, не помешали бы мусульманским завоеваниям» (Ibid. P. 279).

¹⁶² См.: *Isaac B.* The Limits of Empire. The Roman Army in the East. P. 436–438. Ср.: *Bouchier E. S.* A short history of Antioch 300 B.C. – A.D. 1268. Oxford, 1921. P. 195–203.

¹⁶³ Ср.: *Shahîd I.* Heraclius and the Theme System Revisited the Unfinished Themes of Oriens. P. 31: Джон Хэлдон «имел дело с арабским источником которые он, к сожалению, не читал в оригинале ... Тем не менее, арабские источники обычно говорят Джону Хэлдону то, что Джон Хэлдон хотел бы от них услышать».

¹⁶⁴ В отличие от терминов «теория Острогорского» и «теория Караяннопулоса», в историографии не принято использовать термин «теория Пертузи». Причина состоит в том, что итальянский византинист был далеко не первым исследователем, который утверждал, что «фемная система» возникла гораздо позже правления Ираклия.

¹⁶⁵ См.: *Lilie R.-J.* Die zweihundertjährige Reform. Zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert // BS. 1984. T. 45. Fasc. 1. S. 27–39; *Idem.* Araber und Themen. Zum Einfluss der arabischen Expansion auf die byzantinische Militärorganisation. S. 425–460.

¹⁶⁶ См.: *Lilie R.-J.* Die zweihundertjährige Reform. Fasc. 2. P. 190–201; *Idem.* Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber. Studien zur Strukturwandlung des byzantinischen Staates im 7. und 8. Jahrhundert. München, 1976. S. 29–30, 287–321. По нашему мнению, следует говорить не о военно-административной реформе продолжительностью в 200 лет, а об устойчивой военной политике византийского государства, направленной на создание фемных структур. Отметим также, что данная политика проводилась не только в VIII–IX, но и в X–XI вв.

¹⁶⁷ См.: *Kaegi W. E.* Byzantium and the early Islamic conquests. Cambridge University Press, 1995.

¹⁶⁸ См.: *Тер-Гевондян А. Н.* Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. С. 23–45; *Donner F.* The Early Islamic Conquests. P. 148–156; *Preiser-Kapeller J.* Magister militum per Armeniam (ὁ τῶν Ἀρμενιάκων στρατηγός). Überlegungen zum armenischen Kommando im 6. und 7. Jahrhundert // Wiener Byzantinistik und Neogräzistik : Beiträge zum Symposium «Vierzig Jahre Institut für Byzantinistik und Neogräzistik der Universität Wien im Gedenken an Herbert Hunger» (Wien, 4. – 7. Dezember 2002) / Hrsg. von W. Hörandner, J. Koder, M. A. Stassinopoulou. Wien, 2004. S. 355–361.

¹⁶⁹ См.: *Kaegi W. E.* The First Arab Expedition against Amorium // BMGS. 1977. Vol. 3. P. 19–22. Ср.: *Lilie R.-J.* Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber. S. 63–65.

¹⁷⁰ *Kaegi W. E.* Two Studies in the Continuity of Late Roman and Byzantine Military Institutions // BF. 1982. Bd. 8. P. 87–113.

¹⁷¹ Ср.: *Сюзюмов М. Я.* Некоторые проблемы истории Византии. С. 114: «Борьба за пути развития Византии отмечалась постоянными столкновениями различных прослоек знати в обстановке самой острой внешней опасности как со стороны арабского юго-востока, так и со стороны славянского северо-запада <...> Естественно, что любая прослойка знати не могла добиться устойчивой победы без сильной государственной власти. Вследствие этого борьба проходила в форме стремления овладеть государственным аппаратом и тронном».

¹⁷² См.: *Kaegi W. E.* Some Reconsiderations on the Themes (Seventh-Ninth Centuries). S. 39–53; *Idem.* Byzantine Military Unrest 471–843. P. 186–208.

¹⁷³ См.: *Haldon J. F.* Byzantium at war, A.D. 600–1453. New York, 2003; *Idem.* The Palgrave atlas of Byzantine history. New York, 2005; *Idem.* The Byzantine wars: battles and campaigns of the Byzantine era. History Press, 2009.

¹⁷⁴ См.: *Haldon J. F.* Recruitment and conscription in the Byzantine army c. 550–950. Wien, 1979; *Idem.* Military Service, Military Lands, and the Status of Soldiers. P. 1–67; *Idem.* Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204. London, 1999.

¹⁷⁵ *Haldon J. F.* Byzantium in the seventh century. P. 180–207, 233–244. См. также: *Semenov A.* Über Ursprung und Bedeutung des Amtes der Logotheten in Byzanz // *BZ*. 1910. Bd. 19. S. 440–449; *Hendy M. F.* Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300–1450. Cambridge University Press, 1985. P. 395–420. Ср.: *Guillou A.* Transformation des structures socio-économiques dans le monde byzantin du VIe au VIIIe siècle // *ЗРБИ*. 1980. Кн. 19. P. 71–78.

¹⁷⁶ См.: *Haldon J. F.* Recruitment and conscription in the Byzantine army c. 550–950. P. 74–78. Ср.: *Treadgold W. T.* The Military Lands and the Imperial Estates in the Middle Byzantine Empire. P. 622–630.

¹⁷⁷ См.: *Haldon J. F.* Military Service, Military Lands, and the Status of Soldiers. P. 20–29.

¹⁷⁸ Ср.: «Стратииоты, рекрутируемые из свободных крестьян и варваров-поселенцев, получали от государства за несение воинской службы земельные участки (стратии), которые передавались по наследству <...> термин «фема» стал означать не только отряд, но и самую провинцию. В середине VIII в., когда эмпирически найденный новый порядок (курсив наш. – А. М.) обнаружил свои преимущества, он вводился и в других районах уже как всеобщая система управления. С распространением системы фем восстановление власти империи в провинциях ускорилось». См.: *Литаврин Г. Г.* Византийская империя во второй половине VII–XII в. // *Культура Византии (вторая половина VII – XII в.)* / отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М., 1989. С. 19.

¹⁷⁹ Английские и американские исследователи, по всей видимости, считают иначе. Для них дискуссия о формировании «фемной системы» завершена. Наиболее обоснованной признана весьма спорная теория Дж. Хэлдона. См., например: *Louth A.* Byzantium Transforming (600–700) // *Cambridge history of the Byzantine Empire c. 500–1492*. P. 221, 236–241; *Oxford handbook of Byzantine studies*. P. 554–556, 560–561.

¹⁸⁰ Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Γύρω από την πρώτη μνεία «θεμάτων» στον Θεοφάνη // *Βυζαντικά*. 1995. Τ. 15. Σ. 225–245. Ср.: *Schmitt O.* Untersuchungen zur Organisation und zur militärischen starke Oströmischer Herrschaft im Vorderen Orient zwischen 628 und 633 // *BZ*. 2001. Bd. 94.

Heft 1. S. 197–229; *Haldon J. F.* Trouble with the Opsikon: Some Issues on the First Themata // *Κλητόριον* in memory of Nikos Oikonomides / ed. by F. Evangelatou-Notara, T. Maniati-Kokkini. Athens ; Thessaloniki, 2005. P. 111–135; *Жеков Ж.* Византийские теми – континуитет и дисконтинуитет // *Studia Balcanica*. 2006. Т. 25. С. 116–131.

¹⁸¹ См.: *Lilie R.-J.* Die zweihundertjährige Reform. Fasc. 1. S. 27, Anm. 1.

¹⁸² См.: *Кучма В. В.* Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX – X в. // *Византийские очерки*. М., 1971. С. 86–97; *Лутаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. М., 1977. С. 239–252; *Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ.* Παρακμή και πτώση του θεματικού θεσμού. Σ. 110–112, 130–135; *Svoronos N.* Les nouvelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes. P. 16–40.

¹⁸³ В 1972 г. Н. Икономидис опубликовал критическое издание всех тактиконов средневизантийской эпохи: «Тактикона Успенского», «Тактикона Бенешевича», «Клеторология» Филофея и «Эскуриальского тактикона». См.: *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et XIe siècles. Paris, 1972.

¹⁸⁴ Для изучения военно-административной истории Византии IX–XI вв. большое значение имела публикация Дж. Хэлдоном т. н. военных отрывков «Книги церемоний» Константина Багрянородного. См.: *Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on Imperial Military Expeditions*. Wien, 1990; *Haldon J. F.* Theory and Practice in Tenth-Century Military Administration. P. 201–352. Следует также упомянуть критические издания монастырских актов и типиков: *Actes du Prôtaton* / éd. par D. Papachrysanthou. Paris, 1975; *Actes de Vatopédi. Part 1: Des origines à 1329* / éd. par J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari et al. Paris, 2001; *Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments*. Washington, D.C., 2000.

¹⁸⁵ Прелавский «архив» печатей был найден в 1978 г. во время археологических раскопок столицы Первого Болгарского царства. Уникальный закрытый археологический комплекс состоял из 552 моливдовулов, 222 свинцовых заготовок и трех отливочных форм. Публикация этих

печатей И. Йордановым продолжалась с 1993 по 2009 г., причем до сих пор около 100 булл остаются неизданными из-за плохой сохранности. Отметим также, что точные статистические данные по «архивам» византийских печатей из Севастополя и Судака отсутствуют.

¹⁸⁶ Библиографию трудов по византийской сфрагистике см.: *Seibt W.* Bibliographie sélective de la sigillographie byzantine (avec un aperçu sur l'Orient latin et les pays slaves limitrophes de l'empire byzantin) // *Revue française d'héraldique et de sigillographie*. 1990–1991. T. 60–61. P. 213–254; *Byzantine Seals published between 1986–1991/1992* // *SBS*. 1993. Vol. 3. P. 143–208; *Seals published (1931–1986)* // *SBS*. 1998. Vol. 5. P. 43–201; *Seals published (1991–1996)* // *SBS*. 1999. Vol. 6. P. 71–114; *Seals published (1997–2001)* // *SBS*. 2003. Vol. 8. P. 151–216; *Seals published (2002–2006)* // *SBS*. 2010. Vol. 10. P. 99–154.

¹⁸⁷ См.: *Ферлуца J.* Византиска управа у Далмацији. Београд, 1957; *Falkenhausen V.* Untersuchung über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert. Wiesbaden, 1967; *Blöndal S.* The Varangians of Byzantium. An aspect of Byzantine military history / transl., revised and rewritten by B. S. Benediktz. Cambridge University Press, 1978; *Brandes W.* Finanzverwaltung in Krisenzeiten. Untersuchungen zur byzantinischen Administration im 6. – 9. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 2002; *Cheyne J.-Cl.* La mise en place des thèmes d'après les sceaux: les stratégies // *SBS*. 2010. Vol. 10. P. 1–14.

¹⁸⁸ См.: *Haldon J. F.* Byzantine Praetorians: an administrative, institutional, and social survey of the Opsikion and tagmata, c. 580–900. Bonn, 1984; *Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991.

¹⁸⁹ См.: *Ahrweiler H.* Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe – XVe siècles. Paris, 1966; *Antoniadis-Bibicou H.* Études d'histoire maritime de Byzance à propos du «thème des caraviens». Paris, 1966; *Eickhoff E.* Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie (650–1040). Berlin, 1966; *Pryor J. H., Jeffreys E. M.*

The Age of ΔΡΟΜΩΝ. The Byzantine Navy ca. 500–1204. Leiden ; Boston, 2006.

¹⁹⁰ См.: *Cheyne J.-Cl.* Du stratège de thème au duc: chronologie de l'évolution au cours du XIe siècle // TM. 1985. T. 9. P. 181–194; *Grégoriou-Ioannidou M.* Θέματα et τάγματα. Un problème de l'institution de thèmes pendant les Xe et XIe siècles // BF. 1993. Bd. 19. P. 35–41; *Seibt W.* Ἀρμενικὰ θέματα als terminus technicus der byzantinischen Verwaltungsgeschichte des 11. Jahrhunderts // BS. 1993. T. 54. Fasc. 1. S. 134–141; *Крсмановић Б.* О проблему акумулативне војне власти стратега, моностратега и стратега автократора // ЗРВИ. 2007. Књ. 44. С. 87–117; *Мохов А. С.* Микроструктуры византийской военно-административной системы в X–XI вв.: фема Сервия // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2010. № 3 (79). С. 19–30.

¹⁹¹ См.: *Honigmann E.* Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches: von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles, 1935; *Ramsay W. M.* The historical geography of Asia Minor. New York, 2010; *Tabula Imperii Byzantini.* Wien, 1976–2008. Bd. 1–12. О наиболее значимом проекте по исторической географии Византии «Tabula Imperii Byzantini» см.: *Popović M. S.* The Project Tabula Imperii Byzantini (TIB) of the Austrian Academy of Sciences // Ostkirchliche Studien. 2009. Bd. 58. Heft 2. P. 267–272.

¹⁹² *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византийской империи XI–XII вв. М., 1974; *Kazhdan A., Ronchey S.* L'aristocrazia bizantina dal principio dell'XI alla fine del XII secolo. Palermo, 1997.

¹⁹³ См., например: *Polemis D. I.* The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. London, 1968; *Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975; *Seibt W.* Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie. Wien, 1976.

¹⁹⁴ См.: *Prosopography of the later Roman Empire* / ed. by A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge University Press, 1992. Vol. 3: A.D. 527–641.

¹⁹⁵ См.: *Ludwig Cl.* “Who is Who“ in the Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit? Problem of Identification in the Middle Byzantine Period // *Prosopography approaches and applications: a handbook* / ed. by K. Keats-Rohan. Oxford, 2007. P. 245–248.

¹⁹⁶ См.: Η Μικρά Ασία των θεμάτων. Έρευνες πάνω στην γεωγραφική φυσιогνωμία και προσωπογραφία των βυζαντινών θεμάτων της Μικράς Ασίας (7^{ος} – 11^{ος} αι.). Αθηνά, 1998; Βυζαντινά στρατεύματα στη Δύση (5^{ος} – 11^{ος} αι.). Έρευνες πάνω στις χειρσαίες και ναυτικές επιχειρήσεις: σύνθεση και αποστολή των βυζαντινών στρατευμάτων στη Δύση. Αθηνά, 2008.

¹⁹⁷ См., например, характеристики военной политики императоров второй половины VII – второй половины IX в.: Λεοντσίνη Μ. Κωνσταντίνος Δ' (668–685). Ο τελευταίος πρωτοβυζαντινός αυτοκράτορας. Αθηνά, 2006. Σ. 212–229, 242–249; *Head C.* Justinian II of Byzantium. Madison, 1972. P. 45–52, 80–91; *Rochow I.* Kaiser Konstantin V. (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben. Frankfurt am Main, 1994. S. 32–35, 73–114; *Tobias N.* Basil I, founder of the Macedonian Dynasty. A study of the political and military history of the Byzantine Empire in the Ninth century. Lewiston, 2007. P. 236–250.

Глава 2. Регулярные контингенты византийских вооруженных сил (VII – первая половина IX в.)

¹ Термины «регулярные контингенты», «регулярная армия» обозначают постоянные вооруженные силы, имеющие однородную организацию, способ комплектования, типовое вооружение, порядок и правила прохождения службы, централизованную систему управления и снабжения.

² Вербовка (англ. recruitment; фр. recrutement; нем. Werbung) – одна из форм комплектования армии посредством найма солдат, как правило, на время ведения военных действий или заранее оговоренный срок. См.: *Лазаревич Ю. С.* Вербовка // *Военная энциклопедия*. 1912. Т. 6. С. 315. Лазаревич Юрий Сергеевич (1863 – ?), генерал-майор, военный журна-

лист, переводчик иностранной военно-теоретической литературы, после 1918 г. служил в РККА.

³ *Добровольский А. М.* Воинская повинность // Военная энциклопедия. 1911. Т. 5. С. 625–626. Добровольский Александр Михайлович (1863–1917), генерал-майор, военный юрист, заслуженный профессор Александровской военно-юридической академии.

⁴ Ср.: *Геруа А. В.* Полчища. С. 23: «Наемным армиям... не нужно было ничего, кроме приказа о выступлении. Остальное являлось само собою в силу естественного у профессионалов стремления применить на практике свое ремесло. В ополчениях этот простой способ неприменим: они могут драться... только за понятные им идеалы и дорогие им принципы или близкие каждому из них выгоды».

⁵ *Каждан А. П.* Византийская армия в IX–X веках. С. 18.

⁶ *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. С. 253. См. также: *Его же.* Византийская империя во второй половине VII–XII в. // Культура Византии (вторая половина VII – XII в.). С. 29: «тагма – отряд профессиональных наемников».

⁷ В «Тактике Льва» есть упоминания об отрядах из ἀνδροῶν ἐπιλέκτων в фемных ополчениях. Однако подразделения «отборных воинов» формировались временно, для решения тактических задач. См.: *Leonis VI Tactica*. P. 446.144–147.

⁸ См., например: *Whittow M.* The making of Byzantium, 600–1025. Berkeley, 1996. P. 145: «...the tagmata, guards regiments, which became at this period the élite of the Byzantine land-forces». Сложно понять, как отряды дворцовой стражи («гвардейские полки») одновременно могут быть элитой сухопутных сил. По нашему мнению, терминология, использованная М. Виттоу в подобном сочетании, неприемлема.

⁹ Подробнее см.: *Yannopoulos P.* Le couronnement de l'empereur à Byzance: rituel et fond institutionnel // *Byz.* 1991. Т. 61. Fasc. 1. P. 71–92. Ср.: *Вальденберг В. Е.* Государственное устройство Византии до конца VII в. С. 36–38, 42–43, 60–64.

¹⁰ См.: *Lammert F. Τάγμα* // RE. 1932. Bd. 4 A. HBd. 2. Sp. 2023; ср.: *Grosse R. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung*. S. 192–193.

¹¹ Подробнее см.: *Mihăescu H. Les éléments latins des «Tactica-Strategica» de Maurice-Urbicius et leur écho en néo-grec (II)* // RESEE. 1969. T. 7. No. 1. P. 160. Автор отмечает, что синонимами слова «тагма» являются *voûμερος* и *ἀριθμός* («число, количество»), которые также обозначают часть кавалерийского или пехотного подразделения, а иногда – группу солдат.

¹² *Strategikon des Maurikios*. S. 88.8–9. Ср.: *Leonis VI Tactica*. P. 46.15–16. В обоих случаях *τάγμα* равнозначна другому подразделению – банде (*βάνδον*). Ср.: Тактика Льва. С. 113, примеч. 5: «Тагма – основное тактическое подразделение византийского фемного войска, аналогичное роте в современных армиях». С первой частью этого утверждения следует согласиться. Действительно, банда являлась наименьшим по численности формированием, способным выполнять отдельные боевые задачи. Однако в современных армиях тактической единицей является не рота, а группа из 4–5 бойцов (звено, Fireteam).

¹³ См., например: *Skyl.*, 490.15–16: δύο τάγματα Φραγγικά καὶ Ῥωσικόν. Иоанн Скилица писал о том, что летом 1057 г. в феме Колония находились две тагмы южноитальянских норманнов и одна русских, которые впоследствии примкнули к мятежному войску Исаака Комнина.

¹⁴ См.: *Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи. С. 167–182; *Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung*. S. 17–19; *Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century*. P. 47–66; *Bréhier L. Les institutions de l'empire byzantin*. P. 353–355; *Guilland R. Études sur l'histoire administrative de Byzance: Le Domestique des Scholes* // REB. 1950. T. 8. P. 5–9; *Glykatzis-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe – XIe siècles*. P. 24–32.

¹⁵ *Notitia Dignitatum*. Or. XI.4–10; Oc. IX.4–8. См. также обобщающее исследование по истории «элитных» военных частей Поздней империи: *Frank R. I. Scholae palatinae. The palace guards of the Later Roman Empire*. Rome, 1969. P. 14–15, 52–58.

¹⁶ Theophanes. P. 236.16–20: ὁ βασιλεὺς τῶν ἐπτά σχολαρίων τοὺς καθεζομένους ἐν τῇ Νικομηδεῖᾳ καὶ Κίῳ καὶ Προύσῃ καὶ Κυξίῳ καὶ Κοτυαεῖῳ καὶ Δορυλαίῳ ἀπελθεῖν καὶ καθίσαι ἐν τῇ Θράκῃ, ἐν τε Ἡρακλείᾳ καὶ ταῖς πέριξ αὐτῆς πόλεσιν.

¹⁷ См., например: *Haldon J. F. Byzantine Praetorians*. P. 128.

¹⁸ Степанова, 2006. С. 83–84, № 107: Φωτείνου σχολαρίου β'. Печать из собрания Государственного Эрмитажа.

¹⁹ См.: *Grosse R. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung*. S. 14–15; *Кулаковский Ю. А. История Византии*. Т. 1. С. 78.

²⁰ См.: *Guilland R. La noblesse byzantine. Remarques* // *REB*. 1966. Т. 24. P. 49–52; *Frank R. I. Scholae palatinae*. P. 2; *Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии*. Барнаул, 1991. С. 198.

²¹ См.: *Seeck O. Scholae palatinae* // *RE*. 1921. Bd. 2 A. HbD. 1. Sp. 621–624; *Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284–602*. P. 614–615; *Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии*. С. 139–140, 150–151; *Treadgold W. T. Byzantium and its army, 284–1081*. Stanford University Press, 1995. P. 91–92.

²² *Cameron A. Rev. : Frank R. I. Scholae Palatinae: the Palace Guards of the Later Roman Empire*. Rome: American Academy, 1969 // *Classical Review*. 1972. Vol. 22. Issue 1. P. 138. Например, во время восстания Ника (532) некоторые солдаты из *scholae* и *excubitores* примкнули к мятежникам, но императора защитили *candidati* (παλατίου φρουράν). См.: *Frank R. I. Scholae palatinae*. P. 216.

²³ См.: *Jones A. H. M. The Later Roman Empire*. P. 636–640.

²⁴ См.: *Гуйан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.)*. Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим // *ВВ*. 1964. Т. 24. С. 47.

²⁵ См.: *Frank R. I. Scholae palatinae*. P. 203–204; *Vasiliev A. A. Justin the First. An introduction to the epoch of Justinian the Great*. Harvard University Press, 1950. P. 67–68.

²⁶ *Zacos, Veglery*. Part 1. P. 616, no. 890: Καλλινίκου ἰλλουστρίου καὶ σχολαρίου (известно три экземпляра данной печати). Иллюстрий

(*illustis*, ἰλλούστριος) – высший сенаторский ранг. Подробнее см.: Koch P. Die Byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700. Jena, 1903. S. 34–45.

²⁷ Procopius. Vol. 3. P. 135.19 – 136.10. Некоторые исследователи считают, что Прокопий посчитал за 3 500 схоляриев «старых времен» солдат кавалерийских схол, которые входили в состав полевой армии, а не дворцовой стражи. См. например: Haldon J. F. Byzantine Praetorians. P. 127–128.

²⁸ Procopius. Vol. 3. P. 136.23 – 137.4. Ср.: Frank R. I. Scholae palatinae. P. 219: «От Зенона до Юстиниана правительство получало больше денег от продажи мест в списках scholae, чем платило им жалованья».

²⁹ См.: Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque / rec. B. G. Niebuhrius. Bonn, 1828. P. 309.19 – 311.10. Примечательно, что Агафий, как и Прокопий Кесарийский, писал об утрате схолами боеспособности со времени правления императора Зенона (P. 310.11–19). Подробнее см.: Brooks E. W. The Emperor Zenon and the Isaurians // English Historical Review. 1893. Vol. 8. No. 30. P. 220–221.

³⁰ Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque. P. 310.1–3: ἀλλ' ἐκ τῶν ταγμάτων ἐκείνων ... οὓς δὴ σχολαρίους ἀποκαλοῦσιν; Theophanes. P. 233.17–18. См. также: Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 2. С. 187–189.

³¹ См.: Frank R. I. Scholae palatinae. P. 203–204. Ср.: Croke B. Leo I and the Palace Guard // Byz. 2005. Т. 75. P. 117–151. Б. Кроук считает, что экскувиты долгое время были боевым подразделением. По его мнению, «Лев I не создавал excubitores, он их изменил». В годы правления этого императора (457–474) отряд получил новую командную структуру, а его численность сократилась до 300 человек (p. 151).

³² Zacos, Veglery. Part 1. P. 543, no. 723: Θεοτόκε βοήθει Ζάδωνι σχολαρίω («Богоматерь, помоги Задону схолярию»). Печать VII в. Имя владельца очень редкое, персидского происхождения. См.: PLRE III. P. 1414 (Zadoes). Еще одна печать VII в. с аналогичным изображением принадлежала экскувиту Иоанну. См.: Zacos, Veglery. Part 1. P. 511, no. 642.

³³ Zacos, Veglery. Part 1. P. 681, no. 1041: Θεοδώρου ἑξκουβίτορος, δούλου τῆς Θεοτόκου. Печать VII в.

³⁴ Zacos, Veglery. Part 1. P. 451, no. 497: «Стефана, комита божественных экскувитов». Печать VII в.

³⁵ Zacos, Veglery. Part 1. P. 594, no. 832: «Богоматерь, помоги Георгию, схолярию и экскувитуру».

³⁶ См.: *Speck P.* Byzantinische Bleisiegel in Berlin (West). Bonn, 1986. S. 48, Nr. 20: Ἰωαννου προτήκτωρος («Иоанна протектора»); Zacos, Veglery. Part 1. P. 479, no. 568: Βαλερίου προτίκτορος («Валерия протектора»). Обе печати датируются 550–650 гг.

³⁷ См.: *Frank R. I.* Scholae palatinae. P. 52–58; *Treadgold W. T.* Byzantium and its Army. P. 132.

³⁸ Zacos, Veglery. Part 2. P. 1048, no. 1842. Печать VII в.

³⁹ Zacos, Veglery. Part 2. P. 1253, no. 2279. Первая половина VIII в. Имя владельца этой буллы (Οττέος, Оттеос) очень редкое. Возможно, оно германского происхождения. Издатели моливдовула предлагают другой вариант прочтения пренома – Ὀττέλος.

⁴⁰ Подробнее см.: *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. P. 47–49.

⁴¹ *Грибовский В. М.* Народ и власть в византийском государстве. С. 264: «...императорские преторианцы, в идее предназначавшиеся охранять императора в его столкновениях с народом, а на деле превратившие монарха в игрушку собственного своеволия».

⁴² Там же. С. 265.

⁴³ *Kaegi W. E.* Byzantine Military Unrest. P. 90.

⁴⁴ *Chronicon Paschale / rec. L. Dindorfius.* Bonnae, 1832. Vol. 1. P. 715.9–15. См. также: *Haldon J. F.* Ideology and social change in the seventh century: military discontent as a barometer // *Klio.* 1986. Bd. 68. P. 147–148.

⁴⁵ *De incubatione capita quattuor scripsit L. Deubner.* Lipsiae, 1900. Текст сохранился только в двух рукописях и относится к небольшой группе агиографических сочинений, которые не подверглись позднему редактированию. Подробнее см.: *Delehaye H.* Les recueils antiques des Miracles des Saints // *AB.* 1925. T. 43. P. 38–39.

⁴⁶ По мнению Р. Жанена, церковь Богородицы τῆς Ἐλαίας находилась «на высотах Галаты». См.: *Janin R. Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique.* Paris, 1950. P. 416–417. О сщмч. Ферапонте Кипрском подробнее см.: *Delehaye H. Saints de Chypre //* АВ. 1907. Т. 26. P. 247–249.

⁴⁷ *De incubatione capita quattuor.* P. 128, 16.1–10; 129, 19.5–8.

⁴⁸ *De incubatione capita quattuor.* P. 130, 20.17–21. В тексте упоминается также «стратиот из армян» Стефан (p. 129, 19.1–4), но он не принадлежал к дворцовой страже.

⁴⁹ Подробнее см.: *Cameron A. Circus factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium.* Oxford, 1976. P. 116; *Чекалова А. А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб., 1997. С. 70–71, 77.

⁵⁰ *Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи. С. 180.

⁵¹ *Theophanes.* P. 284.13–16; *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 2. С. 377–378.

⁵² Экскувиты являлись свитой своего командира, комита экскувитов патрикия Приска, командующего византийскими войсками на Востоке. См.: *Chronicon Paschale.* Vol. 1. P. 703.10–11: *Πρίσκος ὁ κόμης τῶν ἐξκουβιτῶρων καὶ στρατηγός Καππαδοκίας* (= *magister militum per Orientem, comes excubitorum*); Житие преподобного Отца нашего Феодора, архимандрита Сикеонского. С. 122: «славнейший патрикий и комит экскувитов Приск». О Приске см.: PLRE IIIB. P. 1052–1057 (Priscus 6).

⁵³ Подробнее см.: *Серов В. В.* Финансовая политика Юстиниана Великого. Новосибирск ; Барнаул, 2011. С. 331–332.

⁵⁴ См.: *Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century.* P. 58–59. Ср.: *Treadgold W. T. Byzantium and its army.* P. 90–95.

⁵⁵ Феодор Сикеот посоветовал Мартину оставить свою пагубную привычку, не сквернословить, «не гневить и не унижать Бога». Однако тот «остался неисправимым и мучительно окончил свою жизнь». См.: Житие преподобного Отца нашего Феодора, архимандрита Сикеонского. С. 130. См. также: PLRE IIIB. P. 848 (Martinus 6): *σχολάριος, λωροτόμος.*

⁵⁶ Житие преподобного Отца нашего Феодора, архимандрита Сикеонского. С. 130–131: «...помутившись рассудком, в полдень и по ночам бродил, бегал и... жестоко бил тех, кто ему попадался... творил много бесчинств и ущерба». См. также: PLRE IIIB. P. 1273 (Theodorus 138).

⁵⁷ Житие преподобного Отца нашего Феодора, архимандрита Сикеонского. С. 18: σχολάριος Θεόδωρος, πατήρ τῆς πόλεως Καταβόλου. Город Катавола (Κατάβολος) находился на берегу Никомедийского залива между Киосом (Κίος, совр. Gemlik, Гемлик) и Элегмами (Ἐλεγμών, совр. Kuşunlu, Куршунлу). В VIII–IX вв. здесь находился один из портов, через который войска переправлялись из Константинополя в Малую Азию. См.: *Papachryssanthou D.* Un confesseur du second iconoclasme. La Vie du patrice Nicétas († 836) // TM. 1968. Vol. 3. P. 321, 329; *Auzépy M.-F., Delouis O., Grégois J.-P. et al.* À propos des monastères de Médikion et de Sakkoudiôn // REB. 2005. T. 63. P. 189, 192 et n. 17–18.

⁵⁸ О муниципальной должности πατήρ τῆς πόλεως (pater civitatis) см.: *Laniado A.* Recherches sur les notables municipaux dans l'Empire protobyzantin. Paris, 2002. P. 167, 221–222.

⁵⁹ *Haldon J. F.* Byzantine Praetorians. Bonn, 1984.

⁶⁰ *Ibid.* P. 119–141, 150–164, 182–190.

⁶¹ *Ibid.* P. 95–118, 164–182. Ср.: Кулаковский Ю. А. К вопросу об имени и истории фемы «Опсикий» // ВВ. 1904. Т. 11. С. 49–62; *Kaegi W. E.* Byzantine Military Unrest. P. 236–238; *Asia Minor*, 1998. P. 163–178.

⁶² Слова τοῦ θεοφυλάκτου βασιλικοῦ Ὀψικίου не являются литературным эпитетом, они составляли часть официальной титулатуры должностных лиц фемы Опсикий. См., например: *Dumbarton Oaks Seals* 3. P. 66, no. 39.31: Κοσμᾶ πατρικίῳ καὶ κόμητι τοῦ θεοφυλάκτου βασιλικοῦ Ὀψικίου («Косьмы, патрикия и комита богохранимого императорского Опсикия»), печать VIII в.; *Dumbarton Oaks Seals* 3. P. 67, no. 39.33: Πετρονᾶ πατρικίῳ καὶ κόμητι τοῦ θεοφυλάκτου βασιλικοῦ Ὀψικίου, печать рубежа VIII–IX вв.

⁶³ Исчерпывающий обзор историографии по ранней истории фемы Опсикий см.: Λεβενιώτης Γ.Α. Obsequentes – privatum obsequium – Obsequium – Obsequion – Opsicion – Ὀψίκιον. Η εξέλιξη ενός τεχνικού

όρου και η πρώτη περίοδος του «θέματος» Οψικίου // ΦΙΛΟΤΙΜΙΑ: Τιμητικός τόμος για την ομότιμη καθηγήτρια Α. Σταυρίδου-Ζαφράκα. Θεσσαλονίκη, 2011. Σ. 361–410.

⁶⁴ Haldon J. F. Byzantine Praetorians. P. 228–235.

⁶⁵ Монография Дж. Хэлдона написана на основе его диссертации, защищенной в 1975 г. («Aspects of Byzantine military administration: the elite corps, the Opsikion, and the imperial tagmata from the sixth to the ninth century»; University of Birmingham, School of History, Byzantine Studies, 1975). Текст диссертации нам недоступен.

⁶⁶ См.: Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 73–121.

⁶⁷ Ibid. S. 71: «Совершенно очевидно, что тагмы, несмотря на небольшие различия, были организованы по общей основной схеме. Также и тагмы, созданные в конце X в., были организованы по одному образцу». Ср.: Haldon J. F. Byzantine Praetorians. P. 282–297.

⁶⁸ См.: Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Παράκληση και πτώση του θεματικού θεσμού. Σ. 50, 126.

⁶⁹ См.: Haldon J. F. Byzantine Praetorians. P. 354–361 (списки командного состава столичных регулярных тагм VIII–IX вв. и фемы Опсикий с 642 по 800 г.). Автор указывает, что его целью было дополнение перечней, составленных Р. Гийаном в 50–60-е гг. (p. 621, n. 1066).

⁷⁰ См.: Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 34, 36. Ссылаясь на мнение австрийского сфрагиста В. Зайбта, автор обвинил Дж. Хэлдона в неточной датировке печатей из собрания Г. Закоса (Zacos, Vegler). Отметим также, что предложенная В. Зайбтом методика датировки печатей с точностью до 10–20 лет, основанная на принципах палеографии, большинством специалистов отвергается.

⁷¹ Справочные разделы работы самого Х.-И. Кюна утратили актуальность уже в год издания книги, так как одновременно была опубликована первая часть собрания византийских печатей из Думбартон Окс (Dumbarton Oaks Seals 1).

⁷² См.: Theophanes. P. 288.14, 438.11.

⁷³ См.: Theophanes. P. 236.17, 437.2.

⁷⁴ Zacos, Veglery. Part 2. P. 943, no. 1630A. В должности пропущена буква, ἐξουβίτορος вместо ἐξκουβίτορος. Печать второй половины VII в.

⁷⁵ Konstantopoulos, JIAN. 1903. Т. 6. P. 57, no. 221: Θεοτόκε, βοήθει Πλωτίνω σχολαρίω («Богоматерь, помоги Плотину школярию»); Zacos, Veglery. Part 1. P. 632, no. 925A: Μαρίνου ἐξκουβίτορος. Обе печати датируются второй половиной VII в.

⁷⁶ Zacos, Veglery. Part 1. P. 590, no. 822, печать второй половины VII в. О военной должности викария (vicarius) известно мало. По мнению Дж. Бьюри, она соответствует более позднему командному посту топотирита (τοποτηρητής), т. е. командиру половины тагмы. См.: Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. P. 51, 58.

⁷⁷ Konstantopoulos, JIAN. 1906. Т. 9. P. 74, no. 152 β. Печать первой половины VIII в.

⁷⁸ Theophanes. P. 376.31 – 377.14. См. также: Lilie R.-J. Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber. S. 116–118.

⁷⁹ Тиана (Τύαννα, Tūwānah, совр. Kemerhisar) находилась в 30 км севернее Киликийских ворот (Πύλαι Κιλικίας) и в 150 км юго-западнее Кесарии Каппадокийской. См.: Hild F., Restle M. Kappadokien (Kappadokia, Charsianon, Sebasteia und Lykandos) // TIB. Wien, 1981. Bd. 2. S. 298–299; Биби́ков М. В. Византийская Каппадокия: основные направления геополитического развития // Каптеревские чтения / отв. ред. М. В. Биби́ков. М., 2008. Вып. 6. С. 8–11.

⁸⁰ Theophanes. P. 411.21–22; 482.3–4. По арабским источникам известно, что на руинах Тианы халиф приказал построить мечеть. См.: Lilie R.-J. Theophanes and Al-Ṭabarī on the Arab Invasions of Byzantium // Al-Ṭabarī: A Muslim Historian and His World / ed. by H. Kennedy. Princeton, N.J., 2008. P. 290.

⁸¹ См.: Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique // Revue des études grecques. 1979. Т. 92. P. 522. Об укреплениях Сиде подробнее см.: Foss Cl. Attius Philippus and the Walls of Side // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1977. Bd. 26. P. 172–180.

⁸² Theophanes. P. 390.26–27. См. также: Foss Cl. Byzantine and Turkish Sardis. Harvard University Press, 1976. P. 60–61, 118–119. Сарды

(Σάοδεις, в 7 км к западу от совр. Salihli), Пергам (Πέργαμον, совр. Bergama).

⁸³ См.: *Lawrence A. W.* A Skeletal History of Byzantine Fortification // *Annual of the British School at Athens*. 1983. Vol. 78. P. 202–203.

⁸⁴ Schlumberger, *Sigillographie*. P. 359, no. 1.

⁸⁵ Zacos, *Veglery*. Part 3. P. 1771, no. 3173: Σεργίω κόμητι σχολῆς ὀγδόης.

⁸⁶ Konstantopoulos, *JIAN*. 1903. T. 6. P. 339, № 371.

⁸⁷ *Laurent V.* Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. Paris, 1952. P. 28, no. 28: Μεγαλονᾶ κανδιδάτῳ σχολῆς ε' (ε' = πέμπτης, «пятой»).

⁸⁸ *Laurent V.* Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Città del Vaticano, 1962. P. 199–200, no. 187: «Христе Боже, помилуй раба своего Мегалона». Происхождение антропонима Мегалона (Μεγαλονᾶς) не установлено. См. также: *PLP*, Nr. 17551: Μεγαλωνας Νικόλαος (XIII в.).

⁸⁹ См.: *Guilland R.* Candidat // *Polychronion*. Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag / Hrsg. von P. Wirth. Heidelberg, 1966. P. 210–211; *Sander E.* Die Kleidung des römischen Soldaten // *Historia*. Zeitschrift für Alte Geschichte. 1963. Bd. 12. Heft 2. S. 153–154; *Frank R. I.* Scholae palatinae. P. 127–129.

⁹⁰ См.: *Вальденберг В. Е.* Государственное устройство Византии до конца VII в. С. 60–63.

⁹¹ См., например: Nikephoros. P. 158, 83.15.

⁹² В Византии IX–XI вв. существовала должность σκριβάς. Эти чиновники подчинялись квестору, а их функции были связаны в основном с ведением переписки между столичными судебными коллегиями и провинциальными судьями. К императорским телохранителям (scribones) они не имели никакого отношения. Подробнее см.: *Kazhdan A. P.* Skribas // *ODB*. P. 1913.

⁹³ *Suidae Lexicon* / rec. I. Bekkeri. Berolini, 1854. P. 962: σκριβων κατὰ Λατίνους ὁ τῶν σωματοφυλάκων ὑπερφερόμεως. См. также: *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire. P. 658–659; *Frank R. I.* Scholae palatinae. P. 217; *Haldon J. F.* Byzantine Praetorians. P. 161–164.

⁹⁴ Например, на лицевой стороне моливдовула М–11818 помещена греческая крестообразная монограмма имени владельца: Ἰσιδώρου («Исидора»), а на оборотной стороне – латинская надпись *scribonos* («скривона»). См.: Степанова, 2006. С. 77–78, № 98. См. также: С. 24, № 10; 33–34, № 26; 65–66, № 80; 89, № 116.

⁹⁵ См.: PLRE IIIA. P. 89 (Anthemius 3).

⁹⁶ Подробнее см.: PmbZ. 2000. Bd. 3. S. 184–185, Nr. 4851 (Martinus I); 2001. Bd. 4. S. 73–74, Nr. 6480 (Σαγολέβα).

⁹⁷ См.: Беляев Д. Ф. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб., 1893. Кн. 2. С. 46 и примеч. 1; Sander E. Die Kleidung des römischen Soldaten. S. 163–165.

⁹⁸ См. например: Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque. P. 171.8–9; Nikephoros. P. 42, 4.17.

⁹⁹ См.: Theophanes. P. 377.31–32, 380.12, 391.4–5, 398.15–16.

¹⁰⁰ См.: Nikephoros. P. 106, 45.11; 112, 45.92–93; 158, 83.15.

¹⁰¹ Treadgold W. T. Byzantium and its Army. P. 92: «Офицеры экскувитов назывались скривоны. Возможно, этот пост был эквивалентен старой должности декуриона кавалерии, так что скривон командовал 30 экскувитами».

¹⁰² Подробнее см.: Haldon J. F. Byzantine Praetorians. P. 129–130, 182–183.

¹⁰³ См.: Koch P. Die Byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700. S. 43–45; Чекалова А. А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII века. М., 2010. С. 89–92.

¹⁰⁴ Haldon J. F. The state and the tributary mode of production. P. 115–116.

¹⁰⁵ Чекалова А. А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. С. 91–92.

¹⁰⁶ Ср.: Haldon J. F. Byzantium in the seventh century. P. 160–172.

¹⁰⁷ Zacos, Vegliery. Part 3. P. 1600, no. 2775: Ἀλεξάνδρου σκρίβωνος; Zacos, Vegliery. Part 2. P. 874–875, no. 1458: Ἠλία σκρίβωνος.

¹⁰⁸ Laurent V. Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. P. 29, no. 30: Θεοδώρῳ κανδιδάτῳ.

¹⁰⁹ Konstantopoulos, JIAN. 1903. T. 6. P. 57, № 223. Печать VIII в.

¹¹⁰ О предикатах βασιλικός, βασιλικοὶ ἄνθρωποι, ἐπὶ τῶν βασιλικῶν подробнее см.: *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. P. 111–113; *Oikonomides, Listes.* P. 290, 328.

¹¹¹ *Zacos, Veglery.* Part 3. P. 1649, no. 2901.

¹¹² Степанова, 2006. С. 26, № 13.

¹¹³ *Zacos, Veglery.* Part 3. P. 1625–1626, no. 2843. Печать с изображением орла на лицевой стороне, датирована 650–750 гг.

¹¹⁴ *Sode Cl.* Byzantinische Bleisiegel in Berlin (II). Bonn, 1997. S. 93–95, Nr. 250–251. Печать VIII в.

¹¹⁵ О титуле ипат (ὑπάτος, consul) подробнее см.: *Oikonomides, Listes.* P. 297. Опубликовано несколько десятков печатей ипатов, императорских спафариев, которые датируются VIII–X вв. Список см.: *Zacos, Veglery.* Part 1. P. 495.

¹¹⁶ Подробнее см.: *Winkelmann F.* Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. S. 44–45.

¹¹⁷ *Zacos, Veglery.* Part 3. P. 1744, no. 3109 bis.

¹¹⁸ О диикитах подробнее см.: *Мохов А. С.* Византийская фамилия Спондилов в XI–XIII вв. // *АДСВ.* 2011. Вып. 40. С. 282.

¹¹⁹ См.: *Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. S. 208; История Византии. Т. 2. С. 167; *Rochow I.* Kaiser Konstantin V. S. 32–35.

¹²⁰ См.: *Haldon J. F.* Byzantine Praetorians. P. 222–223; *Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 68–69.

¹²¹ *Theophanes.* P. 442.26–27; 449.28–29. Ср. *Theoph. cont.* P. 181.16–17: размещение τῶν βασιλικῶν τεσσάρων ταγμάτων в центре боевого порядка, как наиболее боеспособных войск (сражение с арабами при Посонте в 863 г.).

¹²² *Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи. С. 154. См. также: *Gelzer H.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. S. 19.

¹²³ *Кучма В. В.* Военно-теоретическая мысль // *Культура Византии (вторая половина VII – XII в.).* С. 280.

¹²⁴ *Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 68–72.

¹²⁵ *Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи. С. 174.

¹²⁶ Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 39. Отметим использование Х.-И. Кюном своеобразного термина «Elite-τάγματα».

¹²⁷ См.: Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. P. 49–55.

¹²⁸ Мандаторы (μανδάτορες) – курьеры; εὐτυχοφόροι и σκηπτροφόροι, по всей видимости, являлись знаменосцами. Протикторами (προτίκτορες) в ранневизантийское время назывался отряд дворцовой стражи, ликвидированный еще в VI в. Подробнее см.: Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 91; Frank R. I. Scholae palatinae. P. 95–97.

¹²⁹ Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 70–71.

¹³⁰ Подробнее см.: Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М. ; Л., 1957. Т. 4. С. 131–132.

¹³¹ Bibliotheca geographorum Arabicorum. Т. 6. P. 81.

¹³² См.: Haldon J. Kudāma Ibn Dja‘far and the Garrison of Constantinople // Byz. 1978. Т. 48. P. 78–90. Автор считает, что в одной тагме служило не более 1 000–1 500 человек, в четырех тагмах было от 4 до 6 тыс. кавалеристов, что соответствовало численности кавалерийских схол V–VI вв. См. также: Winkelmann F. Probleme der Informationen des al-Ġarmī über die byzantinischen Provinzen // BS. 1982. Т. 43. Fasc. 1. S. 18–29.

¹³³ См.: Treadgold W. T. Remarks on the Work of Al-Jarmī on Byzantium // BS. 1983. Т. XLIV. Fasc. 2. P. 205–212; Idem. Notes on the Numbers and Organization of the Ninth-Century Byzantine Army // GRBS. 1980. Vol. 21. P. 270–277.

¹³⁴ См.: Treadgold W. T. Standardized Numbers in the Byzantine Army // War in History. 2005. Vol. 12. No. 1. P. 2–3. Ср.: Stein E. Introduction à l’histoire et aux institutions byzantines. P. 151: «Общая численность тагм или императорской гвардии до середины IX в. составляла около 16 000 человек, и почти всегда это были наемники из варваров».

¹³⁵ См.: Haldon J. F. Byzantine Praetorians. P. 341–342.

¹³⁶ См.: Treadgold W. T. Byzantium and its army. P. 31.

¹³⁷ *Haldon J. F.* Byzantine Praetorians. P. 92. Ср.: *Kaegi W. E.* The Byzantine Armies and Iconoclasm // BS. 1966. Vol. XXVII. Fasc. 1. P. 52–56.

¹³⁸ См.: *Haldon J. F.* Ideology and social change in the seventh century. P. 188–189; *Idem.* The state and the tributary mode of production. P. 128.

¹³⁹ Nikephoros. P. 120, 52.1–4: «...начались сильные мятежи против императоров, и восторжествовали тираны, которые, пренебрегая и империей, и столицей, привели в упадок дела, так что разрушено было образование и рухнула военная организация (τὰ τακτικὰ διελύετο). Враги беспрепятственно нападали на ромейскую державу, опустошали города, убивали или уводили людей».

¹⁴⁰ *Herrin J.* The Context of the Iconoclastic Reform // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies / ed. by A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 17–18.

¹⁴¹ *Сюзюмов М. Я.* Проблемы иконоборчества в Византии. С. 71. Ср.: *Auzépy M.-F.* State of emergency (700–850) // Cambridge history of the Byzantine Empire. P. 291: благодаря реформам императоров-иконоборцев «империя превратилась в значительную балкано-анатолийскую державу, продолжая усиливаться за счет эффективной финансовой и налоговой системы».

¹⁴² *Сюзюмов М. Я.* Проблемы иконоборчества в Византии. С. 71. О других концепциях иконоборчества см.: *Brubaker L., Haldon J.* Byzantium in the Iconoclast Era, c. 680–850 : a history. P. 69–89.

¹⁴³ *Сюзюмов М. Я.* Проблемы иконоборчества в Византии. С. 71.

¹⁴⁴ *Brandes W.* Pejorative Phantomnamen im 8. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Quellenkritik des Theophanes und deren Konsequenzen für die historische Forschung // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie : Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur / Hrsg. von L. M. Hoffmann. Wiesbaden, 2005. S. 124.

¹⁴⁵ *Ibid.* S. 99–107.

¹⁴⁶ Theophanes. P. 413.4–10. Ср.: Лк 21.9–11: «Когда же услышите о войнах и смятениях, не ужасайтесь, ибо этому надлежит быть прежде; но не тотчас конец. Тогда сказал им: восстанет народ на народ, и царство на

царство; будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба».

¹⁴⁷ Theophanes. P. 404.18–30, 412.6–14. Ср.: Nikephoros. P. 128, 59.1–15; 130–132, 63.4–16. По мнению И. С. Чичурова, «Феофан не воспринимает “Хронографию” как нечто целое, в котором все взаимосвязано, что приводит к неосознанным повторам, вносящим, порой, противоречия в повествование». См.: Чичуров И. С. К проблеме авторского самосознания византийских историков IV–IX вв. // Античность и Византия / отв. ред. Л. А. Фрейберг. М., 1975. С. 214.

¹⁴⁸ Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Refutatio et eversio deliramentorum inscite et impie ab irreligiosi Mamonaе vaniloquentia dictorum adversus salutarem Dei verbi incarnationem / ed. A. Mai // PG. T. 100. Col. 496B – 497A (далее – Nikephoros, Antirrheticus III). См. также: Stathakopoulos D. Crime and Punishment. The Plague in the Byzantine Empire, 541–749 // Plague and the end of antiquity: the pandemic of 541–750 / ed. by L. K. Little. New York, 2007. P. 104.

¹⁴⁹ См.: Theophilus of Edessa’s Chronicle and the circulation of historical knowledge in late antiquity and early Islam / transl. with an introd. and notes by R. G. Hoyland. Liverpool, 2011. P. 6–10. Ср.: Brooks E. W. The sources of Theophanes and the Syriac chroniclers // BZ. 1906. Bd. 15. P. 578–587.

¹⁵⁰ См. например: Theophanes. P. 405.27–30: во время неудачного арабского похода на Никею в 726 г. передовой отряд состоял из 15 тыс. воинов, за ним шли основные силы численностью 85 тыс. человек. Theophanes. P. 411.14–24: в 740 г. халиф отправил против Византии четыре армии численностью 90 тыс. воинов, часть этих сил была уничтожена императорскими войсками при Акроине (Ἀκροῖνόν, совр. Afyonkarahisar).

¹⁵¹ Theophanes. P. 482.2–3: Μαυροφόρων καὶ Συρίας καὶ Παλαιστίνης καὶ Λιβύης χιλιάδων τ’. Эти «несметные полчища» в 806 г. привел на территорию Византии Харун ар-Рашид. Отметим, что для войска такой численности необходимо было, как минимум, 500 тыс. лошадей, верблюдов и других вьючных животных. Оставляя в стороне вопрос о том, каким образом халиф собирался прокормить свое воинство, можно ут-

верждать, что обратный путь большинству его солдат пришлось бы пройти пешком. По свидетельствам арабских источников, также явно преувеличенным, при Харун ар-Рашиде армия Халифата составляла 135 тыс. воинов. См.: *Kennedy H.* The Decline and fall of the First Muslim Empire // *Der Islam*. 2004. Vol. 81. Issue 1. P. 14–15.

¹⁵² Theophanes. P. 424.3–7: разгром силами морской фемы Кивирреотов арабского флота из тысячи дромонов в гавани Κερραιμία на побережье Карики в 746 г.; Theophanes. P. 446.26–27: Константин V отправил к болгарскому побережью флот из 2 тыс. хеландий (773/774).

¹⁵³ Подробнее см.: *Cameron A.* Circus factions. P. 137.

¹⁵⁴ Theophanes. P. 405.1–14. См. также: *Лопарев X. М.* Византийские Жития святых VIII–IX веков // ВВ. 1910. Т. 17. С. 47–55.

¹⁵⁵ См.: *PmbZ*. 2000. Bd. 2. S. 430–431, Nr. 3539.

¹⁵⁶ *Успенский К. Н.* Очерки по истории Византии. С. 239. См. также: *Auzépy M.-F.* La destruction de l'icône du Christ de la Chalcé de Léon III: Propagande ou réalité? // *Byz.* 1990. Т. 60. P. 472–476.

¹⁵⁷ Об Артавазде (Ἀρτάβασδος) см.: *PmbZ*. S. 202–204, Nr. 632.

¹⁵⁸ Theophanes. P. 413.28 – 414.2; Nikephoros. P. 134, 64.36–38.

¹⁵⁹ В хронике патриарха Никифора сообщается, что после захвата Константинополя Артавазд приказал расправиться с βασιλικὴ ὑπηρεσία, но это были придворные евнухи и прислуга, не имевшие отношения к военной сфере. См.: Nikephoros. P. 134, 64.34–36. Ср.: Theophanes. P. 415.16–17.

¹⁶⁰ Theophanes. P. 413–421; Nikephoros. P. 132–138. См. также: *Treadgold W. T.* The Missing Year in the Revolt of Artavasdos // *JÖB*. 1992. Bd. 42. S. 87–93; *Speck P.* Das letzte Jahr des Artabasdos // *JÖB*. 1995. Bd. 45. S. 37–52.

¹⁶¹ Многие живописные «подробности» этой осады являются плодом фантазий турецкого путешественника и писателя XVII в. Эвлии Челеби. Подр. см.: *Canard M.* Les expéditions des Arabes contre Constantinople dans l'histoire et dans la légende // *Journal Asiatique*. Т. 208. No. 1. P. 80–94. Ср.: *Brooks E. W.* The Campaign of 716–718, from Arabic Sources // *JHS*. 1899. Vol. 19. P. 19–31.

¹⁶² Подробнее см.: *Stathakopoulos D.* *Famine and pestilence in the late Roman and early Byzantine empire: a systematic survey of subsistence crises and epidemics.* Aldershot, 2004. P. 377–379, no. 216.

¹⁶³ Theophanes. P. 415.2–3: πρὸς Θεοφάνην τον πατρίκιον καὶ μάγιστρον ἐκ προσώπου ὄντα ἐν τῇ πόλει.

¹⁶⁴ Theophanes. P. 415.15: στρατόπεδον πρὸς φυλακὴν τῆς πόλεως.

¹⁶⁵ Nikephoros. P. 136, 66.7–8: ἐπὶ τῶν πυλῶν φύλακας.

¹⁶⁶ Феофан Мону́т (ὁ Μονώτης – «одноухий») являлся главой влиятельной группировки столичной бюрократии. См.: *Rochow I.* *Kaiser Konstantin V. S. 242, Nr. 65.* Дальнейшая судьба его сына, стратига Фракии Никифора, неизвестна. См.: *PmbZ*, 2000, Bd. 3. S. 364, Nr. 5261.

¹⁶⁷ Theophanes. P. 420.24–27.

¹⁶⁸ Theophanes. P. 420.27 – 421.2.

¹⁶⁹ См.: *Сюзюмов М. Я.* Проблемы иконоборчества в Византии. С. 71–72. Ср.: *Koutrakou N.-C.* *La propagande impériale byzantine: persuasion et réaction (VIIIe – Xe siècles).* Athènes, 1994. P. 91–93.

¹⁷⁰ См.: *Rochow I.* *Kaiser Konstantin V. S. 74–75.*

¹⁷¹ В конце VII – начале VIII в. Фракийский был турмой фемы Анатолик. Создание самостоятельной фемы Фракийский относится к 740/741 г. См.: *Asia Minor*, 1998. P. 201–204.

¹⁷² Nikephoros. P. 136, 66.24–25; Theophanes. P. 421.3–6 (Σισίννιον τὸν πατρίκιον καὶ στρατηγὸν τῶν Θρακησίων). См. также: *Rochow I.* *Kaiser Konstantin V. S. 237, Nr. 59.*

¹⁷³ Theophanes. P. 422.11–18; Nikephoros. P. 138, 67.1–4. Область Дулихия (Δουλιχία) локализуется между современным турецким городом Газиантеп (Gaziantep) и западным берегом Евфрата; руины крепости Дулук (Τελούχ, Dulük) находятся в северном пригороде Газиантепа. См.: *Asa Eger A.* *The spaces between the teeth: a gazetteer of towns on the Islamic-Byzantine frontier.* Istanbul, 2012. P. 64–67.

¹⁷⁴ Подробнее см.: *Haldon J. F.* *Byzantine Praetorians.* P. 228–235; *Treadgold W. T.* *Byzantium and its army.* P. 96–101; Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Παράκλησις καὶ πτώσις του θεματικού θεσμού. Σ. 165–167.

¹⁷⁵ Ср.: *Rochow I.* *Kaiser Konstantin V. S. 32.*

¹⁷⁶ Chronique de Michel le Syrien. Т. 2. Р. 521–522. Камаха (Κάμαχα, совр. Kamah) – крепость на южном берегу р. Карасу-Евфрат, в 150 км северо-восточнее Мелитены и в 200 км западнее Феодосиополя. О борьбе Византии и арабов за контроль над Камахой, которая продолжалась с 679 по 872 г. см.: *Honigmann E.* Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches. S. 56–57; *Тер-Гевондян А. Н.* Армения и Арабский халифат. С. 99–101.

¹⁷⁷ *Brooks E. W.* Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids. 1900. Р. 731–732.

¹⁷⁸ Theophanes. Р. 429.19–25; Nikephoros. Р. 142, 70.1–5. Через 150 лет Продолжатель Феофана будет прославлять доместика схол Иоанна Куркуаса, взявшего Мелитину в мае 934 г. Он провозгласит эту победу важнейшим событием правления Романа I Лакапина (920–944). См.: Theoph. cont. Р. 416–417.

¹⁷⁹ Кризис привел к падению династии Омейядов и приходу к власти Аббасидов. Подробнее см.: *Kennedy H.* The prophet and the age of the caliphates. The Islamic Near East from the sixth to the eleventh century. Harlow, 2008. Р. 112–122; *Большаков О. Г.* История халифата. М., 2010. Т. 4. С. 280–291.

¹⁸⁰ *Brooks E. W.* Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids. 1900. Р. 732–733. Ср.: Theophanes. Р. 430.9–14. О крепостях Мопсуестия (Μοψουεστία, совр. Misis) и Адана (τὰ Ἀδανὰ, совр. Adana) см.: *Hild F., Hellenkemper H.* Kilikien und Isaurien // TIB. Wien, 1990. Bd. 5. 1. Teil. S. 154–158, 351–359.

¹⁸¹ По сообщению ат-Табари, на восстановление Мелитены и размещение в городе постоянного гарнизона из Хорасана (!) было потрачено 80 тыс. динаров. См.: *Brooks E. W.* Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids. 1900. Р. 732.

¹⁸² *Honigmann E.* Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches. S. 43–45; *Robert J., Robert L.* Bulletin épigraphique. Р. 523.

¹⁸³ См.: *Lawrence A. W.* A Skeletal History of Byzantine Fortification. Р. 177–178. Локализацию византийских крепостей см.: *Hild F., Restle M.* Kappadokien. S. 223–224, 261–262.

¹⁸⁴ См.: *Коледаров П. С.* Отбранителната и граничната система на България от 681 до 1018 г. // Военно-исторически сборник. 1978. № 3. С. 112–116; *Rashev R.* Remarks on the archaeological evidence of forts and fortified settlements in tenth-century Bulgaria // *Borders, barriers, and ethnogenesis. Frontiers in late Antiquity and the middle Ages* / ed. by F. Curta. Turnhout, 2005. P. 56–57.

¹⁸⁵ См.: *Beševliev V.* Die Feldzüge des Kaisers Konstantin V. gegen die Bulgaren // *Études Balkaniques*. 1971. Т. 7. No. 3. P. 5–6.

¹⁸⁶ Theophanes. P. 412.6–14. Пренет (Πραίνετος, совр. Karamürsel, Карамюрсель), небольшой город на южном берегу Никомедийского залива, в 35 км юго-западнее Никомедии. В источниках IX–XI вв. упоминается как место переправы войск из Константинополя в Малую Азию. См.: *Bithynie au Moyen Âge* / éd. par B. Geyer, J. Lefort. Paris, 2003. P. 403–404.

¹⁸⁷ Theophanes. P. 412.16–20. Название дикератий (τὰ δικέρατα, «два кератия») обозначало ставку нового налога. Кератий (κέρατιον) равнялся 1/24 части золотой номисмы или 1/2 части серебряного милиарисия. Соответственно, жители городов должны были ежегодно платить по одному милиарисию. Подробнее см.: *Hendy M. F.* *Studies in the Byzantine Monetary Economy*. P. 238, 286.

¹⁸⁸ См.: *Rochow I.* Kaiser Konstantin V. S. 73–87; *Brubaker L., Haldon J.* *Byzantium in the Iconoclast Era* (ca 680–850). The sources: an annotated survey. Aldershot, 2001. P. 17–18.

¹⁸⁹ См.: Theophanes. P. 440.15–24. См. также: *Van Millingen A.* *Byzantine Constantinople: the walls of the city and adjoining historical sites*. London, 1899. P. 98–100.

¹⁹⁰ См.: *Златарски В. Н.* История на българската държава през средните векове. Т. 1. Ч. 1. С. 239–240. Ср.: *Коледаров П.* Политическа география на средновековната Българска държава. София, 1979. Ч. 1. С. 11–14 и карта № 4.

¹⁹¹ Подробнее см.: *Гильфердинг А. Ф.* История сербов и болгар // Собрание сочинений А. Ф. Гильфердинга. СПб., 1868. Т. 1. Ч. 2. С. 33–36; *Златарски В. Н.* История на българската държава през средните векове.

Т. 1. Ч. 1. С. 257–307; *Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България (VII–XIV век). София, 1999. С. 112–120. Обобщение результатов исследований см. в фундаментальной монографии немецкого историка Д. Зиманна: *Zieman D.* Vom Wandervolk zur Großmacht. Die Entstehung Bulgariens im frühen Mittelalter (7. – 9. Jh.). Köln, 2007. S. 213–228.

¹⁹² См.: *Жеков Ж.* Стратегията на унищожението в българо-византийските военни конфликти VII–IX в. // Военно-исторически сборник. 2005. № 2. С. 26–27; *Sophoulis P.* Byzantium and Bulgaria, 775–831. Leiden ; Boston, 2012. P. 92–95.

¹⁹³ В византийском флоте VIII–IX вв. было два основных типа кораблей. На боевых судах (δρόμωνες, дромон), помимо команды, находились небольшие отряды пехоты (τοξόται) и метательные машины (τοξοβαλίστραи). Для перевозки кавалерии использовались транспортные корабли различного водоизмещения (χελάνδια, хеландия). Подробнее см.: *Pryor J. H., Jeffreys E. M.* The Age of ΔΡΟΜΩΝ. P. 166–167, 379, 403.

¹⁹⁴ Theophanes. P. 432.29 – 433.1; 447.30 – 448.2; Nikephoros. P. 148, 76.7–11.

¹⁹⁵ Через 300 лет герцогу Нормандии Вильгельму для перевозки в Англию своего войска (от 7 до 10 тыс. воинов) потребовалось 776 кораблей. См.: *Van Houts E. M.* The Ship List of William the Conqueror // Anglo-Norman Studies X. 1988. P. 180–182.

¹⁹⁶ В середине VIII в. Длинные стены (Μακρόν τεῖχος, Ἀναστασίου τεῖχη), как непрерывная оборонительная линия от Силиврии (Σηλυμβρία, совр. Silivri, Силиври) на берегу Мраморного моря до крепости св. Георгия (Ἅγιος Γεώργιος, совр. Ormanlı, Орманлы) на берегу Черного моря, уже не существовала. Феофан использует слова «дошли до Длинные стен» как метафору, обозначающую «дошли до предместий Константинополя». О Длинные стенах подробнее см.: *Croke B.* The Date of the «Anastasian Long Wall» in Thrace // GRBS. 1982. Vol. 23. P. 59–78; *Külzer A.* Ostthrakien (Eurōpē) // TIB. Wien, 2008. Bd. 12. S. 507–509.

¹⁹⁷ Theophanes. P. 429.25–30.

¹⁹⁸ Theophanes. P. 431.7–11. О локализации ущелья Верегава (κλεισοῦρας Βερεγάβων, Βερεγάβα, совр. Ришки проход) см.: *Soustal P.*

Thrakien (Thrakē, Rodopē und Haimimontos) // TIB. Wien, 1991. Bd. 6. S. 202. Ср.: *Шкорпил К.* Стратегически постройки в черноморската област на балканския полуостров // BS. 1931. Т. 3. Fasc. 1. С. 15–16.

¹⁹⁹ См.: *Brandes W.* Pejorative Phantomnamen im 8. Jahrhundert. S. 97. Помимо включения в текст «Хронографии» новых эпизодов, В. Брандес указывает на другие примеры «редактирования» источника (S. 99–107). Имена военачальников Константина V изменялись, иногда к именам добавлялись уничижительные прозвища. При упоминании самого императора либо добавлялись различные эпитеты («безумный», «безбожный», «кровожадный»), либо целые, унижающие его, фразы. См., например: Theophanes. P. 448.9–10: легковерный император, познавший болгарское коварство, от досады рвал на себе седые волосы.

²⁰⁰ Theophanes. P. 431.3–6. Место сражения точно не локализуется. Возможно, речь идет о реке Мелас (Μέλας, совр. Karasu, Карасу), левом притоке крупнейшей в Малой Азии реки Галис (Ἄλυσ, совр. Kızılırmak, Кызылырмак). См.: *Hild F., Restle M.* Kappadokien. S. 233.

²⁰¹ См.: *Lilie R.-J.* Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber. S. 170.

²⁰² Theophanes. P. 376.13–29. См. также: *Ziemann D.* Vom Wandervolk zur Großmacht. S. 216–217.

²⁰³ См.: *Мохов А. С.* Ведомство дрома (οξύς δρόμος) в X–XI вв. // BB. 2011. Т. 70 (95). С. 30–31. См. также: PmbZ. 2000. Bd. 3. S. 11–12, Nr. 4306.

²⁰⁴ См.: *Dujčev I.* Markellai – Marcellae. Un toponyme latin méconnu // RESEE. 1966. Т. 4. No. 3–4. P. 371–375; *Beševliev V.* Zwei Versionen bei Theophanes und Nikephoros dem Patriarchen // RESEE. 1971. Т. 9. No. 3. S. 363–367.

²⁰⁵ Место сражения локализуется в долине р. Мочурица, в 7 км западнее современного г. Карнобат и в 50 км западнее Бургаса. О крепости Маркеллы (Μαρκέλλαи) см.: *Шкорпил К.* Стратегически постройки в черноморската област на балканския полуостров. С. 15–16; *Soustal P.* Thrakien. S. 348–349.

²⁰⁶ Nikephoros. P. 144, 73.7–20.

²⁰⁷ См.: Nikephoros, Antirrheticus III. Col. 509A, 512B. Ср.: Nikephoros. P. 144, 73.5–9.

²⁰⁸ Nikephoros, Antirrheticus III. Col. 508A–B.

²⁰⁹ См.: *Koutrakou N.-C.* La propagande impériale byzantine. P. 107.

²¹⁰ Феофан утверждает, что сражение длилось целый день. Только к вечеру болгары обратились в бегство. См.: Theophanes. P. 433.4–10.

²¹¹ Nikephoros. P. 148–150, 76.11–24. Феофан также писал о расправе над пленными болгарами и о пышном триумфе, устроенном в Константинополе. См.: Theophanes. P. 433.10–14. См. также: *Ziemann D.* Vom Wandervolk zur Großmacht. S. 219–220.

²¹² В византийском обществе победы Константина V над болгарами воспринимались как справедливая месть за многолетние безнаказанные набеги на Фракию. См.: *Rochow I.* Kaiser Konstantin V. S. 95–96.

²¹³ Не исключено, что Никифор проецировал на время правления Константина V обычную для периода его патриаршества практику оставлять тысячи византийских солдат во вражеском окружении, без всякой помощи и надежды на спасение. Достаточно вспомнить судьбу шеститысячного гарнизона Сердики (Софии), уничтоженного болгарами хана Крума весной 809 г. См.: Theophanes. P. 485.4–7; *Niavis P. E.* The reign of the Byzantine Emperor Nicephorus I (802–811). Athens, 1987. P. 192, 296–297.

²¹⁴ Nikephoros. P. 156, 82.17–19. Феофан также удостоил этот случай своего внимания; он утверждал, что император лично вытаскивал мертвых из моря. См.: Theophanes. P. 437.23–24.

²¹⁵ Theophanes. P. 447.31, 448.1 («кавалерия»); 445.25, 446.3 («кавалерийские фемы», т. е. отряды кавалерии).

²¹⁶ Nikephoros. P. 148, 76.9–10 («конное войско»); 156, 82.10 («конница»).

²¹⁷ О болгарской тактике см.: *Фехер Г.* Военное дело на прабългарите // Военна библиотека. София, 1938. № 98. С. 95–97. Автор считает, что у болгар VII–VIII вв. была военная стратегия, так как они одерживали победы не «грубой силой и численным превосходством». Далее Г. Фехер перечисляет типичные тактические приемы кочевой кавалерии: использование засад, притворные бегства, ночные нападения и пр.

²¹⁸ Theophanes. P. 438.10–11: Στρατήγιος, σπαθάριος καὶ δομέστικός τῶν ἐκσκουβίτων. См. также: PmbZ. 2001. Bd. 4. S. 273, Nr. 7130.

²¹⁹ Theophanes. P. 442.25–26: Ἀντωνίου, πατρικίου καὶ δομεστίκου τῶν σχολῶν.

²²⁰ Theophanes. P. 447.4–26. См. также: Ziemann D. Vom Wandervolk zur Großmacht. S. 231–233.

²²¹ Верзития (τὴν Βερζιτίαν, Βερζήται) – один из районов компактного проживания славян (склавиния, σκλαβηνία) в западной части Македонии, локализуется между Фессалоникой и Скопье. См.: Свод древнейших письменных сведений о славянах / сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин (отв. ред.), В. К. Ронин. М., 1995. Т. 2. С. 321, примеч. 402.

²²² Nikephoros. P. 148, 75.1–5; Theophanes. P. 432.27–29. Река Артана (Ἀρτάνας) впадала в Черное море у крепости Шиле (Χηλῆ, совр. Şile), в 50 км восточнее устья Босфора. См.: Bithynie au Moyen Âge. P. 318.

²²³ Theophanes. P. 447.17. По непонятным причинам Феофан считал главным признаком начала военного похода на Восток не выступление войск, а переправу через проливы императорской свиты. Ср.: Theophanes. P. 462.11–12.

²²⁴ Место сражения (τὰ Λιθοσώρια) не поддается точной локализации. Известно, что во Фракии была крепость Λιθοπρόσωπον, расположенная на северном ответвлении от дороги Via militaris, ведущем от Аркадиополя (Ἀρκαδιούπολις, совр. Lüleburgaz, Люлебургаз) к Визии (Βιζύη, совр. Vize, Визе). См.: Külzer A. Ostthrakien. S. 288–289, 325.

²²⁵ Theophanes. P. 447.25–26: τὸν πόλεμον τοῦτον ἐπυνόμασεν εὐγενῇ. Отметим, что Феофан очень редко пересказывал слова Константина V. В данном случае это мог быть отрывок из речи, произнесенной императором перед войском или перед жителями столицы на очередном силенции.

²²⁶ Theophanes. P. 447.19–21: καὶ ἐπισωρεύσας τοὺς ταξάτους τῶν θεμάτων καὶ τοὺς Φρακησιάνους καὶ ἐνώσας τοῖς τάγμασι τοὺς ὀπτιμάτους ἐποίησεν αὐτοὺς π' χιλιάδας.

²²⁷ См.: Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Ο μόνιμος στρατιωτικός πυρήνας των βυζαντινών θεμάτων // Εγνατία. 1990. Т. 2. Σ. 232–233.

²²⁸ Названия этих подразделений фемы Фракисий происходят от наименований легионов (Βίκτορες, лат. Victrix, «победоносный»; Θεοδοσιακοί, лат. Theodosiani, «Феодосиев»). По подсчетам У. Тредголда, численность данных отрядов составляла 1 600 человек. См.: *Treadgold W. T. The Byzantine revival, 780–842. Stanford University Press, 1988. P. 29–30.*

²²⁹ См.: *Haldon J. F. Byzantine Praetorians. P. 96–100.*

²³⁰ См.: *Kountoura E. New Fortresses and Bishoprics in 8th century Thrace // REB. 1997. T. 55. P. 279–287.*

²³¹ Подробнее см.: *Mango C., Ševčenko I. Three inscriptions of the reigns of Anastasius I and Constantine V // BZ. 1982. Bd. 65. P. 385–386 and Fig. 1b; Soustal P. Thrakien. S. 145–146; Симеонова Л. Диагонален път – рядко използваният път на балканското Средновековие // Mediaevalia. 2005. Кн. 5. С. 1–7.*

²³² *Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 68.*

²³³ Подробнее см.: *Treadgold W. T. Standardized Numbers in the Byzantine Army. P. 3–4.*

²³⁴ См.: *Lilie R.-J. Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. (780–802). Mit einem Kapitel über Leon IV. (775–780) von I. Rochow. Frankfurt am Main, 1996. S. 9–12.*

²³⁵ См.: *Speck P. Kaiser Konstantin VI. Die Legitimation einer fremden und der Versuch einer eigenen Herrschaft. München, 1978. S. 72–73.*

²³⁶ Theophanes. P. 449.12–13.16–17: στρατεύματα τε ἐποίησε κατὰ θέμα πολλὰ καὶ τὰ τάγματα ἐπηύξησεν. Судя по упоминанию патриарха Никифора о том, что в конце жизни сокровищница Константина V была переполнена золотом, финансовых проблем его преемник не испытывал. См.: *Nikephoros. P. 160, 85.12–13.*

²³⁷ Theophanes. P. 449.28–30: τῶν θεμάτων καὶ τῆς συγκλήτου καὶ τῶν ἔσω ταγμάτων καὶ τῶν πολιτῶν πάντων καὶ ἐργαστηριακῶν.

²³⁸ См.: *Lilie R.-J. Theophanes and Al-Ṭabarī on the Arab Invasions of Byzantium. P. 297.*

²³⁹ Подробнее см.: *Сюзюмов М. Я. Проблемы иконоборчества в Византии. С. 72–73. Основную библиографию работ по данной проблеме см.:*

Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. С. 14–24.

²⁴⁰ Theophanes. P. 437.2–3; 442.27. Ср.: Nikephoros, Antirrheticus III. Col. 556A: среди водивших компанию с еретиками было множество солдат, торговцев и нищих, которые вместе с «императорскими людьми» творили страшные злодеяния.

²⁴¹ О политических противоречиях среди бывших военачальников Константина V см.: *Speck P. Kaiser Konstantin VI. S. 123–127.*

²⁴² См. о нем: *PmbZ. 1999. Bd. 1. S. 168, Nr. 531.*

²⁴³ Theophanes. P. 456.10: Ἀντώνιον τὸν δομέστικον σὺν τοῖς τάγμασιν.

²⁴⁴ *Brooks E. W. Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids. P. 738.* Крепость Магида (Μαγίδων, Negīde, совр. Niğde, Нигде) защищала дорогу из Кесарии Каппадокийской во внутренние районы Малой Азии. См.: *Hild F., Restle M. Kappadokien. S. 234–244.*

²⁴⁵ Точная численность арабской армии известна по сумме жалования, выплаченного участникам похода. См.: *Brooks E. W. Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids. P. 738.* Византийские силы У. Тредголд оценивал в 50 тыс. воинов фемных контингентов и 14 тыс. солдат регулярных войск. См.: *Treadgold W. T. The Byzantine revival. P. 67–68.*

²⁴⁶ Ни в одном источнике не сообщается, кто победил в этом бою. Авторы исторических хроник указывают только число погибших с византийской стороны (от 5 до 15 тыс. воинов), а потом сообщают о поспешном отступлении арабов к границе. Локализация места сражения также невозможна. См.: Theophanes. P. 456.6–9; *Chronique de Michel le Syrien. T. 3. P. 2.*

²⁴⁷ *Chronique de Michel le Syrien. T. 3. P. 2:* арабская армия была наголову разбита и бежала с позором. Ср.: Theophanes. P. 456.5–6.19–20. Наколия (Νακώλεια, совр. Seyitgazi, Сеитгази) располагалась в 40 км юго-восточнее Дорилея. Арабам она была необходима как пункт снабжения основных сил. Локализацию см.: *Belke K., Mersich N. Phrygien und Pisidien // TIB. Wien, 1990. Bd. 7. S. 344–346.*

²⁴⁸ Крепость Βανής упоминается только в хронике Феофана, ее точное местоположение неизвестно. Вероятно, она находилась на южном бере-

гу озера Σόφων (другое название Βαάνη λίμνη, Софон, Ваан, совр. Saranca, Сапанджа) и защищала дорогу из Никомедии в Дорилей. См.: Theophanes. P. 456.10–11; Bithynie au Moyen Âge. P. 214–215.

²⁴⁹ Chronique de Michel le Syrien. Т. 3. Р. 2. Сангарий (Σαγγάριος совр. Sakağa, Сакаръя), вторая по протяженности после Галиса река Малой Азии, отделяла Вифинию (фему Опсикий) от Анатолика и Вукеллария. «Озеро и гора», упомянутые Михаилом Сирийцем имели одинаковое название – Σόφων.

²⁵⁰ Theophanes. P. 456.11–12: Τατζάτιος ὁ τῶν Βουκελλαρίων στρατηγός. См. о нем: PmbZ. 2001. Bd. 4. S. 320–321, Nr. 7241.

²⁵¹ Theophanes. P. 456.11–22.

²⁵² Brooks E. W. Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids. P. 738–739. Следует отметить, что большую часть этих условий императрица Ирина выполнять не собиралась. Во всяком случае, дани Халифату империя не платила, что впоследствии стало поводом для нового арабского вторжения. Подробнее см.: Lilie R.-J. Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber. S. 174.

²⁵³ Вместо рассказа о сражениях ат-Табари описывает поединок, в котором арабский военачальник Йазид (Yazid b. Mazyad) тяжело ранил коми-та Опсикия Никиту. Так как византийский стратиг в источниках больше не упоминается, возможно, он умер от полученных ран. См.: PmbZ. 2000. Bd. 3. S. 412–413, Nr. 5405.

²⁵⁴ Chronique de Michel le Syrien. Т. 3. Р. 2.

²⁵⁵ Армянский хронист VIII в. следующим образом объясняет действия Тачата: «Царица, мать Константина, с пренебрежением обходилась с ним, почему он и обратился к властителю Исмаила, видя войска исмаильские, окруженные греками, требовал у них клятвенной грамоты для возвращения в отечество, за что обещал избавить их от осады и дать им возможность пройти на родину». См.: История халифов вардапета Гевонда. С. 110. Тачат Андзеваци был представителем нахарарского рода. Его отец Григор Андзеваци бежал из Армении в Византию при Константине V. После возвращения на родину Тачат служил арабам. В 785 г. он

умер от жары во время похода против хазар. Подробнее см.: *Тер-Гевондян А. Н.* Армения и Арабский халифат. С. 110–111.

²⁵⁶ О последствиях войны 782 г. см.: *Treadgold W. T.* The Byzantine revival. P. 70; *Lilie R.-J.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. S. 153–155; *Tritle L. A.* Tatzates Flight and the Byzantine-Arab Peace Treaty of 782 // *Byz.* 1977. Т. 47. P. 299–300: «Фемные генералы утратили желание и способность вести свои армии на войну».

²⁵⁷ Подробнее см.: *PmbZ.* 2000. Bd. 2. S. 283–284, Nr. 3055 (Ιωάννης); *PmbZ.* 2001. Bd. 4. S. 187–189, Nr. 6880 (Σταυράκιος); *PmbZ.* 1999. Bd. 1. S. 32–33, Nr. 106 (Αέτιος).

²⁵⁸ Дворец Элевтерион (τὰ Ἐλευθερίου) был построен в южной части Константинополя, на берегу Мраморного моря. Подр. см.: *Janin R.* Constantinople byzantine. P. 130–131.

²⁵⁹ См.: *Haldon J. F.* Byzantine Praetorians. P. 233–234.

²⁶⁰ *Theophanes.* P. 454.12–21: Κωνσταντῖνός τε, ὁ τοῦ βικαρίου σπαθάριος καὶ δομέστικος τῶν ἐκσκουβιτόρων. По мнению П. Шпека, которое поддержали другие исследователи, τοῦ βικαρίου σπαθάριος означает «сын викария, спафарий», а не должность «викарий спафариев». См.: *Speck P.* Kaiser Konstantin VI. S. 506 и. А. 67. Опубликованы печати VIII в., принадлежавшие Константину, императорскому спафарию и domestiку экскувитов. См.: *Zacos, Veglery.* Part 3. P. 1738, no. 3095 a–b.

²⁶¹ *Theophanes.* P. 454.12–25. См. также: *Lilie R.-J.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. S. 79–80; *PmbZ.* 2000. Bd. 3. S. 365–366, Nr. 5267 (ке-сарь Никифор); S. 409–410, Nr. 5403 (новелиссим Никита).

²⁶² *Theophanes.* P. 461.19–21: ὁ δὲ λαὸς τῶν σχολαρίων τε καὶ ἐκσκουβιτόρων καὶ τῶν λοιπῶν ταγμάτων ὑποβληθεὶς ἐκ τῶν οἰκείων ἀρχότων. В исследовательской литературе данный эпизод из «Хронографии» принято считать недостоверным. Подр. см.: *Speck P.* Kaiser Konstantin VI. S. 389–397.

²⁶³ Подробнее см.: *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. С. 23–24. О «напряженности» ситуации красноречиво свидетельствует фраза из Деяний Второго Никей-

ского собора: «Когда эта толпа вдоволь накричалась, был уже, приблизительно, шестой час. Тогда томимые голодом бунтовщики разошлись по домам и восстание утихло». См.: Mansi. Vol. 12. Col. 991A.

²⁶⁴ Theophanes. P. 462.11–12: ἡ βασιλικὴ ὑπουργία καὶ ἡ κόρτη. О терминах βασιλικὴ ὑπουργία и βασιλικὴ ὑπηρεσία подробнее см.: Мохов А. С. К вопросу об эволюции придворных должностей в Византии X–XI вв.: domestik и пургии // ПОЛЕМОЛОГОС : сб. ст. памяти проф. В. В. Кучмы. Волгоград, 2012. С. 295–305.

²⁶⁵ Theophanes. P. 462.5–19; Lilie R.-J. Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. S. 62–64.

²⁶⁶ По сведениям арабских источников, подтвержденных свидетельством Михаила Сирийца, в 786–787 гг. между империей и Халифатом происходили только незначительные пограничные столкновения. См.: Brooks E. W. Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids. P. 740; Chronique de Michel le Syrien. T. 3. P. 2.

²⁶⁷ Mansi. Vol. 12. Col. 991B–D.

²⁶⁸ Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / éd. par C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 81.45–47, 74 et n. 25.

²⁶⁹ О дальнейшей судьбе «приспешников Константина» писал патриарх Никифор. По его словам, после изгнания из Константинополя они примкнули к «манихеям». Позже, при Льве V они вернулись в столицу и сбили императора с «истинного пути». См.: Nikephoros, Antirrheticus III. Col. 525D. Отметим, что достоверность этой истории весьма сомнительна.

²⁷⁰ Подробнее см.: Foss Cl. Byzantine Malagina and the Lower Sangarius // Anatolian Studies. 1990. Vol. 40. P. 161–183.

²⁷¹ Арабы знали об огромных ресурсах, собранных в районе Малагины и неоднократно пытались добраться до них. Успех сопутствовал мусульманам только в 798 г., когда небольшой отряд турок-наемников сумел захватить множество лошадей и другого имущества. Феофан специально упоминал, что кони принадлежали не только императрице Ирине, но и

логофету дрома Ставракию. См.: Theophanes. P. 473.24–27; *Brooks E. W.* Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids. P. 741–742.

²⁷² См.: Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on imperial military expeditions. P. 80–81. Аплекта (ἄπληκτα, τὸ ἄπληκτον φοσσάτον; «укрепление, укрепление со рвом») – комплекс объектов тылового обеспечения императорской армии. О происхождении термина см.: *Mihăescu H.* Les éléments latins des «Tactica-Strategica» de Maurice-Urbicius et leur écho en néo-grec // RESEE. 1969. Т. 7. No. 1. P. 158. О византийских аплектах впервые упоминает ал-Джарми. См.: *Bibliotheca geographorum Arabicorum.* 1889. Т. 6. P. 81–82.

²⁷³ О последствиях расформирования регулярных войск см.: *Haldon J. F.* Byzantine Praetorians. P. 234–235; *Lilie R.-J.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. S. 82–83.

²⁷⁴ *Winkelmann F.* Quellenstudien zur herrschenden Klasse von Byzanz im 8. und 9. Jahrhundert. Berlin, 1987. S. 183.

²⁷⁵ Петр погиб 26 июля 811 г. в битве в Вырбицком ущелье. См.: Theophanes. P. 491.6; *Lilie R.-J.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. S. 128, Nr. 47.

²⁷⁶ В 802 г. «богоненавистные Трифиллии» (τῶν θεοστυγῶν Τριφυλλίων) предали свою покровительницу и сыграли ключевую роль в перевороте Никифора I. Никиту вскоре отравили слуги нового императора, а Сисиний был убит 26 июля 811 г. в битве в Вырбицком ущелье. См.: Theophanes. P. 479.10–11; 491.6–7; *PmbZ.* 2000. Bd. 3. S. 420–421, Nr. 5426 (Νικήτας Τριφύλλιος); *PmbZ.* 2001. Bd. 4. S. 163, Nr. 6795 (Σισίννιος Τριφύλλιος).

²⁷⁷ См. например: Theoph. cont. P. 15.19: περατικὰ τάγματα; 142.7–14: τῶν περατικῶν ταγμάτων. Помимо термина περατικὰ τάγματα в источниках встречается термин περατικὰ θέματα (ператические фемы), который используется для обозначения пяти больших фем Малой Азии: Опсикий, Анатолик, Фракисий, Армениак и Кивирреоты.

²⁷⁸ *Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи. С. 175–180. Ср.: *Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 92.

²⁷⁹ Пера (Πέρα, Γαλατᾶς, Галата, совр. Beyoğlu, Бейоглу) – район, расположенный между проливом Босфор и заливом Золотой Рог. Соответственно, термин περατικὰ означает «расположенный за пределами, за городскими стенами». См.: *Janin R. Constantinople byzantine*. P. 423–424.

²⁸⁰ Крепость и монастырь св. Маманта (Ἅγιος Μάμας, Διπλοκίωνιον, совр. Beşiktaş, Бешикташ) находились на западном берегу Босфора. Во время осады Константинополя в 742–743 гг. здесь располагалась ставка Константина V. Укрепление Перама (Πέραμα) защищало переправу через Золотой Рог и район Арсенала. См.: *Theophanes*. P. 419.12–13; *Külzer A. Ostthrakien*. S. 512.

²⁸¹ Крепость Стронгилон (Στρογγύλον, совр. Zeytinburnu, Зейтинбурну) была построена при Константине V. Именно здесь этот император умер 14 сентября 775 г. См.: *Theophanes*. P. 448.17–19; *Külzer A. Ostthrakien*. S. 662–663. О районе Эвдомон (Ἐβδομον, совр. Bakırköy, Бадыркёй) см.: *Van Millingen A. Byzantine Constantinople*. P. 316–341.

²⁸² *Theophanes*. P. 462.17–18.

²⁸³ Подр. см.: *Haldon J. F. Byzantine Praetorians*. P. 236–245. Обзор исследовательских работ по истории тагмы арифмов см.: *Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert*. S. 104–106.

²⁸⁴ *Theophanes*. P. 466.4–5: Ἀλέξιον τὸν σπαθᾶριον καὶ δρουγγάριον τῆς βίγλας, τὸ ἐπὶ κλην Μουσουλέμ.

²⁸⁵ *Theophanes*. P. 467.20–27. Алексей Моселе (Муселе, Μωσηλέ, Μουσελέ) был армянином по происхождению. Его патроним происходит от армянского имени Мушел (Мушер). См. о нем: *PmbZ*. 1999. Bd. 1. S. 58–59, Nr. 193; *Charanis P. The Armenians in the Byzantine Empire*. Lisbon, 1963. P. 23–25.

²⁸⁶ В источниках тагма арифмов (τάγμα τῶν ἀριθμῶν) обозначается также терминами тагма виглы (τάγμα τῆς βίγλας), арифмы (ἀριθμός), вигла (βίγλα). Подробнее см.: *Mihăescu H. Les éléments latins des «Tactica-Strategica» de Maurice-Urbicius et leur écho en néo-grec // RESEE*. 1968. T. 6. No. 3. P. 496; 1969. T. 7. No. 1. P. 161–162. Общее значение этих терминов – «часовые, охрана».

²⁸⁷ См.: *Haldon J. F. Byzantine Praetorians*. P. 241, 510, n. 642.

²⁸⁸ См.: *Haldon J. F.* The state and the tributary mode of production. P. 195. По мнению автора, в конце VIII – начале IX в. императорском окружении и, особенно, в придворной гвардии появляется множество «беспринципных провинциалов», готовых исполнить любой приказ ради высокого жалования и продвижения по службе.

²⁸⁹ Theophanes. P. 480.15–18.29. О Вардане Турке (Βαρδάνης ὁ Τοῦρκος) см.: *Бартикян Р. М.* Провозглашенный в 803 г. византийским императором стратилат Востока патрикий Вардан – этнический турок? // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 87–97.

²⁹⁰ До конца X в. использовались два названия должности: друнгарий виглы и друнгарий арифмов. См. например: *Iosephi Genesii regum libri quattuor* P. 58.8–9: δρουγγάριος τοῦ ἀριθμοῦ ἦτοι τῆς βασιλικῆς βίγλης.

²⁹¹ См.: *Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 105.

²⁹² Подробнее см.: *Guilland R.* Contribution à l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. Le Drongaire et le Grand Drongaire de la Veille // BZ. 1950. Bd. 43. P. 340–344.

²⁹³ См.: *Мохов А. С.* «Страж» или «казначей»? Состав византийской императорской свиты по данным военных трактатов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 104–105.

²⁹⁴ О Михаиле Лаханодраконе (Μιχαήλ ὁ Λαχανοδράκων) см.: *Brandes W.* Pejorative Phantomnamen im 8. Jahrhundert. S. 103–108; PmbZ. 2000. Bd. 3. Nr. 5027. По мнению В. Брандеса «стратиг Михаил Лаханодракон не знал своего прозвища, которое было придумано после его смерти одним из иконофилов» (S. 108). Немецкий византинист указывает, что слово Λαχανοδράκων является составным (Λάχανον, Δράκων) и означает «горчичное семя Антихриста».

²⁹⁵ В источниках не упоминается о том, что ближайшее окружение Константина VI состояло из военачальников, занявших высшие должности в восточных фемах при Константине V. Например, патрикий Михаил Меллссин жил в Константинополе как частное лицо. Его сестра Евдокия,

третья жена Константина V и мать будущего патриарха Феодота Мелисина (815–821), пользовалась при дворе гораздо большим влиянием, чем бывший стратиг Анатолика. О Михаиле Мелисине (Μιχαήλ ὁ Μελισσηνός) см.: PmbZ. 2000. Bd. 3. S. 274–275, Nr. 5028. Ср.: *Lilie R.-J.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. S. 84–85.

²⁹⁶ См.: *Андреев Й., Пантев А.* Българските ханове и царе. Велико Търново, 2004. С. 43–44; *Ziemann D.* Vom Wandervolk zur Großmacht. S. 235–237.

²⁹⁷ Theophanes. P. 467.6–12. Προβάτου κάστρου (совр. Провадия), располагался в 40 км западнее Варны и в 35 км юго-восточнее Плиски, тогдашней столицы Болгарии. См.: *Soustal P.* Thrakien. S. 415–416.

²⁹⁸ Theophanes. P. 467.27 – 468.7. См. также: *Lilie R.-J.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. S. 124, Nr. 8; 126, Nr. 34; 127, Nr. 41; 129, Nr. 53; 130, Nr. 61.

²⁹⁹ Иоанникий служил в 18-й банде тагмы экскувитов. В Житии говорится о том, что в битве при Маркеллах он проявил чудеса храбрости, убил множество врагов, включая «страшного видом» болгарина, спас императора и своих товарищей, заслужил высокую награду. Подробнее см.: *Mango C.* The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians // *Okeanos. Essays presented to Ihor Ševčenko on his sixtieth birthday by his colleagues and students* / ed. by C. Mango, O. Pritsak. Cambridge, 1984. P. 393–404. О св. Иоанникии см.: PmbZ. 2000. Bd. 2. S. 379–383, Nr. 3389.

³⁰⁰ Theophanes. P. 468.7–9. См. также: *Lilie R.-J.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. S. 87.

³⁰¹ См.: *Haldon J. F.* Some Remarks on the Background to the Iconoclast Controversy // *BS.* 1977. Т. 38. Fasc. 2. P. 182–184 («эффективное правление» – термин Дж. Хэлдона). Ср.: *Rochów I.* Kaiser Konstantin V. S. 123–126.

³⁰² См.: *Niavis P. E.* The reign of the Byzantine Emperor Nicephorus I. P. 112–118.

³⁰³ Theophanes. P. 486.23–26: προσέταξε στρατεύεσθαι πτωχοὺς καὶ ἐξοπλίζεσθαι παρὰ τῶν ὁμοχόρων, παρέχοντας καὶ ἀνὰ

ὀκτωκαίδεκα ἡμίους νομισμάτων τῷ δημοσίῳ, καὶ ἀλληλεγγύως τὰ δημόσια. Подробнее см.: *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. Hildesheim, 1960. S. 129–130.

³⁰⁴ О принудительном призыве в тагму схол при Никифоре I упоминается в сочинении Περὶ τοῦ σχολαρίου (ВНГ 2311), одном из вариантов Жития прп. Николая Студита. Подробнее см.: *Афиногенов Д. Е.* Повесть о Николае Воине: семейная этиологическая легенда? // Индоевропейское языкознание и классическая филология X. СПб., 2006. С. 9–12.

³⁰⁵ Theophanes. P. 482.25–29. См. также: *Kaegi W. E.* Byzantine Military Unrest. P. 247.

³⁰⁶ Theophanes. P. 485.14 – 486.8.

³⁰⁷ Мятёж в Армениаке произошел в 792 г. Феофан писал, что Константин VI не ограничился увольнениями со службы, денежными штрафами и конфискацией имущества. Желая унижить стратиотов из Армениака, он распорядился доставить в столицу тысячу бунтовщиков, поставить на лбу каждого из них клеймо Ἀρμενιάκος ἐπίβουλος («армянский заговорщик») и отправить в ссылку на Сицилию. В отместку за это архонты Армениака на следующий год сдали арабам крепость Камаха, завоеванную при Константине V. См.: Theophanes. P. 469.10–17; *Charanis P.* The Armenians in the Byzantine Empire. P. 16.

³⁰⁸ Nikephoros, Antirrheticus III. Col. 492A, C–D. Использование Никифором термина βασιλικαὶ ῥόγαι весьма показательно. В VIII–IX вв. ругу (ῥόγα) получал только командный состав регулярных тагм и фемных ополчений. Рядовым воинам она не полагалась, так как они не имели придворных титулов. Стратиотам выплачивался ситерисий (σιτηρέσια). Однако у термина «императорская руга» были также другие значения: «пожертвование, подарок, подачка». Подробнее см.: *Mihăescu H.* Les éléments latins des «Tactica-Strategica» de Maurice-Urbicius et leur écho en néo-grec // RESEE. 1969. T. 7. No. 1. P. 166.

³⁰⁹ См.: *Savvides A. G.* A prosopographical note on the Hikanatoi of Byzantium: from military term to family surname // BMGS. 2001. Vol. 25.

Р. 221–222. Термин *ικανῶτοι* происходит от слова *ικανός* («даровитый, способный, одаренный»).

³¹⁰ Родителями Никиты были будущий император Михаил Рангаве (Μιχαήλ ὁ Ραγγαβέ) и Прокопия, дочь Никифора I. После отречения отца от престола в 813 г. Никита был пострижен в монахи под именем Игнатия. В 847–858 и 867–877 гг. он был патриархом Константинополя. Подробнее см.: PmbZ. 2000. Bd. 2. S. 177–183, Nr. 2666.

³¹¹ См.: Haldon J. F. *Byzantine Praetorians*. P. 245–246, 611, n. 1028. Ср.: Kühn H.-J. *Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert*. S. 116–117.

³¹² Dujčev I. *La chronique byzantine de l'an 811* // TM. 1965. Vol. 1. P. 210.6–8: καὶ τῶν ἀρχόντων τὰ τέκνα ἀπὸ δεκαπέντε τυγχάνοντα ἐτῶν καὶ ἐπάνω, οὓς καὶ ἐποίησεν ἐταιρείαν τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ, ἐπονομάσας αὐτοὺς ἱκανάτους.

³¹³ Върбицкое ущелье (Върбишки проход) находится в долине р. Камчия (Тича), в 50 км юго-западнее Плиски, в 5 км северо-западнее Маркелл. См.: Soustal P. *Thrakien*. S. 494.

³¹⁴ Theophanes. P. 491.4–14. Подробнее см.: Sophoulis P. *Byzantium and Bulgaria, 775–831*. P. 212–214. О потерях сторон см.: Treadgold W. T. *The Byzantine revival*. P. 174.

³¹⁵ Theophanes. P. 491.10–12: καὶ τῶν ταγμάτων οἱ ἄρχοντες, ὃ τε τοῦ ἐκσκουβίτου δομέστικος, καὶ ὁ δρουγγάριος τῆς βασιλικῆς βίγλας.

³¹⁶ Dujčev I. *La chronique byzantine de l'an 811*. P. 214.70–74. О патрикии Петре см.: PmbZ. 2000. Bd. 3. S. 606, Nr. 6046.

³¹⁷ Theophanes. P. 492.2–8. О Стефане см.: PmbZ. 2001. Bd. 4. S. 254, Nr. 7057.

³¹⁸ Dujčev I. *La chronique byzantine de l'an 811*. P. 216.87–88: «Высокомерие и самонадеянность императора Никифора были причиной его собственной смерти и гибели всей силы римлян... За это он заслужил вечное проклятие».

³¹⁹ Theophanes. P. 501.3–12.

³²⁰ См.: Koutrakou N.-C. *La propagande impériale byzantine*. P. 187–188. По мнению автора, в «культе» Константина V прослеживаются черты

народных верований о святых воинах Димитрии и Феодоре Стратилате (Р. 379).

³²¹ Версиникия (Βερσινικία, совр. Маломирово), местность в 80 км севернее Адрианополя. См.: *Soustal P.* Thrakien. S. 205.

³²² Theophanes. P. 501.3–12. Подробный анализ источников о битве при Версиникии см.: *Sophoulis P.* Byzantium and Bulgaria, 775–831. P. 234–245. Ср.: *Жеков Ж.* Стратегията на унищожението в българо-византийските военни конфликти VII–IX в. С. 28–29.

³²³ Leonis Grammatici Chronographia / rec. I. Bekker. Bonnae, 1842. P. 339.20–21: καὶ συνεισῆλθον ὃ τε μάγιστρος καὶ ὁ μέγας δομέστικος καὶ οἱ λοιποὶ πατρίκιοι. См. также: *Haldon J. F.* Byzantine Praetorians. P. 242; *Niavis P. E.* The reign of the Byzantine Emperor Nicephorus I. P. 58–59.

³²⁴ Подробнее см.: *Guilland R.* Études sur l'histoire administrative de Byzance: Le Domestique des Scholes. P. 436–448.

³²⁵ Zacos, Veglery. Part 2. P. 1162, no. 2092: Χριστέ, βοήθει τῷ δούλῳ Κυρίλλου μανδάτορος τοῦ ἐξκουβίτου («Христе, помоги своему рабу Кириллу мандатору экскувитов»). Печать была оттиснута дважды, из-за этого часть легенды повторяется. Булла датируется второй половиной VIII в.

³²⁶ Konstantopoulos, JIAN. 1906. T. 9. P. 79, no. 187α.

³²⁷ См.: *Winkelmann F.* Quellenstudien zur herrschenden Klasse von Byzanz im 8. und 9. Jahrhundert. S. 68–69. О Мануиле, военачальнике первой половины IX в., см.: *PmbZ.* 2000. Bd. 3. S. 136–141, Nr. 4707.

³²⁸ Zacos, Veglery. Part 2. P. 1185–1186, no. 2144 a–b: Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Λέοντι βασιλικῷ σπαθαρίῳ καὶ δρουγγαρίῳ τῆς θεοφυλάκτου βασιλικῆς βίγλας («Богоматерь, помоги своему рабу Льву, императорскому спафарии и друнгарию богохранимой императорской виглы»). Печать VIII в.

³²⁹ Zacos, Veglery. Part 2. P. 1270–1271, no. 2314. Печать VIII/IX в.

³³⁰ Zacos, Veglery. Part 2. P. 1005, no. 1757. Печать первой половины IX в.

³³¹ Zacos, Veglery. Part 3, P. 1727, no. 3075: Κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Ἀμβρῳ βασιλικῷ σπαθαρίῳ καὶ τοποτηρητῇ τοῦ

ἐξκουβίτου («Господи, помоги своему рабу Амбросу, императорскому спафарию и топотириу экскувитов»). Печать VIII в.

³³² Zacos, Veglery. Part 2. P. 1046, no. 1837: Κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Κωνσταντίνῳ βασιλικῷ στρατοῦ καὶ τοποτηρητῇ τοῦ ἐξκουβίτου («Господи, помоги своему рабу Константину, императорскому стратору и топотириу экскувитов»). Печать VIII в., в легенде присутствуют грамматические ошибки.

³³³ Zacos, Veglery. Part 2. P. 1188, no. 2146: Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Λέοντι βασιλικῷ σπαθαρίῳ καὶ τοποτηρητῇ τῶν ἐξκουβίτων («Богоматерь, помоги своему рабу Льву, императорскому спафарию и топотириу экскувитов»). Печать VIII/IX в.

³³⁴ Zacos, Veglery. Part 2. P. 1016. no. 1780. Издатели датировали печать 750–850 гг.

³³⁵ Zacos, Veglery. Part 2. P. 972, no. 1690: Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Ἀχιλλίῳ τοποτηρητῇ τοῦ ἀριθμοῦ («Богоматерь, помоги своему рабу Ахиллию, топотириу арифмов»). Печать VIII в.

³³⁶ См.: *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. S. 69, 130. Ф. Дёльгер писал, что в фемах хартуларии появились в первой половине IX в., после завершения процесса учета стратиотских земельных участков. Хартуларии тагм, по мнению немецкого византиста, имели отношение к набору солдат регулярных отрядов. Не исключено, что возникновение этой должности связано с «реформами» Никифора I.

³³⁷ О Михаиле II см.: *PmbZ.* 2000. Bd. 3. S. 252–259, Nr. 4990.

³³⁸ До второй половины IX в. этерия не являлась боевым подразделением, ей была поручена охрана императорского дворца (φύλακες, παλατίου φρουράν). Подробнее см.: *Oikonomides, Listes.* P. 327–328. Х.-И. Кюн называет этот отряд дворцовой стражи *Fremdenlegion* («иностранный легион»). По-видимому, из-за того, что в этерии служили иностранные наемники. См.: *Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 68.

³³⁹ Византия иконоборческого времени не была единственной страной, где принадлежность к «неофициальному» вероучению могла негативно сказаться на судьбе человека. У арабов господствующее религиозное направление также насаждалось весьма жесткими методами. Об этом свидетельствует, в частности, случай из жизни арабского географа ал-Джарми, произошедший в 845 г.: «При выкупе присутствовал человек... который испытывал пленных во время выкупа; кто из них признавал сотворенность Корана и отрицал возможность видеть Аллаха (в загробном мире), того выкупали и обходились с ним хорошо; а кто отказывался, его оставляли в земле румов». Так как ал-Джарми долгое время провел в византийском плену и не знал, как правильно отвечать на вопросы, его едва не отправили обратно к грекам. Цит. по: *Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература*. С. 131.

³⁴⁰ М. Я. Сюзюмов кратко, но весьма точно, характеризовал это время: «вакханалия расхищения казны и военный разгром». См.: *Сюзюмов М. Я. Проблемы иконоборчества в Византии*. С. 73.

³⁴¹ Theoph. cont. P. 53.15–18: ἐντεῦθεν καὶ δοῦλοι κατὰ δεσποτῶν καὶ στρατιώτης κατὰ ταξέωτου καὶ λοχαγὸς κατὰ στρατηγέτου τὴν χεῖρα φωνῶσαν καθώπλιζεω, καὶ πᾶσα τέως ἡ Ἀσία βυθιζομένη κατέστενεν («Поднял слуга руку на господина, стратиот на командира, лохаг на стратига, и застонала вся Азия, залитая кровью»). Подробнее о восстании см.: *Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии*. СПб., 1900. Ч. 1. С. 21–43; *Lemerle P. Thomas le Slave* // *TM*. 1965. Vol. 1. P. 292–293.

³⁴² Подробнее см.: *Stavridou-Zafraka A. Slav Invasions and the Theme Organization in the Balkan Peninsula* // *Βυζαντιακά*. 1992. Т. 12. Р. 167–179.

³⁴³ Oikonomides, *Listes*. P. 47.15 (ὁ πατρίκιος καὶ δομέστικος τῶν σχολῶν); 49.21 (ὁ πατρίκιος καὶ δομέστικος τῶν ἐξκουβίτων); 51.4 (ὁ πατρίκιος καὶ δρουγγάριος τῶν ἀριθμῶν); 53.2 (ὁ δομέστικος τῶν ἱκανάτων).

³⁴⁴ Oikonomides, *Listes*. P. 61.6.

Глава 3. Византийская военно-административная система в середине VIII – середине IX в.: период «классической» фемы

¹ См. например: *Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи. С. 158–167, 187–193; *Vogt A.* Basile Ier, empereur de Byzance (867–886) et la civilisation byzantine à la fin du IXe siècle. Paris, 1908. P. 338–373; *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. P. 39–47; *Успенский К. Н.* Очерки по истории Византии. С. 145–152; *Glykatzis-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe – XIe siècles. P. 2–24.

² См.: *Καλομενόπουλος Ν.* Ἡ Συμβολή τῆς Κρήτης εἰς τὸν ἀγῶνα // Διαλέξεις τῆς Εθνικῆς Εκατονταετηρίδος (1830–1930). Εν Αθήναις, 1930. Σ. 181–182. Следует отметить, что в византийской литературе периода «фемного строя», по понятным причинам, не сформировался образ благородного воина-пахаря, подобного древнеримскому Цинциннату. Герой византийского эпоса Дигенис Акрит не утруждал себя землепашеством, простотой и скромностью он также не отличался.

³ Подробнее см.: *Brooks E. W.* Arabic Lists of Byzantine Themes // JHS. 1901. Vol. XXI. P. 67–77; *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература. С. 124–132, 147–150, 160–162, 223–226.

⁴ *Успенский Ф. И.* Византийская табель о рангах // ИРАИК. 1898. Т. 3. С. 98–137.

⁵ Там же. С. 130. В другой работе автор посчитал необходимым найти для византийских придворных титулов и должностей современные ему аналоги. См.: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. 1913. Т. I. С. 793, примеч. 1: «Чтобы несколько приблизиться к современной чиновной иерархии, можем чин спафария принять за полковничий, протоспафария за генерал-майорский, патрикия за полный генеральский».

⁶ См.: *Constantini Porphyrogeniti De ceremoniis.* Vol. 1. P. 702–798; *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. P. 131–170. Κλητορολόγια была составлена в сентябре 899 г. импера-

торским протоспафарием и артоклином Филофеем. Ibid. P. 702.7–8: Φιλοθέου βασιλικοῦ πρωτοσπαθαρίου καὶ ἀτρικλίνου).

⁷ Benešević V. N. Die byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei (De Cer, I. II c. 52) und nach den Jerusalemer Handschriften zusammengestellt und revidiert // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. 1926–1927. Bd. 5. Heft 1–2. S. 115–129. См. также: Острогорский Г. Тактикон Успенског и Тактикон Бенешевића. О времени њиховог постанка // ЗРВИ. 1953. Књ. 2. С. 39–59.

⁸ См.: Oikonomides, Listes. P. 281–363; Winkelmann F. Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. Faktoren und Tendenzen ihrer Entwicklung. S. 29–68. Основную библиографию см.: Кънев Н. Византийският ѡерархичен модел от IX–XI в. (Общ вид на системата на средновизантийската рангова ѡерархия и видове ѡерархии във Византия през IX–XI в.) // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 142–163.

⁹ Oikonomides, Listes. P. 45–47, 49.18: ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς Κρήτης. Ср.: Κυριακίδης Σ. Π. Βυζαντιναὶ Μελέται. Θεσσαλονίκη, 1939. Μερ. 1. Σ. 235–240; Μερ. 5. Σ. 500–501 (датировка тактикона 809–828 гг.).

¹⁰ Подробнее см.: Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Ч. 1. С. 154–155; Tsougarakis D. Byzantine Crete. From the 5th century to the Venetian Conquest. Athens, 1988. P. 170–178.

¹¹ Oikonomides, Listes. P. 47.14: ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν Ἀνατολικῶν; 49.2–4: ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς Ἀρμενιакῶν, ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς Θρακησίων, ὁ πατρίκιος κόμης τοῦ Ὀψικίου. О численности фемных контингентов в первой половине IX в. см.: Treadgold W. T. Notes on the Numbers and Organization of the Ninth-Century Byzantine Army. P. 280–284.

¹² Oikonomides, Listes. P. 49.16–17: ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς Θεσσαλονίκης, ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τοῦ Δυρραχίου; 49.19: ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν Κλιμάτων. См. также: Жеков Ж. Темната система и император Теофил – реформа или еволюция // Минало. 2005. № 3. С. 21–34.

¹³ Theophanes. P. 451.1–2: в 776 г. Никита и Христофор, сыновья Константина V, были отправлены в климаты Херсона под надежную охрану (κουρεύσας ἐξώρισεν εἰς Χερσῶνα καὶ τὰ κλίματα ὑπὸ παραφυλακὴν καὶ ἀσφάλειαν). См. также: Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсон // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. 1. С. 314–315.

¹⁴ Подробнее см.: Constantino Porfirogenito De thematibus. P. 114–120, 124–130; Treadgold W. T. The Byzantine revival. P. 26–36; Preiser-Kapeller J. Die Verwaltungsgeschichte des byzantinischen Armenien vom 5. bis zum 7. Jahrhundert (Entstehung des Themas Armeniakon). Wien, 2001. S. 83–100; Haldon J. F. Trouble with the Opsikion: Some Issues on the First Themata. P. 111–135.

¹⁵ По мнению русского византиниста П. В. Безобразова, большинство вопросов, связанных со стратиотским землевладением в Византии VIII–X вв., было решено В. Г. Васильевским. В рецензии на работы французских историков Ж. Тесто и Р. Геньеро П. В. Безобразов писал: «Тесто написал книгу о борьбе властей с крестьянами в X веке... и разработал тот самый материал, с которым впервые познакомил нас В. Г. Васильевский 20 лет тому назад. Геньеро сосредоточил свое внимание на воинских участках... иными словами, написал вторую часть вышеупомянутой статьи В. Г. Васильевского. К сожалению, западные византинисты не знают русского языка, и молодым французским ученым пришлось сызнавать делать ту работу, которая давно сделана опытной рукой нашего академика». См.: Безобразов П. В. Рец.: Georges Tesaud. Des rapports des puissants et des petits propriétaires ruraux dans l'empire byzantin au X siècle. Bordeaux 1898; Roland Gaignerot. Des bénéfices militaires dans l'empire romain et spécialement en orient et au X siècle. Bordeaux 1898 // ВВ. 1900. Т. 7. С. 156. П. В. Безобразов упоминает о статье В. Г. Васильевского «Материалы для внутренней истории византийского государства». Необходимо отметить, что это исследование не завершило, а стало отправной точкой длительной дискуссии о стратиотском землевладении.

¹⁶ См.: Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. S. 96 и. А. 1; Кучма В. В. Командный состав и рядовые стратиоты

в фемном войске Византии в конце IX – X в. С. 86–97; *Haldon J. F.* Recruitment and conscription in the Byzantine army. P. 63–65.

¹⁷ См.: *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии IX–X вв. С. 153–157; *Lemerle P.* The agrarian history of Byzantium from the origins to the twelfth century. P. 114–141. Обобщение итогов дискуссии о στρατιωτικὰ κτήματα см.: *Górecki D.* The Strateia of Constantine VII. The Legal Status, Administration and Historical Background // *BZ.* 1989. Bd. 82. Heft 1. P. 171–176; *Kaplan M.* Les Hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle. Propriété et exploitation du sol. Paris, 1992. P. 231–255. Ср.: *Teall J. L.* The Byzantine Agricultural Tradition // *DOP.* 1971. Vol. 25. P. 47–51.

¹⁸ *Успенский К. Н.* Очерки по истории Византии. С. 142: фемы – «самообороняющиеся военно-административные округа со слабым притяжением к центру».

¹⁹ *Leonis VI* *Tactica.* P. 494–500.

²⁰ *Glykatzi-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin. P. 3–4; *Каждан А. П.* Византийская армия в IX–X веках. С. 23–24.

²¹ См.: *Karayannopoulos J.* Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. S. 91–92. Ср.: *Каждан А. П.* Византийская армия в IX–X веках. С. 25: «...можно видеть, что численность византийского войска значительно сократилась на протяжении VIII–X вв. Если в IX в. армия сплошь да рядом насчитывала по 40 тыс. воинов, то в X в. она, как правило, не превышает 20 тыс.».

²² *Theophanes.* P. 451.11–25; *Speck P.* Kaiser Konstantin VI. S. 92–94. Германикея (Γερμανικεία, Maraş, совр. Kahramanmaraş) – один из ключевых пунктов обороны арабов в Северной Сирии. Подробнее см.: *Asa Eger A.* The spaces between the teeth. P. 110–114.

²³ См.: *Kennedy H.* The armies of the caliphs: military and society in the early Islamic state. London ; New York, 2001. P. 105–107. Ср.: *Nagel T.* Die islamische Welt bis 1500. München, 1998. S. 19–20.

²⁴ См.: *Kaegi W. E.* The Byzantine Armies and Iconoclasm. P. 63–64.

²⁵ *Theophanes.* P. 452.4–17, 453.20–25, 456.3–22.

²⁶ Нападения совершали кавалерийские отряды численностью до 3 тыс. воинов. Примечательно, что этот тактический прием византийские военачальники заимствовали у арабов. См.: *Dain A.* Σάκα dans les traités

militaires // BZ. 1951. Bd. 44. P. 94–96; *Lilie R.-J.* Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber. S. 167, 173.

²⁷ О происхождении термина см.: *Schwahn W.* Strategos // RE. 1935. Suppl. Bd. VI. Sp. 1071–1158.

²⁸ Термин ἐκ προσώπου являлся многозначным. В административной практике столичных гражданских ведомств X–XI вв. он обозначал «исполняющий обязанности». В церковных структурах ἐκ προσώπου – это «представитель» какого-либо высшего иерарха. Подробнее см.: *Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи. С. 189; *Glykatzi-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin. P. 39–41.

²⁹ Leonis VI *Tactica*. P. 48.37 – 50.45.

³⁰ Подробнее см.: *Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи. С. 160–161; *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. P. 39–41; *Glykatzi-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin. P. 36–39.

³¹ Об исторических областях Малой Азии см.: *Ramsay W. M.* The historical geography of Asia Minor. P. 89–104.

³² См.: *Haldon J. F.* Byzantine Praetorians. P. 210–212 (на примере фем Опсикий и Анатолик); *Falkenhausen V.* Untersuchung über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert. S. 109–111 (на примере византийских фем в Италии); *Treadgold W. T.* Byzantium and its army. P. 100–101 (на примере фемы Фракисий).

³³ См.: *Mitard M.* Études sur le règne de Léon VI. (II) Note sur la fonction d'ἐκ προσώπου τῶν θεμάτων // BZ. 1903. Bd. 12. P. 592–594; *Oikonomides, Listes*. P. 342. Если среди военных заместителей стратига (ὑποστράτηγος = турмарх) у одного был титул кандидата (ὁ κανδιδάτος καὶ τουρμάρχης), а у другого – спафария (ὁ σπαθάριος καὶ τουρμάρχης), то ἐκ προσώπου становился второй, так как его ἀξία διὰ βραβείου («титул, подтвержденный письменно, документ с императорской печатью») был на три ступени выше в придворной иерархии.

³⁴ См.: *Lilie R.-J.* «Thrakien» und «Thrakesion». Zur byzantinischen Provinzorganisation am Ende des 7. Jahrhunderts // *JÖB.* 1977. Bd. 26. S. 7–47. Ср.: *Asia Minor*, 1998. P. 201–218.

³⁵ *Strategikon des Maurikios.* S. 88.8–10.

³⁶ *Theophanes.* P. 320.4, 325.3–4: Γεώργιον τὸν τουρμάρχην τῶν Ἀρμενιάκων. См. также: *PLRE IIIB.* P. 521 (*Georgius 49*). Ср.: *Ostrogorsky G.* Sur la date de la composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure. P. 64–65.

³⁷ *Zacos, Veglery.* Part 1. P. 687, no. 1055: Θεοδώρου τουρμάρχου, δούλου τῆς Θεοτόκου («Феодора турмарха, раба твоего Богоматери»). Печать VII в.

³⁸ *Zacos, Veglery.* Part 3. P. 1682, no. 2980: Θεοτόκε, βοήθει Δαμιανῶ βασιλικῶ σπαθαρίῳ καὶ τουρμάρχη. Печать датирована издателями концом VII – началом VIII в.

³⁹ *Zacos, Veglery.* Part 2. P. 854, no. 1411: Θεοτόκε, βοήθει Ἀνδρέᾳ βασιλικῶ στράτορι καὶ τουρμάρχη. Печать VIII в.

⁴⁰ *Konstantopoulos, JIAN.* 1902. T. 5. P. 159, no. 31: Θεοτόκε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Σταυρακίῳ βασιλικῶ σπαθαρίῳ καὶ τουρμάρχη Βιζύης. Печать VIII в.

⁴¹ *Dumbarton Oaks Seals* 1. P. 180, no. 79.1: Κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ ... βασιλικῶ σπαθαρίῳ καὶ τουρμάρχη Σοζοπόλεως. Печать первой половины IX в.

⁴² *Zacos, Veglery.* Part 1. P. 418, no. 410: ...δούλου τοῦ Θεοῦ, Λέοωτι βασιλικῶ σπαθαρίῳ καὶ τουρμάρχη τοῦ Δαζημόνος. Печать VIII в.

⁴³ *Zacos, Veglery.* Part 2. P. 1008, no. 1762A: Κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Βάρδα βασιλικῶ σπαθαρίῳ καὶ τουρμάρχη τοῦ Δαζημόνος. Печать датируется 750–850 гг.

⁴⁴ Дазимон (Δαζιμών) и Докея (Δόκεια) располагались у совр. города Tokat (Тока́т), в 100 км к северо-западу от Севастии (совр. Сивас). Подробнее см.: *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine monuments and topography of the Pontos. Washington, D.C., 1985. Vol. 1. P. 21–22.

⁴⁵ См.: *Savvides A. G.* The Secular Prosopography of the Byzantine Maritime Theme of the Carabisians / Cibyrraeots // *BS.* 1998. T. 59. Fasc. 1. P. 24–45.

⁴⁶ PmbZ. 2000. Bd. 3. S. 32, Nr. 4374: Λέοντι βασιλικῷ κανδιδάτῳ καὶ τουρμάρχῃ Συλειαίου. Печать конца VIII – начала IX в. Σίλειον (совр. Yanköy, Янкой), располагался в 30 км северо-восточнее Атталии (совр. Antalya, Анталья). См.: *Hellenkemper H., Hild F.* Lykien und Pamphylien // TIB. Wien, 1981. Bd. 8. Teil 1. S. 395–396.

⁴⁷ Zacos, Veglery. Part 2. P. 1213, no. 2198: Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Μιχαήλ βασιλικῷ σπαθαρίῳ καὶ τορμάρχῃ Παμφυλίας. Ошибка в написании должности. Печать IX в. Об исторической области Памфилия см.: *Ramsay W. M.* The historical geography of Asia Minor. P. 415–426.

⁴⁸ См.: *Foss Cl.* Ephesus after antiquity: A late antique, Byzantine and Turkish city. New York, 1979. P. 195–196. Локализацию крепостей см.: *Belke K., Mersich N.* Phrygien und Pisidien. S. 222–225 (Хоны, Χώναι, совр. Honaz), 323–326 (Лаодикея Фригийская, Λαοδίκεια, совр. Eskihisar).

⁴⁹ *Treadgold W. T.* Byzantium and its army. P. 30. См. также: *Antoniadis-Bibicou H.* Études d'histoire maritime de Byzance à propos du «thème des caravisiens». P. 68–69.

⁵⁰ *Dumbarton Oaks Seals* 3. P. 23, no. 3.2. Печать датируется 750–850 гг. Адрамитий (совр. Edremit, Эдремит), находился в 80 км севернее Пергама.

⁵¹ См.: *Кулаковский Ю. А.* Друнг и друнгарий // ВВ. 1902. Т. 9. С. 1–30. О происхождении терминов βάνδον и δροῦγγος («строй, скопление, плотная масса») см.: *Mihăescu H.* Les éléments latins des «Tactica-Strategica» de Maurice-Urbicius et leur écho en néo-grec (I) // RESEE. 1968. T. 6. No. 3. P. 495–496.

⁵² О сборе фемного войска по данным «Тактики Льва» см.: *Кучма В. В.* Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. (структура и численность армейских подразделений) // АДСВ. 1975. Вып. 12. С. 79–85.

⁵³ Утверждение Ю. А. Кулаковского: «Враг был конный и фемы были конные», основанное на военно-теоретическом сочинении «Тактика Льва», является неверным. См.: *Кулаковский Ю. А.* Друнг и друнгарий.

С. 21. Военные реалии VIII–IX вв. позволяют утверждать обратное. Роль и численность пехотных контингентов постоянно возрастала. Более того, в Византии существовала достаточно глубокая специализация пехотных подразделений: тяжелая (ὀπλίτης), легкая пехота (ἀκοντιστής, φιλόс) и лучники (τοξότης). Подробнее см.: *McGeer E.* Infantry versus Cavalry: the Byzantine Response // *REB.* 1988. Т. 46. Р. 135–145.

⁵⁴ О «родах войск» в византийской армии см.: *Bivar A. D. H.* Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier. Р. 271–291 (кавалерия, τὸ καβαλαρικόν); *Rance P.* The Fulcum, the Late Roman and Byzantine Testudo: the Germanization of Roman Infantry Tactics? // *GRBS.* 2004. Vol. 44. Р. 265–326 (пехота, τὸ πεζικόν); *Dain A.* «Touldos» et «Touldon» dans les traités militaires // *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire orientales et slaves.* Brussels, 1950. Т. 10. Р. 161–169 (обоз; τὸ τοῦλδον).

⁵⁵ *Leonis VI Tactica.* Р. 50.48–51, 52.77–80; Тактика Льва. С. 114, примеч. 1; С. 122, примеч. 1–2.

⁵⁶ *Leonis VI Tactica.* Р. 50.157–172. Термин κοντουβέρνιον (contubernium) известен с I–II вв., он обозначал солдат одного подразделения («живущих в одной палатке») См.: *Mihăescu H.* Les éléments latins des «Tactica-Strategica» de Maurice-Urbicius et leur écho en néo-grec (I). Р. 495.

⁵⁷ Средний и младший командный состав фемных войск, по данным «Тактики Льва» и других военных трактатов X в. подробно исследовался В. В. Кучмой. См.: *Кучма В. В.* Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. (структура и численность армейских подразделений). С. 80–82; *Его же.* Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. Подготовка и проведение боя // *ВВ.* 1977. Т. 38. С. 94–101; *Его же.* Теория и практика военного дела Византийской империи по данным трактатов X в. // *Византийские очерки.* М., 1982. С. 103–105.

⁵⁸ *Leonis VI Tactica.* Р. 54.123 – 56.129; *Constantini Porphyrogeniti De ceremoniis.* Р. 663.8–11.

⁵⁹ В «Тактиконе Успенского», среди прочих должностных лиц и титулованных особ, упоминаются οἱ σπαθαροκανδιᾶτοι ἔξω τῆς προελεύσεως, ἔξωτικοί. Это были военные, получившие высокий по меркам первой половины IX в. титул спафарокандидата, но не назначенные императором на какие-либо должности. Оставаясь «без службы», они со-

ставляли часть императорской свиты, принимая участие в различных придворных церемониях. См.: Oikonomides, *Listes*. P. 55.15, 99, n. 57; Constantine Porphyrogenitus. *Three Treatises on imperial military expeditions*. P. 88.107–115.

⁶⁰ Oikonomides, *Listes*. P. 109.20 – 111.5.

⁶¹ См.: Bury J. B. *The Imperial Administrative System in the Ninth Century*. P. 44–45; Dölger F. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges*. München, 1948. S. 155–156. Ср.: Winkelmann F. *Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert*. S. 43–45.

⁶² Основную библиографию см.: Oikonomidès N. *Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe – XIe s.)*. Athènes, 1996. P. 279–281.

⁶³ В Житии св. Григория Декаполита упоминается кандидат Георгий, протоканкелларий стратига Фессалоники (830–840). См.: PmbZ. 2000. Bd. 2. S. 18, Nr. 2233. Должность протоканкеллария имеет позднеримское происхождение. Cancellarii находились на службе у высших должностных лиц Поздней империи и являлись исполнителями судебных решений (конфискация имущества, арест подозреваемых в преступлениях и пр.). См.: Jones A. H. M. *The Later Roman Empire*. P. 602–603.

⁶⁴ Leonis VI *Tactica*. P. 52.89–90: «Мандаторы – это те, кто передает распоряжения начальников стратиотам».

⁶⁵ См. например: Schlumberger, *Sigillographie*. P. 535–536.

⁶⁶ Κωνσταντόπουλος Κ. Μ. *Βυζαντικά μολυβδόβουλλα*. Συλλογή Αναστασίου Κ. Π. Σταμούλη. Αθήνα, 1930. Αρ. 45: Δαβίδ πρωτομανδάτορι καὶ ἐκ προσώπου τῆς Θράκης. Издатель датировал печать VIII–IX вв.

⁶⁷ Theoph. cont. P. 165.19 – 166.8; Iosephi Genesii regum libri quattuor. P. 86.67. См. также: PmbZ. 2000. Bd. 2. S. 459–460, Nr. 3625.

⁶⁸ См.: Constantine Porphyrogenitus. *Three Treatises on imperial military expeditions*. P. 171–172; Βρανούση Ή. Οἱ ὄροι «Ἀλβανοὶ» καὶ «Ἀρβανῖται» καὶ ἡ πρώτη μνεία τοῦ ὁμωνύμου λαοῦ τῆς Βαλκανικῆς εἰς τὰς πηγὰς τοῦ ΙΑ' αἰῶνος // Βυζαντινά σύμμεκτα. 1970. Τ. 2. Σ. 243–245.

⁶⁹ Zacos, Veglery 3. P. 1738, no. 3096: Κωνσταντίνῳ βασιλικῶ στρατοῦ καὶ κόμητι τῆς κόρτης τοῦ Ὀψικίου. Печать IX в.

⁷⁰ Dumbarton Oaks Seals 4. P. 8, no. 1.18: Νικηφόρῳ βασιλικῶ σπαθαρίῳ καὶ κόμητι κόρτης Βουκελλαρίων. Печать X в.

⁷¹ Iosephi Genesis regum libri quattuor. P. 8.53–54: Μιχαὴλ ὁ ἐξ Ἀμορίου, ὧν ὁ μὲν τὴν τῶν φοιβεράτων, ὁ δὲ τὴν κόμητος κόρτης. Весьма сложно представить Михаила Косноязычного, занимающегося «канцелярской работой». См. о нем: PmbZ. 2000. Bd. 3. S. 252–259, Nr. 4990.

⁷² К этому времени относятся две одинаковые печати с легендой: Θεοτόκε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Νασίῳ, βασιλικῶ σπαθαρίῳ καὶ τουρμάρχη τῶν Φοιδεράτων («Богоматерь, помоги своему рабу Насиру, императорскому спафарию и турмарху федератов»). См.: Zacos, Veglery. Part 3. P. 1760, no. 3148 a–b: Печати первой половины IX в.

⁷³ См.: Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Ο μόνιμος στρατιωτικός πυρήνας των βυζαντινών θεμάτων. Σ. 229–243.

⁷⁴ Cp.: *Treadgold W. T.* Notes on the Numbers and Organization of the Ninth-Century Byzantine Army. P. 270–272 (провинциальные тагмы – ταξατιών).

⁷⁵ См.: Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Ο μόνιμος στρατιωτικός πυρήνας των βυζαντινών θεμάτων. Σ. 230–233.

⁷⁶ См.: Ibid. Σ. 239–240. Cp.: *Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. S. 273–275.

⁷⁷ См.: Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Παράκμή και πτώση του θεματικού θεσμού. Σ. 165–166; *Brandes W.* Finanzverwaltung in Krisenzeiten. S. 161–162.

⁷⁸ По мнению Н. Икономидиса, со второй половины IX в. командная должность κένταρχος τῶν σπαθαρίων стала называться πρωτοκένταρχος. В X–XI вв. протокентархи командовали небольшими отрядами регулярных войск или гарнизонами крепостей. См.: *Oikonomides N.* Fiscalité et exemption fiscale à Byzance. P. 279–280 et n. 66.

⁷⁹ Theophanes. P. 388.22.28–29, 389.20–21.

⁸⁰ Symeonis magistri et logothetae chronicon. P. 239.148 – 240.153. См. также: *Ziemann D.* Vom Wandervolk zur Großmacht. S. 343–344.

⁸¹ Zacos, Vegliery. Part 2. P. 953, no. 1656: Θεοτόκε, βοήθει Θεόφιλω δομεστίκῳ τῶν Βουκελλαρίων. Печать первой половины VIII в. Необходимо отметить, что данный моливдовул является подтверждением теории, согласно которой отделение от фемы Опсикий турм Вукеллари-ев и Оптиматов и создание на их территориях самостоятельных фем произошло не в 60-е гг. VIII в., а сразу после подавления мятежа Артавазда. Подробнее см.: *Rochow I.* Kaiser Konstantin V. S. 74–75.

⁸² Byzantine Seals published between 1986–1991/1992 // SBS. 1993. Vol. 3. P. 202: Θεοτόκε βοήθει Βασιλείῳ δομεστίκῳ τῶν Ἀνατολικῶν (по сфрагистическому типу печать датируется второй половиной VIII в., а по мнению В. Зайбта, 720–750 гг.); P. 185: Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Λέοντι βασιλικῷ σπαθαρίῳ καὶ δομεστίκῳ τον Θρακισήον (печать первой половины IX в.).

⁸³ Успенский Ф. И. Военное устройство Византийской империи. С. 188. Ср.: Leonis VI *Tactica*. P. 56.128–129: протонотарий фемы «ведает гражданскими делами».

⁸⁴ Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on imperial military expeditions. P. 88.101–106; *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. P. 80–82, 84–86, 94. Ο λογοθέτης τοῦ σακελλίου (σακελλάριος, сакелларий) см.: *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. S. 16–19, 24–29; *Bréhier L.* Les institutions de l'empire byzantin. P. 257–258; Oikonomides, *Listes*. P. 312.

⁸⁵ См.: *Brandes W.* Finanzverwaltung in Krisenzeiten. S. 161–165; *Brubaker L., Haldon J.* Byzantium in the Iconoclast Era, c. 680–850: a history. P. 679–680, 710–711.

⁸⁶ Leonis VI *Tactica*. P. 52.129; *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. P. 44; *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. S. 69.

⁸⁷ В «Тактике Льва» стратигу рекомендуется назначать архонтами тех стратиотов, которые «показали себя благоразумными и мужественными подданными Ромейского государства». См.: Leonis VI *Tactica*. P. 46.20–22.

⁸⁸ В императорских новеллах и хрисовулах «высших» архонтов называют также динаты (δυνατοί, «мощный, могущественный»). Например, в новелле 922 г. Роман I Лакапин писал: «Динатами следует считать

всех... кто может наводить страх на крестьян, продающих землю... или же тех, кто может обещать им какие-либо благодеяния». См.: *Jus graecoromanum*. 1857. Pars. 3. P. 240. Данное определение имело отношение не только к стратигам и турмархам, речь шла обо всех фемных архонтах. Подробнее о терминологии императорских новелл, посвященных *δυνατοί*, см.: *Morris R. The Powerful and the Poor in Tenth-Century Byzantium: Law and Reality // Past and Present*. 1976. No. 73. P. 3–8.

⁸⁹ Theophanes. P. 484.29 – 485.4. См. также: *Sophoulis P. Byzantium and Bulgaria, 775–831*. P. 187–188.

⁹⁰ См.: *Treadgold W. T. The Byzantine revival, 780–842*. P. 157. Если подсчеты У. Тредголда верны, то хану Круму досталось больше 360 кг золота. Византийский денежный стандарт предусматривал, что вес одной золотой монеты (*νόμισμα*) составлял 4,55 г; 72 номисмы равнялись одной литре (*λίτρα*, фунт), а 100 литр – одному кентинарию (*κεντηνάριον*, 7 200 номисм, около 30,2 кг). См.: *Schilbach E. Byzantinische Metrologie*. München, 1970. S. 171–174.

⁹¹ Продолжатель Феофана приписывает это нововведение императору Василию I. См.: *Theoph. cont.* P. 265.8–12. Однако есть основания полагать, что первый из македонских императоров в очередной раз присвоил себе заслуги своего предшественника Михаила III. См.: *Varona Codeso P. Miguel III (842–867). Construcción histórica y literaria de un reinado*. Madrid, 2009. P. 139–140.

⁹² Данная привилегия была введена для «военного сословия» иконоборческими императорами во второй четверти VIII в. и сохранялась до начала XII столетия. Кекавмен в «Советах императору» писал, что уменьшение руги недопустимо, так как «получая от василевса плату, стратиоты продают ему свою кровь». См.: *Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века / Изд. подг. Г. Г. Литаврин. М., 1972. С. 276.21–23.*

⁹³ В конце X в. доход равнялся 8,3–9,7 %. В денежном эквиваленте это составляло около семи номисм с одной литры (фунта) золота (31,85 и 327,45 г соответственно). См.: *Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв.* С. 181.

⁹⁴ О порядке выплаты руги и суммах, полагававшихся за различные титулы, см.: *Lemerle P. «Roga» et rente d'état aux Xe – XIe siècles // REB*. 1967.

Vol. 25. P. 77–90; *Hendy M. F.* Studies in the Byzantine monetary economy. P. 187–195, 648–654.

⁹⁵ *Treadgold W. T.* Byzantium and its army. P. 32–33.

⁹⁶ Ο Шапуре см.: *Toumanoff C.* Caucasia and Byzantium // *Traditio*. 1971. Vol. 27. P. 149, no. 21 (Σαβόριος ὁ τῶν Ἀρμενιάκων στρατηγός, Šapur).

⁹⁷ *Chronique de Michel le Syrien*. 1901. T. 2. P. 453–454; Theophanes. P. 348.27–28: κλεισουροφύλαξ τῶν Ἀραβισσός. Местность Ἀραβισσός находилась на южном берегу р. Галис, в 75 км западнее Кесарии Каппадокийской, в районе совр. населенного пункта Gülşehir (Гюльшехир). См.: *Hild F., Restle M.* Kappadokien. S. 308–309.

⁹⁸ Theophanes. P. 368.27–28: Γρηγόριος ὁ Καππάδοξ ὁ καὶ κλεισουριάρχης γενόμενος, ἔπειτα δὲ μοναχὸς καὶ ἡγούμενος τῶν Φλώρου. Ср.: Nikephoros. P. 96, 40.9–11.

⁹⁹ Моностратиг (μονοστράτηγος), командующий войском, в состав которого входили подразделения нескольких фем; высший военный заместитель (ἐκ προσώπου) императора. Данная должность считалась временной и экстраординарной. См.: *Guilland R.* Le Commandant en chef des armées byzantines. (I). Stratège, monostratège, stratège-autokratôr // Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1959. T. 29. P. 35–77; *Winkelmann F.* Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. S. 39–40. Известна одна печать моностратига: Θεοτόκε, βοήθει Ἡρακλείῳ πατρικίῳ καὶ μονοστράτηγῳ («Богоматерь, помоги Ираклию патрикию и моностратигу»). См.: Zacos, Veglery. Part 2. P. 1112, no. 1982 (первая половина VIII в.).

¹⁰⁰ Theophanes. P. 371.9–12: Ἡράκλειόν τε, τὸν γνήσιον αὐτοῦ ἀδελφὸν, ὡς λίαν ἱκανώτατον, μονοστράτηγον πάντων τῶν ἔξω καβαλλαρικῶν θεμάτων προβαλόμενος ἐπὶ τὰ μέρη Καππαδοκίας καὶ τῶν κλεισουρῶν διατρέχειν. Об Иракии см.: PmbZ. 2000. Bd. 2. S. 131–132, Nr. 2558.

¹⁰¹ Theophanes. P. 455.2–8: Ἰωάννην τὸν σακελλάριον, εὐνοῦχον ὄντα καὶ οἰκειακὸν αὐτῆς. Достоверность данного фрагмента «Хронографии» вызывает сомнения. См.: PmbZ. 2000. Bd. 2. S. 283–284, Nr. 3055.

¹⁰² О клисурах подробнее см.: *Ферлуга Ј.* Ниже војно-административне јединице тематског уређења. С. 76–85; Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Οι βυζαντινές κλεισούρες και κλεισουραρχίες // *Βυζαντιακά*. 1989. Т. 9. Σ. 183–189.

¹⁰³ Подробнее см.: *Winkelmann F.* Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. S. 111.

¹⁰⁴ *Zacos, Veglery. Part 2. P. 1074, no. 1899:* Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Εὐσταθίῳ βασιλικῷ σπαθαρίῳ καὶ κλεισουριάρχη Σελευκείας. Печать первой половины IX в.

¹⁰⁵ *Zacos, Veglery. Part 2. P. 1075–1076, no. 1902:* Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Εὐσταθίῳ βασιλικῷ σπαθαροκανδιδάτῳ καὶ κλεισουριάρχη Σελευκείας. Печать первой половины IX в.

¹⁰⁶ *Oikonomides, Listes. P. 55.6:* ὁ κλεισουράρχης Σελεύκεια («Тактикон Успенского»); 247.15: ὁ στρατηγὸς Σελευκείας («Тактикон Бенешевича»). См. также: *Hild F., Hellenkemper H.* Kilikien und Isaurien. S. 402–406.

¹⁰⁷ О мардаитах подробнее см.: *Бартикян Р. М.* Разрешение проблемы мардаитов // Вестн. обществ. наук АН Арм. ССР. Ереван, 1983. № 2. С. 67–77.

¹⁰⁸ *Theophanes. P. 363.9.* Опубликована печать с легендой: Κύριε, βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Θεοφίλῳ βασιλικῷ σπαθαροκανδιδάτῳ καὶ κατεπάνῳ τῶν Μαρδαϊτῶν («Господи, помоги своему рабу Феофилу, императорскому спафарокандидату и катепану мардаитов»). См.: *Zacos II. P. 406, no. 901.* Моливдовул второй половины IX в.

¹⁰⁹ См.: *PmbZ. 1999. Bd. 1. S. 169–170, Nr. 534* (Ἀντώνιος ὁ νέος, св. Антоний Новый; в миру – Ἰωάννης ὁ Ἑχιμος, Иоанн Юхим, ἐκ προσώπου τῶν Κιβυρραιωτῶν).

¹¹⁰ Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου Ἀντωνίου τοῦ Νέου // Православный палестинский сборник. СПб., 1907. Вып. 57. С. 199.29–33.

¹¹¹ См.: *Jannaris A. N.* Κατεπάνω – Capitano – Captain // *BZ. 1901. Bd. 10. S. 204–207*; *Janin R.* Les Turcs Vardariotes // *EO. 1930. T. 29. P. 437–449*; *Glykatzis-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe – XIe siècles. P. 54.

¹¹² Катепан (κατεπάνω) – «глава, главенствующий». Термин мог обозначать любого начальника. Например, κατεπάνω τῶν βασιλικῶν («глава императорских слуг»), κατεπάνω τοῦ ἐργοδοσίου («начальник ремесленных мастерских»). Подр. см.: PmbZ. 2002. Bd. 6. S. 548, Nr. 11575.

¹¹³ Oikonomides, Listes. P. 55.6: ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς Παφλαγονίας; Theoph. cont. P. 123.4: κατεπάνω τῆς Παφλαγονίας; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 170.31–32: κατεπάνω Παφλαγονίας. См. также: *Ферлуга J.* Ниже војно-административне јединице тематског уређења. С. 74–76; *Ahrweiler H.* Byzance et la mer. P. 110–111.

¹¹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 104.69–70: Ἰστέον, ὅτι μαστρομίλης ἐρμηνεύεται τῇ Ῥωμαίων διαλέκτῳ κατεπάνω τοῦ στρατοῦ.

¹¹⁵ Zacos, Veglery. Part 2. P. 1426, no. 2650. Анонимная печать датируется IX в.

¹¹⁶ Oikonomides, Listes. P. 53.4: ὁ δοῦξ Χαλδίας; 57.14: ὁ δοῦξ Καλαβρίας.

¹¹⁷ Подробнее см.: *Di Gangi G., Lebole C. M.* La Calabria bizantina (VI–XIV secolo): un evento di lunga durata // *Histoire et culture dans l'Italie byzantine. Acquis et nouvelles recherches.* Rome, 2006. P. 472–475. Ср.: *Ферлуга J.* Ниже војно-административне јединице тематског уређења. С. 85–87.

¹¹⁸ Подробнее см.: *Haldon J. F., Kennedy H.* The Arab-Byzantine Frontier in the eighth and ninth centuries: military organization and society in the borderlands // *ЗРВИ.* 1980. Књ. 19. P. 79–116.

¹¹⁹ *Kennedy H.* The Decline and fall of the First Muslim Empire. P. 17–18.

¹²⁰ Византийско-арабская пограничная область называлась Ас-сугур (Сугур, Thugūr). В свою очередь, за приграничным районом в Северной Сирии и Киликии закрепилось наименование Ас-сугур аш-Шамийа (thugūr aš-Šamīyah), а за пограничной зоной в Месопотамии Ас-сугур ал-Джазари́йа (ал-Джазира, thugūr al-Jazīrah). Подробнее см.: *Тер-Гевондян А. Н.* Арабская зона пограничных укреплений (Сугур) //

Ист.-филол. журнал АН Арм. ССР. 1981. № 2. С. 148–149; *Bonner M.* The Naming of the Frontier: Āwāšim, Thughūr, and the Arab Geographers // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1994. Vol. 57. No. 1. P. 17–24.

¹²¹ *Васильев А. А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. С. 86–88, 113–118. Локализацию населенных пунктов см.: *Asa Eger A.* The spaces between the teeth. P. 101, 144–145, 169–170.

¹²² *Oikonomides, Listes*. P. 48, n. 24. Следует согласиться с автором, который предполагает, что отсутствие в тексте «Тактикаона Успенского» стратига Каппадокии объясняется крупным преобразованием военных структур этой фемы около 842/843 г.

¹²³ *Oikonomides, Listes*. P. 55.21: οἱ τουρμάρχοι Καππαδοκίας; P. 55.5: ὁ κλεισουριάρχης Χαρσιανοῦ. Следует также обратить внимание на анонимную печать первой половины IX в. с легендой: Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῶ δούλῳ ... κλεισουριάρχῃ τοῦ Χαρσιανοῦ. («Богоматерь, помоги своему рабу ... клисурарху Харсианона»). См.: *Zacos, Veglery*. Part 2. P. 1400, no. 2599.

¹²⁴ Житие святого Евдокима Праведного / изд. Х. М. Лопарев. СПб., 1893. С. 1–54; *Лопарев Х. М.* Житие св. Евдокима // *ИРАИК*. 1908. Т. 13. С. 152–252.

¹²⁵ Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / изд. В. Г. Васильевский, П. В. Никитин. СПб., 1905.

¹²⁶ О Харсианоне (совр. Akdağmadeni, Акдагмадени) см.: *Potache D.* Le thème et la forteresse de Charsianon: recherches dans la région d'Akdagmadeni // *Geographica Byzantina* / sous la dir. H. Ahrweiler. Paris, 1981. P. 107–117; *Hild F., Restle M.* Kappadokien. S. 163–165.

¹²⁷ Подробнее см.: *Мохов А. С.* «Житие св. Евдокима Праведного» как источник по военно-административной истории Византии IX в. // *Sacrum et Profanum* III. Небесные патроны и земные служители культа. Севастополь, 2007. С. 137–146. Ср.: *PmbZ*. 1999. Bd. 1. S. 524–525, Nr. 1640 (Εὐδόκιμος ὁ Μέγας).

¹²⁸ Theoph. cont. P. 183.7–10: ὁ τοῦ Χαρσιανοῦ κλεισουράρχης. Ср.: Iosephi Genesisii regum libri quattuor. P. 68.31 – 69.37: Χαρσιανοῦ θέματι μεράρχης ὁ Μαχαιράς. См. также: PmbZ. 2000. Bd. 3. S. 111, Nr. 4656.

¹²⁹ *Ђурић И.* Породица Фока // ЗРВИ. 1976. Књ. 17. С. 228–237; Asia Minor, 1998. P. 469.

¹³⁰ О крепостях Колония (τὸ κάστρον Κολωνείας, совр. Şebinkarahisar, Шебинкарахисар) и Никополь (καστέλλου τῆς Νικοπόλεως, совр. Suşehri, Сушехри) подробнее см.: Bryer A., Winfield D. The Byzantine monuments and topography of the Pontos. Vol. 1. P. 146–147, 153–154.

¹³¹ См.: PmbZ. 2000. Bd. 2. P. 453–454, Nr. 3606; Asia Minor, 1998. P. 322, 486.

¹³² Сказания о 42 Аморийских мучениках. С. 290–291. См. также: *Лондрес Х. М.* Византийские Жития святых VIII–IX веков. С. 76–91; *Kazhdan A. P.* Hagiographical Notes. (14). Collective Death and Individual Deeds // Byz. 1986. T. 56. P. 155–156.

¹³³ Ср.: *Каждан А. П.* Византийская армия в IX–X веках. С. 23: «...в организации византийского войска имелись определенные черты, присущие народному ополчению. И все же византийское войско IX–X вв. не было народным ополчением». А. П. Каждан был совершенно прав, никакого «народного ополчения» в Византии IX–X вв. не было, так как значительную часть императорской армии и флота составляли регулярные войска.

¹³⁴ Аналогичные процессы происходили в балканских фемах Византии (Эллада, Пелопоннес, Фессалоника, Македония). Гражданские органы власти развивались здесь значительно быстрее, чем военные. Подробнее см.: *Stavridou-Zafraka A.* Slav Invasions and the Theme Organization in the Balkan Peninsula. P. 176–177; *Konstantakopoulou A.* L'éparque de Thessalonique: les origines d'une institution administrative (VIIIe – IXe siècles) // Communications grecques présentées au Ve Congrès International des Études du Sud-est européen / éd. par T. Giochalas. Athènes, 1985. P. 157–162.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Житие преподобного Отца нашего Феодора, архимандрита Сикеонского, написанное Георгием, учеником его и игуменом той же обители / пер. с греч., предисл. и коммент. Д. Е. Афиногенова. М. : Изд-во «Индрик», 2005. 184 с.

Житие святого Евдокима Праведного / изд. Х. М. Лопарев // Памятники древней письменности. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1893. Т. 96. Вып. 1. 54 с.

История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / пер. с арм. К. Патканьян. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1862. 168 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / текст, пер., коммент. под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М. : Изд-во «Наука», 1991. 496 с.

Лихачев Н. П. Моливдовулы греческого Востока / Н. П. Лихачев ; сост. и автор коммент. В. С. Шандровская. М. : Изд-во «Наука», 1991. 359 с.

Лопарев Х. М. Житие св. Евдокима / Х. М. Лопарев // ИРАИК. София : Държавна печатница, 1908. Т. 13. С. 152–252.

Свод древнейших письменных сведений о славянах / сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин (отв. ред.), В. К. Ронин. М. : Изд-во «Восточная литература», 1995. Т. 2 : VII–IX вв. 589 с.

Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / изд. В. Г. Васильевский, П. В. Никитин // Зап. Имп. Академии наук по ист.-филол. отд. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1905. Т. 7, № 2. 305 с.

Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века / подг. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М. : Изд-во «Наука», 1972. 743 с.

Степанова Е. В. Печати с латинскими и греко-латинскими надписями VI–VIII вв. из собрания Эрмитажа / Е. В. Степанова. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. 171 с.

Стратегика императора Никифора / изд. Ю. А. Кулаковский // Зап. Имп. Академии наук по ист.-филол. отд. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1908. Т. 8, № 9. 59 с.

Стратегикон Маврикия / изд. подг. В. В. Кучма. СПб. : Изд-во «Алетейя», 2004. 256 с.

Тактика Льва / изд. подг. В. В. Кучма ; отв. ред. Н. Д. Барабанов. СПб. : Изд-во «Алетейя», 2012. 368 с.

Actes de Vatopédi. Part. 1: Des origines à 1329 / éd. par J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari et al. // Archives de l'Athos. T. 21. Paris : P. Lethielleux, 2001. 475 p.

Actes du Prôtaton / éd. par D. Papachryssanthou // Archives de l'Athos. T. 7. Paris : P. Lethielleux, 1975. 320 p.

Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque / rec. B. G. Niebuhrius // CSHB. Vol. 2. Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1828. 419 p.

Antiche cronache di Terra di Bari: Annales Barenses, Lupus Protospatarius, Ignoti civis Barensis Chronicon / compile e annotate per G. Gioffari, R. Lupoli Tateo. Bari : Centro studi nicolaiani, 1991. 285 p.

Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) / M.-F. Auzépy // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / éd. par C. Zuckerman. Paris : ACHCByz, 2006. P. 69–85.

Bibliotheca geographorum Arabicorum / ed. M. J. de Goeje. Leiden : E. J. Brill, 1889. T. 6 : Kitāb al-Masālik al-mamālik (Liber viarum et regnorum). 308 p.

Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου Ἀντωνίου τοῦ Νέου : сб. палестинской и сирийской агиологии / изд. А. И. Пападопуло-Керамевс ; рус. пер. В. В. Латышев // Православный палестинский сборник. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1907. Вып. 57. С. 186–216, 209–243.

Brooks E. W. Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids / E. W. Brooks // EHR. 1900. Vol. 15. No. 60. P. 728–747; 1901. Vol. 16. No. 61. P. 84–92.

Byzantine lead seals by G. Zacos / compiled and ed. by J. W. Nesbitt. Berne : Benteli Publishers, 1984. Vol. 2. Part 1 (Nos. 1–1089); Part 2 (Plates). 543 p.

Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / ed. by J. Thomas, A. Constantines Hero, G. Constable. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2000. 1849 p.

Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art / ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides, E. McGeer and al. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1991–2009. Vol. 1–6.

Chronicon Paschale / rec. L. Dindorfius // CSHB. Vol. 11. Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1832. T. 1. 737 p.

- Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199) / éd. et trad. en français par J.-B. Chabot. Paris : éd. E. Leroux, 1901–1905. T. 2. 547 p.; T. 3. 538 p.
- Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio / Greek text ed. G. Moravcsik ; Eng. transl. by R. J. H. Jenkins // CFHB. Vol. 1. Harvard University Press, 1967. T. 1. 341 p.
- Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on imperial military expeditions / introd., ed., transl. and comment. by J. F. Haldon // CFHB. Vol. 28. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. 342 p.
- Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo / rec. I. I. Reiske // CSHB. Vol. 5, 10. Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1829–1830. T. 1. 807 p.; T. 2. 940 p.
- Constantino Porfirogenito De thematibus / a cura di A. Pertusi // Studi e Testi. Città del Vaticano : Tipografia Pio X, 1952. T. 160. 210 p.
- Corpus of Byzantine seals from Bulgaria / ed. by I. Jordanov. Sofia : Bulgarian academy of sciences, Archaeological institute with Museum, 2003–2006. Vol. 1 : Byzantine seals with geographical names. 209 p.; Vol. 2 : Byzantine seals with family names. 564 p.
- De incubatione capita quattuor scripsit L. Deubner. Lipsiae : Ed. B. G. Teubneri, 1900. 138 p.
- Dujčev I.* La chronique byzantine de l'an 811 / I. Dujčev // TM. 1965. Vol. 1. P. 205–254.
- Georgius Cedrenus Historiarum compendium / rec. I. Bekkerus // CSHB. Vol. 8–9. Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1838–1839. T. 1–2. 1008 p.
- Haldon J. F.* Theory and Practice in Tenth-Century Military Administration: Chaptres II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies / J. F. Haldon // TM. 2000. Vol. 13. P. 201–352.
- Ioannis Malalae Chronographia / rec. I. Thurn // CFHB. Vol. 35. Berlin ; New York : W. De Gruyter, 2000. 551 p.
- Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / rec. I. Thurn // CFHB. Vol. 5. Berlin ; New York : W. De Gruyter, 1973. 579 p.
- Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII / ed. T. Büttner-Wobst // CSHB. Vol. 49. Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1897. T. 3. 933 p.
- Josephi Genesii regum libri quattuor / rec. A. Lesmueller-Werner, I. Thurn // CFHB. Vol. 14. Berlin ; New York : W. De Gruyter, 1978. 142 p.
- Jus graeco-romanum / ed. C. E. Zachariae von Lingenthal. Lipsiae : Verlag T. O. Weigel, 1856–1857. Pars 3 : Novellae constitutiones. 748 p.

Κολτσίδα-Μακρή Ι. Βυζαντινά Μολυβδόβουλλα Συλλογής Ορφανίδη-Νικολαΐδη Νομισματικού Μουσείου Αθηνών / Ι. Κολτσίδα-Μακρή. Αθήνα : Χριστιανική αρχαιολογική Εταιρεία, 1996. 210 σ.

Κωνσταντόπουλος Κ. Μ. Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα ἐν τῷ Ἐθνικῷ Νομισματικῷ Μουσείῳ Ἀθηνῶν / Κ. Μ. Κωνσταντόπουλος // *Journal international d'archéologie numismatique*. Athènes : Beck et Barth, 1902. T. 5. P. 149–164, 189–228; 1903. T. 6. P. 49–88, 333–364; 1904. T. 7. P. 161–176, 255–310; 1905. T. 8. P. 53–102, 293–322; 1906. T. 9. P. 61–146; 1907. T. 10. P. 47–112.

Κωνσταντόπουλος Κ. Μ. Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα. Συλλογή Αναστασίου Κ. Π. Σταμούλη / Κ. Μ. Κωνσταντόπουλος. Αθήνα : Τύποις Εταιρείας Π. Δ. Σακελλάριος, 1930. 40 σ.

Land Legislation of the Macedonian emperors / transl. and comment. by E. McGeer. Toronto : Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2000. 146 p.

Laurent V. Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan / V. Laurent. Paris : Presses universitaires de France, 1952. 339 p.

Laurent V. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican / V. Laurent. Città del Vaticano : Biblioteca apostolica vaticana, 1962. 288 p.

Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin / V. Laurent. Paris : Éd. du Centre national de la recherche scientifique, 1981. T. 2 : L'administration centrale. 740 p.

Leonis Grammatici Chronographia / rec. I. Bekker // CSHB. Vol. 42. Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1842. 554 p.

Leonis VI Tactica / text, transl. and comment. by G. T. Dennis // CFHB. Vol. 49. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks, Research Library and Collection, 2010. 690 p.

Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Refutatio et eversio deliramentorum inscite et impie ab irreligiosi Mamonaе vaniloquentia dictorum adversus salutarem Dei verbi incarnationem / ed. A. Mai // PG. T. 100. Col. 202–533.

Nikephoros, patriarch of Constantinople short history / text, transl. and comment. by C. Mango // CFHB. Vol. 13. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1990. 247 p.

Notitia dignitatum accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi prouinciarum / ed. O. Seeck. Berlin : A. Weidmann, 1876. 339 p.

Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles : introd., texte, trad. et comment / N. Oikonomidès. Paris : Éd. du Centre national de la recherche scientifique, 1972. 403 p.

- Procopius / rec. G. Dindorfius // CSHB. Vol. 40–42. Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1833–1838. T. 1–3.
- Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / éd. J. D. Mansi. Graz : Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1960. T. 12 : Anni 687–787. 1154 s.
- Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire byzantin / G. Schlumberger. Paris : Éd. E. Leroux, 1884. 748 p.
- Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich / W. Seibt. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978. 1. Teil : Kaiserhof. 349 s.
- Sode Cl. Byzantinische Bleisiegel in Berlin (II) / Cl. Sode // Ποικίλα Βυζαντινά. Bonn : Dr. R. Habelt GmbH, 1997. Bd. 14. 337 s.
- Speck P. Byzantinische Bleisiegel in Berlin (West) / P. Speck // Ποικίλα Βυζαντινά. Bonn : Dr. R. Habelt GmbH, 1986. Bd. 5. 261 s.
- Stavrakos C. Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museums Athen / C. Stavrakos. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2000. 449 s.
- Stavrakos C. Die byzantinischen Bleisiegel der Sammlung Savvas Kophopoulos: eine Siegelsammlung auf der Insel Lesbos / C. Stavrakos. Turnhout : Brepols, 2010. 184 s.
- Strategikon des Maurikios / Einführung, Edition und Indices von G. T. Dennis ; Übersetzung von E. Gamillscheg // CFHB. Vol. 17. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. 557 p.
- Suidae Lexicon / rec. I. Bekkeri. Berolini : Impensis G. Reimeri, 1854. 1158 p.
- Svoronos N. Les nouvelles des empereurs macédoniens concernant la terre et les stratiotes : introd., éd., comment. / N. Svoronos ; éd. posthume et index établis par P. Gounaridis. Athènes : Centre de recherches byzantines, 1994. 297 p.
- Symeonis magistri et logothetae chronicon / rec. S. Wahlgren // CFHB. Vol. 44. Berlin : W. De Gruyter, 2006. 431 p.
- Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekkerus // CSHB. Vol. 45. Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1838. 951 p.
- Theophanis Chronographia / rec. C. de Boor. Lipsiae : B. G. Teubneri, 1883–1885. Vol. 1. 511 p.; Vol. 2. 788 p.
- Theophilus of Edessa's Chronicle and the circulation of historical knowledge in late antiquity and early Islam / transl. with an introd. and notes by R. G. Hoyland. Liverpool : Liverpool University Press, 2011. 368 p.

Three Byzantine military treatises / text, transl., and notes by G. T. Dennis // CFHB. Vol. 25. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks, Research Library and Collection, 1985. 380 p.

Le Traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / texte établi par G. Dagron et H. Mihăescu ; trad. et comment. par G. Dagron. Paris : Éd. du Centre national de la recherche scientifique, 2011. 372 p.

Wassiliou A.-K. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich / A.-K. Wassiliou, W. Seibt. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2003. 2. Teil : Zentral- und Provinzialverwaltung. 404 s.

Zacos G. Byzantine lead seals / G. Zacos, A. Vegler. Basel ; Glückstadt : J. J. Augustin, 1972–1985. Vol. 1. Part 1–4.

Литература

Адонц Н. Г. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя / Н. Г. Адонц. СПб : Изд-во Академии наук, 1908. 526 с.

Андреев Й. Българските ханове и царе: от хан Кубрат до цар Борис III : Исторически справочник / Й. Андреев, А. Пантев. Велико Търново : Изд. «Абагар», 2004. 368 с.

Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847) / Д. Е. Афиногенов. М. : Изд-во «Индрик», 1997. 224 с.

Афиногенов Д. Е. Повесть о Николае Воине: семейная этиологическая легенда? / Д. Е. Афиногенов // Индоевропейское языкознание и классическая филология X : материалы чтений, посв. памяти проф. И. М. Тронского (Санкт-Петербург, 19–21 июня 2006 г.) / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. : Изд-во «Наука», 2006. С. 9–12.

Банников А. В. Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия) / А. В. Банников. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2011. 262 с.

Бартикян Р. М. О двух византийских военных терминах восточного происхождения / Р. М. Бартикян // Вестн. обществ. наук АН Арм. ССР. Ереван, 1970. № 8. С. 67–77.

Бартикян Р. М. Разрешение проблемы мардаитов / Р. М. Бартикян // Вестн. обществ. наук АН Арм. ССР. Ереван, 1983. № 2. С. 66–82.

Бартикян Р. М. Провозглашенный в 803 г. византийским императором стратилат Востока патрикий Вардан – этнический турок? / Р. М. Барти-

кян // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39 : к 60-летию д. и. н., проф. В. П. Степаненко. С. 87–97.

Безобразов П. В. Рец. на: Georges Testaud. Des rapports des puissants et des petits propriétaires ruraux dans l'empire byzantin au X siècle. Bordeaux, 1898; Roland Gaignerot. Des bénéfices militaires dans l'empire romain et spécialement en orient et au X siècle. Bordeaux, 1898 / П. В. Безобразов // ВВ. 1900. Т. 7. С. 156–166.

Беляев Д. Ф. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям / Д. Ф. Беляев. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1891. Кн. 1 : Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. 200 с.; СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1893. Кн. 2 : Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св. Софии в IX–X вв. 308 с.; СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1906. Кн. 3 : Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя. 188 с.

Бибилов М. В. Византийская Каппадокия: основные направления геополитического развития / М. В. Бибилов // Каптеревские чтения / отв. ред. М. В. Бибилов. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2008. Вып. 6. С. 5–18.

Божилев И. История на средновековна България (VII–XIV век) / И. Божилев, В. Гюзелев. София : Изд. «Анубис», 1999. 704 с.

Большаков О. Г. История халифата / О. Г. Большаков. М. : Изд-во «Восточная литература», 1993. Т. 2 : Эпоха великих завоеваний (633–656). 294 с.

Большаков О. Г. История халифата / О. Г. Большаков. М. : Изд-во «Восточная литература», 2010. Т. 4 : Апогей и падение арабского Халифата (695–750). 367 с.

Бородин О. Р. Эволюция войска в византийской Италии в VI–VIII вв. (военно-организационный аспект) / О. Р. Бородин // ВВ. 1986. Т. 46. С. 124–138.

Бородин О. Р. Византийская Италия в VII–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь) / О. Р. Бородин. Барнаул : Изд-во «День», 1991. 365 с.

Вальденберг В. Е. Государственное устройство Византии до конца VII в. / В. Е. Вальденберг ; подг. изд. В. И. Земскова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. 224 с.

Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии / А. А. Васильев. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1900. Ч. 1–2. 393 с.

Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI

Философ и Константин VII Багрянородный (867–959 гг.) / А. А. Васильев. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1902. 540 с.

Васильев А. А. Рец. на: Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899 / А. А. Васильев // ВВ. 1903. Т. 10. С. 194–203.

Васильев А. А. История Византийской империи / А. А. Васильев ; вступ. ст., примеч., науч. ред., пер. с англ. А. Г. Грушевого. СПб. : Изд-во «Алетейя», 2000. Т. 1 : Время до крестовых походов. 302 с.

Васильевский В. Г. Материалы для внутренней истории византийского государства. Меры в защиту крестьянского землевладения / В. Г. Васильевский // Труды В. Г. Васильевского. Л. : Изд-во АН СССР, 1930. Т. 4. С. 250–331.

Винкельман Ф. Положение Египта в Восточноримской (Византийской) империи / Ф. Винкельман // ВВ. 1986. Т. 46. С. 75–87.

Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого. СПб., 1910–1915. Т. 1–18.

Геруа А. В. Полчища / А. В. Геруа. София : Российско-болгарское книгоиздательство, 1923. 434 с.

Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи / Э. Гиббон. М. : Изд-во «Терра», 2008. Т. 5. 592 с.; Т. 6. 592 с.

Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.). Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим / Р. Гийан // ВВ. 1964. Т. 24. С. 35–48.

Гильфердинг А. Ф. История сербов и болгар / А. Ф. Гильфердинг // Собрание сочинений А. Ф. Гильфердинга. СПб. : Тип. В. Головина, 1868. Т. 1. Ч. 2. С. 177–280.

Глушанин Е. П. Пограничная армия Византии IV в. / Е. П. Глушанин // ВВ. 1986. Т. 46. С. 199–203.

Глушанин Е. П. Военные реформы Диоклетиана и Константина / Е. П. Глушанин // ВДИ. 1987. № 2. С. 51–73.

Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии / Е. П. Глушанин. Барнаул : Алтайск. кн. изд-во, 1991. 246 с.

Глушанин Е. П. Юстиниан Великий как тип военного реформатора / Е. П. Глушанин // Россия – Крым – Балканы: диалог культур : докл. междунар. науч. конф. (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). Екатеринбург : Изд-во «Волот», 2004. С. 62–65.

Грибовский В. М. Народ и власть в византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования / В. М. Грибовский. СПб. : Тип. С. Меркушева, 1897. 411 с.

Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке / Ш. Диль. СПб. : Тип. Альтшулера, 1908. 687 с.

- Ђурић И.* Породица Фока / И. Ђурић // ЗРВИ. 1976. Књ. 17. С. 189–296.
- Жеков Ж.* Стратегијата на унищожението в българо-византийските военни конфликти VII–IX в. / Ж. Жеков // Военно-исторически сборник. София : Държавно военно издателство, 2005. № 2. С. 26–29.
- Жеков Ж.* Темната система и император Теофил – реформа или еволюция / Ж. Жеков // Минало. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2005. № 3. С. 21–34.
- Жеков Ж.* Византийские теми – континуитет и дисконтинуитет / Ж. Жеков // *Studia Balcanica*. София : Институт по балканистика при БАН, 2006. Т. 25 : Византия – Балканите – Европа. Изследвания в чест на проф. В. Тъпкова-Заимова / ред. В. Гюзелев. С. 116–131.
- Жюльен Ш.-А.* История Северной Африки / Ш.-А. Жюльен ; пер. с фр. Р. М. Солодовника ; ред. и предисл. Н. А. Иванова. М. : Изд-во иностранной литературы, 1961. Т. 1 : С древнейших времен до арабского завоевания (647 г.). 427 с.
- Златарски В. Н.* История на българската държава през средните векове. 3-е изд. / В. Н. Златарски. София : Академ. изд-во «Марин Дринов», 1994. Т. 1. Ч. 1 : Епоха на хуно-българското надмощие (679–852). 631 с.; Ч. 2 : От славянизацията на държавата до падането на Първото царство (852–1018). 864 с.
- Иностранцев К. А.* Сасанидские этюды / К. А. Иностранцев. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1909. 140 с.
- История в енциклопедии Дидро и д'Аламбера / пер. и примеч. Н. В. Ревуненковой ; под ред. А. Д. Люблинской. Л. : Изд-во «Наука», 1978. 311 с.
- История Византии / отв. ред. акад. С. Д. Сказкин. М. : Изд-во «Наука», 1967. Т. 1. 523 с.; Т. 2. 471 с.
- Каждан А. П.* Византийская армия в IX–X веках / А. П. Каждан // Учен. зап. Веліколуцк. гос. пед. ин-та / под общ. ред. К. И. Васильева. Великие Луки : Изд-во газеты «Великолуцкая правда», 1954. [Вып. 1]. С. 18–31.
- Каждан А. П.* Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV–XI вв. (По поводу новой работы П. Лемерля) / А. П. Каждан // ВВ. 1959. Т. 16. С. 92–113.
- Каждан А. П.* Деревня и город в Византии IX–X вв. Очерки по истории византийского феодализма / А. П. Каждан. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 430 с.
- Каждан А. П.* Византийская деревня VII–XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии (1917–1960) / А. П. Каждан // ВВ. 1963. Т. 22. С. 127–198.

Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византийской империи XI–XII вв. / А. П. Каждан. М. : Изд-во «Наука», 1974. 292 с.

Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. / А. П. Каждан. Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1975. 190 с.

Клаузевиц К. О войне / К. Клаузевиц. М. : Изд-во «Эксмо» ; СПб. : Изд-во «Мидгард», 2007. 565 с.

Коледаров П. С. Отбранителната и граничната система на България от 681 до 1018 г. / П. С. Коледаров // Военно-исторически сборник. София : Държавно военно издателство, 1978. № 3. С. 109–123.

Коледаров П. С. Политическа география на средновековната Българска държава / П. С. Коледаров. София : Изд. на Българската Академия на науките, 1979. Ч. 1 : От 681 до 1018 г. 86 с.

Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 4. 919 с.

Крсмановић Б. О проблему акумулативне војне власти стратега, моностратега и стратега автократора / Б. Крсмановић // ЗРВИ. 2007. Књ. 44. С. 87–117.

Кудрявцев П. Н. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. Обзор осготско-лангобардского периода итальянской истории / П. Н. Кудрявцев. М. : Университетская тип., 1850. 714 с.

Кулаковский Ю. А. Друнг и друнгари / Ю. А. Кулаковский // ВВ. 1902. Т. 9. С. 1–30.

Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь конца X века / Ю. А. Кулаковский // ВВ. 1903. Т. 10. С. 63–90.

Кулаковский Ю. А. К вопросу о происхождении фемного строя Византийской империи / Ю. А. Кулаковский // Сб. статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями / под ред. М. Н. Ясинского. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1904. С. 396–403.

Кулаковский Ю. А. К вопросу об имени и истории фемы «Опсикий» / Ю. А. Кулаковский // ВВ. 1904. Т. 11. С. 49–62.

Кулаковский Ю. А. История Византии / Ю. А. Кулаковский ; науч. ред. А. Г. Грушевой. СПб. : Изд-во «Алетейя», 1996. Т. 2 : 518–602 гг. 400 с.; Т. 3 : 602–717 гг. 454 с.

Культура Византии (вторая половина VII – XII в.) / отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М. : Изд-во «Наука», 1989. 680 с.

- Курбатов Г. Л.* История Византии (историография) / Г. Л. Курбатов. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 256 с.
- Курбатов Г. Л.* К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии / Г. Л. Курбатов // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 1980. Вып. 3. С. 3–21.
- Курбатов Г. Л.* История Византии (От античности к феодализму) / Г. Л. Курбатов. М. : Изд-во «Высшая школа», 1984. 205 с.
- Кучма В. В.* Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX – X в. / В. В. Кучма // Византийские очерки : труды советских ученых к XIV конгрессу византинистов. М. : Изд-во «Наука», 1971. С. 86–97.
- Кучма В. В.* Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. (Структура и численность армейских подразделений) / В. В. Кучма // АДСВ. Свердловск, 1975. Вып. 12. С. 79–85.
- Кучма В. В.* Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. Подготовка и проведение боя / В. В. Кучма // ВВ. 1977. Т. 38. С. 94–101.
- Кучма В. В.* Теория и практика военного дела Византийской империи по данным трактатов X в. / В. В. Кучма // Византийские очерки : труды советских ученых к XVI Международному конгрессу византинистов. М. : Изд-во «Наука», 1982. С. 93–113.
- Кънев Н.* Византийският йерархичен модел от IX–XI в. (общ вид на системата на средновизантийската рангова йерархия и видове йерархии във Византия през IX–XI в.) / Н. Кънев // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39: к 60-летию д. и. н., проф. В. П. Степаненко. С. 142–163.
- Ласкин Г. А.* Ираклий. Византийское государство в первой половине седьмого века / Г. А. Ласкин. Харьков : Тип. Губернского правления, 1889. 160 с.
- Липшиц Е. Э.* О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии / Е. Э. Липшиц // ВВ. 1958. Т. 13. С. 28–54.
- Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. / Г. Г. Литаврин. М. : Изд-во «Наука», 1977. 310 с.
- Литаврин Г. Г.* Византийское государство в VII–XII вв. / Г. Г. Литаврин // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М. : Изд-во «Наука», 1985. С. 99–131.
- Лопарев Х. М.* Византийские Жития святых VIII–IX веков / Х. М. Лопарев // ВВ. 1910. Т. 17. С. 1–224.

Милютин Д. А. Старческие размышления о современном положении военного дела в России / Д. А. Милютин // Изв. Имп. Николаевской военной академии. 1912. № 30. С. 850–853.

Михневич Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. 2-е изд., доп. / Н. П. Михневич. СПб. : Тип. П. Яблонского, 1896. 520 с.

Монтескье Ш. Размышления о причинах величия и падения римлян // Монтескье Ш. Избранные произведения / под ред. М. П. Баскина. М. : Госполитиздат, 1955. С. 49–156.

Мохов А. С. «Житие св. Евдокима Праведного» как источник по военно-административной истории Византии IX в. / А. С. Мохов // *Sacrum et Profanum* III. Небесные патроны и земные служители культа : сб. науч. тр. / ред.-сост. Н. А. Алексеенко, Ю. А. Бабинов, Х. Хоффман. Севастополь : Изд-во «Максим», 2007. С. 137–146.

Мохов А. С. Микроструктуры византийской военно-административной системы в X–XI вв.: фема Сервия / А. С. Мохов // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2010. № 3 (79). С. 19–30.

Мохов А. С. Ведомство дрома (οξύς δρόμος) в X–XI вв. / А. С. Мохов // ВВ. 2011. Т. 70 (95). С. 25–36.

Мохов А. С. Византийская фамилия Спондилов в XI–XIII вв. / А. С. Мохов // АДСВ. Екатеринбург, 2011. Вып. 40 : к 50-летию Уральской школы византиноведения. С. 269–287.

Мохов А. С. К вопросу об эволюции придворных должностей в Византии X–XI вв.: domestik и пургии / А. С. Мохов // ПОЛЕМОЛОГОС : сб. ст. памяти проф. В. В. Кучмы / сост. и общ. ред. Н. Д. Барабанова. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. С. 295–305.

Мохов А. С. «Страж» или «казначей»? Состав византийской императорской свиты по данным военных трактатов / А. С. Мохов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 100–109.

Острогорский Г. Тактикон Успенског и Тактикон Бенешевифа. О времени иховог постанка / Г. Острогорский // ЗРВИ. 1953. Кн. 2. С. 39–59.

Панченко Б. А. Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы / Б. А. Панченко. София : Държавна Печатница, 1903. 242 с.

Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков / Н. В. Пигулевская. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. 289 с.

Пигулевская Н. В. XI Международный конгресс византинистов в Мюнхене / Н. В. Пигулевская // ВИ. 1959. № 8. С. 204–205.

- Пузыревский А. К.* История военного искусства в средние века (V–XVI вв.) / А. К. Пузыревский. СПб. : Тип. Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1884. Ч. 1. 239 с.
- Редигер А. Ф.* Комплектование и устройство вооруженной силы. 3-е изд., испр. и доп. / А. Ф. Редигер. СПб. : Военная типография, 1900. 576 с.
- Розанов В. В.* В военном лагере римлян // Розанов В. В. Собрание сочинений. М. : Изд-во «Республика», 2005. Т. 20 : Загадки русской провокации: статьи и очерки 1910 г. / сост. В. Н. Дядичева, А. Н. Николюкина ; коммент. В. Н. Дядичева. С. 285–291.
- Свечин А. А.* Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней / А. А. Свечин. М. ; Л. : Гос. изд-во. Отдел военной литературы, 1927. Т. 1. 383 с.
- Серов В. В.* О времени формирования юстиниановской идеи реконкиты / В. В. Серов // Изв. Алтайск. гос. ун-та. [Сер.] История, политология. Барнаул, 2008. № 3–4. С. 236–240.
- Серов В. В.* Финансовая политика Юстиниана Великого / В. В. Серов. Новосибирск : Изд-во «Наука» ; Барнаул : Изд-во «Азбука», 2011. 375 с.
- Симеонова Л.* Диагонален път – рядко използваният път на балканското Средновековие / Л. Симеонова // Mediaevalia. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2005. Кн. 5 : Доклади от конференция «Мултикултурното пространство на Балканския град по Долен Дунав и Via Diagonalis» (София, 25 ноември 2012 г.) / ред. К. Гагова. С. 1–10.
- Скабаланович Н. А.* Византийское государство и церковь в XI в.: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина / Н. А. Скабаланович ; вступ. ст. Г. Е. Лебедевой. 2-е изд. СПб. : «Издательство Олега Абышко», 2004. Кн. 1. 448 с.; Кн. 2. 416 с.
- Соколов Н. П.* Сорок лет советского византиноведения / Н. П. Соколов. Горький : Изд-во Горьковск. гос. ун-та, 1959. 51 с.
- Степанова Е. В.* Печати экзархов Италии / Е. В. Степанова // Византия и Ближний Восток: сб. науч. тр. памяти А. В. Банк / науч. ред. В. С. Шандровская. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 1994. С. 57–70.
- Сюзюмов М. Я.* Проблемы иконоборчества в Византии / М. Я. Сюзюмов // Учен. зап. Сverdл. гос. пед. ин-та. Свердловск : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1948. Т. 4. С. 48–110.
- Сюзюмов М. Я.* О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону / М. Я. Сюзюмов // ВВ. 1956. Т. 10. С. 27–47.
- Сюзюмов М. Я.* Некоторые проблемы истории Византии / М. Я. Сюзюмов // ВИ. 1959. № 3. С. 98–117.

- Сюзюмов М. Я.* Рец. на: Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М. : Изд-во АН СССР, 1960 / М. Я. Сюзюмов // ВВ. 1962. Т. 21. С. 209–217.
- Сюзюмов М. Я.* Дофеодальный период / М. Я. Сюзюмов // АДСВ. Свердловск, 1972. Вып. 8. С. 3–41.
- Тер-Гевондян А. Н.* Армения и Арабский халифат / А. Н. Тер-Гевондян. Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1977. 319 с.
- Тер-Гевондян А. Н.* Арабская зона пограничных укреплений (Сугур) / А. Н. Тер-Гевондян // Ист.-филол. журнал АН Арм. ССР. Ереван, 1981. № 2. С. 134–149 (на арм. яз. ; рус. рез.).
- Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI в. / З. В. Удальцова. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 539 с.
- Удальцова З. В.* XI Международный конгресс византинистов в Мюнхене / З. В. Удальцова // ВВ. 1959. Т. 16. С. 395–401.
- Удальцова З. В.* Из истории российского буржуазного византиноведения XX века (К. Н. Успенский) / З. В. Удальцова // ВВ. 1961. Т. 20. С. 20–63.
- Успенский К. Н.* Очерки по истории Византии / К. Н. Успенский. М. : Изд. о-во при Ист.-филол. фак. Моск. высш. женских курсов, 1917. Ч. 1. 268 с.
- Успенский Ф. И.* Византийская табель о рангах / Ф. И. Успенский // ИРАИК. София : Държавна печатница, 1898. Т. 3. С. 98–137.
- Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи / Ф. И. Успенский // ИРАИК. София : Държавна печатница, 1900. Т. 6. Вып. 1. С. 154–207.
- Успенский Ф. И.* История Византийской империи / Ф. И. Успенский. СПб. : Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1913. Т. 1. 872 с.
- Ферлуга Ј.* Ниже војно-административне јединице тематског уређења (VII–X в.) / Ј. Ферлуга // ЗРВИ. 1953. Књ. 2. С. 61–98.
- Ферлуга Ј.* Византиска управа у Далмацији / Ј. Ферлуга. Београд : Изд. «Научно дело», 1957. 169 с.
- Фехер Г.* Военното дело на прабългарите / Г. Фехер // Военна библиотека. София : Воен.-изд. отдел, 1938. № 98. 162 с.
- Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсон / К. Цукерман // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь : Изд-во «Таврия», 1997. Вып. 1. С. 312–323.
- Чекалова А. А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника / А. А. Чекалова. СПб. : Изд-во «Алетейя», 1997. 332 с.
- Чекалова А. А.* Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII века / А. А. Чекалова. М. : Изд-во «Наука», 2010. 344 с.

- Чичуров И. С.* К проблеме авторского самосознания византийских историков IV–IX вв. / И. С. Чичуров // *Античность и Византия: сб. науч. тр.* / отв. ред. Л. А. Фрейберг. М. : Изд-во «Наука», 1975. С. 203–217.
- Шкорпил К.* Стратегически постройки в черноморската област на балканския полуостров / К. Шкорпил // *BS*. 1931. Т. 3. Fasc. 1. С. 11–28.
- Шувалов П. В.* Секрет армии Юстиниана: восточноримская армия в 491–641 гг. СПб. : Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2006. 304 с.
- Энциклопедия военных и морских наук* / сост. под ред. ген.-лейт. Г. А. Леера. СПб. : Тип. В. Безобразова, 1883–1897. Т. 1–7.
- Яковенко П. А.* К истории иммунитета в Византии / П. А. Яковенко. Юрьев : Тип. Эд. Бергмана, 1908. 71 с.
- Ahrweiler H.* Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe – XVe siècles / H. Ahrweiler. Paris : Presses universitaires de France, 1966. 506 p.
- Ἀμαντος Κ.* Ιστορία του Βυζαντινού Κράτους / Κ. Ἀμαντος. Αθήναι : Οργανισμός Εκδόσεως Διδακτικῶν Βιβλίων, 1963. Τ. 1. 478 σ.
- Antoniadis-Bibicou H.* Études d'histoire maritime de Byzance à propos du «thème des caraviens» / H. Antoniadis-Bibicou. Paris : Éd. par S.E.V.P.E.N., 1966. 221 p.
- Asa Eger A.* The spaces between the teeth: a gazetteer of towns on the Islamic-Byzantine frontier / A. Asa Eger. Istanbul : Ege Yayınları, 2012. 205 p.
- Auzépy M.-F.* La destruction de l'icône du Christ de la Chalcéde de Léon III: Propagande ou réalité? / M.-F. Auzépy // *Byz.* 1990. Т. 60. P. 445–492.
- Auzépy M.-F.* À propos des monastères de Médikion et de Sakkoudiôn / M.-F. Auzépy, O. Delouis, J.-P. Grégois, M. Kaplan // *REB*. 2005. Т. 63. P. 183–194.
- Barbero A.* Barbari. Immigrati, profughi, deportati nell'impero romano / A. Barbero. Editori Laterza, 2006. 337 p.
- Baynes N. H.* The Emperor Heraclius and the Military Theme System / N. H. Baynes // *EHR*. 1952. Vol. 67. No. 264. P. 380–381.
- Belke K.* Phrygien und Pisidien / K. Belke, N. Mersich // *TIB*. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. Bd. 7. 462 s.
- Benešević V. N.* Die byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei (De Cer, I. II c. 52) und nach den Jerusalem Handschriften zusammengestellt und revidiert / V. N. Benešević // *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher*. Berlin : Verlag der «Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher», 1926–1927. Bd. 5. Heft 1–2. S. 97–167.
- Beševliev V.* Die Feldzüge des Kaisers Konstantin V. gegen die Bulgaren / V. Beševliev // *Études Balkaniques*. Sofia : Institut d'Études balkaniques, 1971. Т. 7. No. 3. P. 5–17.

Beševliev V. Zwei Versionen bei Theophanes und Nikephoros dem Patriarchen / V. Beševliev // RESEE. 1971. T. 9. No. 3. P. 363–367.

Bithynie au Moyen Âge / éd. par B. Geyer, J. Lefort. Paris : Éd. P. Lethiel-leux, 2003. 565 p.

Bivar A. D. H. Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier / A. D. H. Bivar // DOP. 1972. Vol. 26. P. 271–291.

Blöndal S. The Varangians of Byzantium. An aspect of Byzantine military history / S. Blöndal ; transl., revised and rewritten by B. S. Benedikz. Cambridge University Press, 1978. 242 p.

Bonner M. The Naming of the Frontier: Āwāšim, Thughūr, and the Arab Geographers / M. Bonner // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1994. Vol. 57. No. 1 : In Honour of J. E. Wansbrough. P. 17–24.

Bouchier E. S. A short history of Antioch 300 B.C. – A.D. 1268 / M. Bonner. Oxford : B. Blackwell, 1921. 324 p.

Brandes W. Finanzverwaltung in Krisenzeiten. Untersuchungen zur byzantinischen Administration im 6. – 9. Jahrhundert / W. Brandes. Frankfurt am Main : Löwenklau-Gesellschaft, 2002. 775 s.

Brandes W. Pejorative Phantomnamen im 8. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Quellenkritik des Theophanes und deren Konsequenzen für die historische Forschung / W. Brandes // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur / Hrsg. von L. M. Hoffmann. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2005. S. 93–125.

Βρανούση Ἐ. Οἱ ὄροι «Ἀλβανοὶ» καὶ «Ἀρβανῖται» καὶ ἡ πρώτη μνηεῖα τοῦ ὁμωνύμου λαοῦ τῆς Βαλκανικῆς εἰς τὰς πηγὰς τοῦ ΙΑ' αἰῶνος / Ἐ. Βρανούση // Βυζαντινά σύμμεκτα. Αθήνα, 1970. Τ. 2. Σ. 207–254.

Bréhier L. La transformation de l'empire byzantin sous les Héraclides / L. Bréhier // Journal de Savants. Nouvelle série. Paris : Librairie Hachette, 1917. P. 401–415, 445–453, 498–506.

Bréhier L. Les institutions de l'Empire byzantin / L. Bréhier. Paris : Éd. Albin Michel, 1949. 631 p.

Brooks E. W. The Emperor Zenon and the Isaurians / E. W. Brooks // EHR. 1893. Vol. 8. No. 30. P. 209–238.

Brooks E. W. The Campaign of 716–718, from Arabic Sources / E. W. Brooks // JHS. 1899. Vol. 19. P. 19–31.

Brooks E. W. Arabic Lists of Byzantine Themes / E. W. Brooks // JHS. 1901. Vol. 21. P. 67–77.

Brooks E. W. The sources of Theophanes and the Syriac chroniclers / E. W. Brooks // BZ. 1906. Bd. 15. P. 578–587.

Brown T. S. Gentlemen and officers: imperial administration and aristocratic power in Byzantine Italy, A.D. 554–800 / T. S. Brown. London : British School at Rome, 1984. 288 p.

Brownworth L. Lost to the West: the forgotten Byzantine Empire that rescued Western civilization / L. Brownworth. New York : Crown Publishers, 2009. 329 p.

Brubaker L. Byzantium in the Iconoclast Era (ca 680–850). The sources: an annotated survey / L. Brubaker, J. Haldon. Aldershot : Ashgate, 2001. 324 p.

Brubaker L. Byzantium in the Iconoclast Era (ca 680–850): a history / L. Brubaker, J. Haldon. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2011. 918 p.

Bryer A. The Byzantine monuments and topography of the Pontos / A. Bryer, D. Winfield. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1985. Vol. 1. 394 p.

Bury J. B. A history of Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.) / J. B. Bury. London ; New York : Macmillan and Co., 1889. Vol. 2. 579 p.

Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. With a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos / J. B. Bury. London : Pub. for the British academy by H. Frowde, 1911. 179 p.

Βυζαντινά στρατεύματα στη Δύση (5^{ος} – 11^{ος} αι.). Έρευνες πάνω στις χερσαίες και ναυτικές επιχειρήσεις: σύνθεση και αποστολή των βυζαντινών στρατευμάτων στη Δύση / συγ. Στ. Λαμπάκης, Μ. Λεοντσίνη, Τ. Λουγγής. Αθηνά : Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών, Ινστιτούτο Βυζαντινών Ερευνών, 2008. 498 σ.

Cambridge history of the Byzantine Empire c. 500–1492 / ed. by J. Shepard. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2008. 1207 p.

Cameron A. Rev.: Frank R. I. Scholae Palatinae: the Palace Guards of the Later Roman Empire. 259 p. Rome : American Academy, 1969 / A. Cameron // Classical Review. New Series. 1972. Vol. 22. Issue 1. P. 136–138.

Cameron A. Circus factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium / A. Cameron. Oxford : Clarendon Press, 1976. 364 p.

Canard M. Les expéditions des Arabes contre Constantinople dans l'histoire et dans la légende / M. Canard // Journal Asiatique. Recueil de mémoires et de notices relatifs aux études orientales. Paris : Publ. par la Société Asiatique, 1926. T. 208. No. 1. P. 61–121.

Canard M. Sur deux termes militaires byzantins d'origine orientale / M. Canard // Byz. 1970. T. 40 : Hommage au R.-J. Loenertz. P. 226–229.

- Chapot V.* Frontière de l'Euphrate de Pompée à la conquête arabe / V. Chapot. Paris : A. Fontemoing, 1907. 408 p.
- Charanis P.* Some Remarks on the Changes in Byzantium in the Seventh Century / P. Charanis // ЗПВИ. 1963. Кн. 8/1. P. 71–76.
- Charanis P.* The Armenians in the Byzantine Empire / P. Charanis. Lisbon : Calouste Gulbenkian Foundation, 1963. 63 p.
- Cheyne J.-Cl.* Du stratège de thème au duc: chronologie de l'évolution au cours du XIe siècle / J.-Cl. Cheynet // TM. 1985. T. 9. P. 181–194.
- Cheyne J.-Cl.* La mise en place des thèmes d'après les sceaux: les stratèges / J.-Cl. Cheynet // SBS. Berlin : W. De Gruyter, 2010. Vol. 10. P. 1–14.
- Cheyne J.-Cl.* Sealing Practices in the Byzantine Administration / J.-Cl. Cheynet, B. Caseau // Seals and sealing practices in the Near East : Proceedings of an international workshop at the Netherlands-Flemish Institute in Cairo on December 2–3, 2009 / éd. I. Regulski, K. Duistermaat, P. Verkinderen. Leuven : Ed. A. Peeters, 2012. P. 133–148.
- Croke B.* The Date of the «Anastasian Long Wall» in Thrace / B. Croke // GRBS. 1982. Vol. 23. P. 59–78.
- Croke B.* Leo I and the Palace Guard / B. Croke // Byz. 2005. T. 75. P. 117–151.
- D'Amato R.* The Varangian Guard, 988–1453 / R. D'Amato. Oxford : Osprey Publishing, 2010. 48 p.
- D'Amato R.* Byzantine imperial guardsmen (925–1025): the Tághmata and Imperial Guard / R. D'Amato. Oxford : Osprey Publishing, 2012. 64 p.
- Dain A.* «Touldos» et «Touldon» dans les traités militaires / A. Dain // Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire orientales et slaves. Brussels, 1950. T. 10 : Παγκάρπεια. Mélanges Henri Grégoire. Part 2. P. 161–169.
- Dain A.* Σάκκα dans les traités militaires / A. Dain // BZ. 1951. Bd. 44 : Festschrift Franz Dölger zum 60. Geburtstage gewidmet. P. 94–96.
- Dain A.* Les stratèges byzantins / A. Dain // TM. 1967. Vol. 2. P. 317–392.
- Darkó E.* Bölcs Leo Taktikájának hitelessége magyar történeti szempontból / E. Darkó // Értékezések a nyelv- és széptudományok köréből. Budapest : Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1915. K. 32. Nr. 4. 121 s.
- Darkó E.* Die militärischen Reformen des Kaisers Heracleios / E. Darkó // Actes du IVe Congrès international des études byzantines (Sofia, septembre 1934) / publ. sous la red. B. D. Filov. Sofia : Gouvernement publ., 1935. P. 110–116.
- Darkó E.* Influences touraniennes sur l'évolution de l'art militaire des Grecs, des Romains et des Byzantins / E. Darkó // Byz. 1935. T. 10. P. 443–469; 1937. T. 12. P. 119–147.

- Darkó E.* Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'empire romain aux premiers siècles du Moyen Âge / E. Darkó // *Byz.* 1946–1948. T. 18. P. 85–97.
- Dawson T.* Byzantine cavalryman, c. 900–1204 / T. Dawson. New York : Osprey Publishing, 2007. 64 p.
- Dawson T.* Byzantine infantryman: Eastern Roman empire c. 900–1204 / T. Dawson. New York : Osprey Publishing, 2007. 64 p.
- Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. 2. Aufl. / H. Delbrück. Berlin : Stilke Verlag, 1923. 3. Teil : Das Mittelalter. 708 s.
- Delehaye H.* Saints de Chypre / H. Delehaye // *AB.* 1907. T. 26. P. 161–301.
- Delehaye H.* Les recueils antiques des Miracles des Saints / H. Delehaye // *AB.* 1925. T. 43. P. 5–85, 305–325.
- Devreesse R.* Le patriarcat d'Antioche, depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe / R. Devreesse. Paris : Éd. par J. Gabalda, 1945. 340 p.
- Di Gangi G.* La Calabria bizantina (VI–XIV secolo): un evento di lunga durata / G. Di Gangi, C. M. Lebole // *Histoire et culture dans l'Italie byzantine. Acquis et nouvelles recherches / sous la dir. de A. Jacob, J.-M. Martin, G. Noyé.* Rome : École française de Rome, 2006. P. 471–487.
- Diehl Ch.* Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568–751) / Ch. Diehl. Paris : Éd. par E. Thorin, 1888. 421 p.
- Diehl Ch.* L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533–709). Paris : Éd. par E. Leroux, 1896. 639 p.
- Diehl Ch.* Rev.: Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899 // *BZ.* 1900. Bd. 9. P. 677–679.
- Diehl Ch.* L'origine du régime des thèmes dans l'empire byzantin // *Diehl Ch. Études byzantines.* Paris : Éd. par A. Picard et fils, 1905. P. 276–292.
- Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges: 115 Urkunden und 50 Urkundensiegel aus 10 Jahrhunderten / F. Dölger. München : Münchner Verlag, 1948. 361 s.
- Dölger F.* Zur Ableitung des byzantinischen Verwaltungsterminus θέμα / F. Dölger // *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte.* Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1955. Bd. 4. Heft 2–3. S. 189–198.
- Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. 2. Aufl., Reprint / F. Dölger. Hildesheim : G. Olms Verlag, 1960. 165 s.
- Donner F.* The Early Islamic Conquests / F. Donner. Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1981. 489 p.

- Dreyer E. L.* Zhao Chongguo: A Professional Soldier of China's Former Han Dynasty / E. L. Dreyer // *Journal of Military History*. 2008. Vol. 72. No. 3. P. 665–725.
- Dujčev I.* Markellai – Marcellae. Un toponyme latin méconnu / I. Dujčev // *RESEE*. 1966. T. 4. No. 3–4. P. 371–375.
- Durliat J.* Magister militum – στρατηλάτης dans l'Empire byzantin (VIe – VIIe siècles) / J. Durliat // *BZ*. 1979. Bd. 72. P. 306–320.
- Dussaud R.* Topographie historique de la Syrie antique et médiévale / R. Dussaud. Paris : P. Geuthner, 1927. 627 p.
- Eickhoff E.* Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie (650–1040) / E. Eickhoff. Berlin : W. De Gruyter, 1966. 438 s.
- Encyclopaedia of Islam* / ed. by P. J. Bearman, T. Bianquis, C. E. Bosworth and al. Leiden : E. J. Brill, 1960–2005. Vol. 1–12.
- Ensslin W.* Der Kaiser Herakleios und die Themenverfassung / W. Ensslin // *BZ*. 1953. Bd. 46. S. 362–368.
- Ensslin W.* The Emperor and imperial administration / W. Ensslin // *Byzantium*. An introduction to East Roman civilization / ed. by N. H. Baynes, H. Moss. Oxford : Clarendon Press, 1961. P. 294–307.
- Falkenhausen V. von.* Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert / V. von Falkenhausen. Wiesbaden : Verlag O. Harrassowitz, 1967. 221 s.
- Foss Cl.* Byzantine and Turkish Sardis / Cl. Foss. Harvard University Press, 1976. 216 p.
- Foss Cl.* Attius Philippus and the Walls of Side / Cl. Foss // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1977. Bd. 26. P. 172–180.
- Foss Cl.* Ephesus after antiquity: A late antique, Byzantine and Turkish city / Cl. Foss. New York : Cambridge University Press, 1979. 218 p.
- Foss Cl.* Byzantine Malagina and the Lower Sangarius / Cl. Foss // *Anatolian Studies*. 1990. Vol. 40. P. 161–183.
- Frank R. I.* Scholae palatinae. The palace guards of the Later Roman Empire / R. I. Frank. Rome : American Academy, 1969. 259 p.
- French D.* Legio III Gallica / D. French // *The Roman and Byzantine army in the East : Proceedings of a colloquium held at the Jagiellonian University, Krakow (September 1992)* / ed. by E. Dabrowa. Kraków : Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1994. P. 29–46.
- Gelzer H.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung / H. Gelzer. Leipzig : B. G. Teubner, 1899. 133 s.
- Glykatzī-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX–XI siècles / H. Glykatzī-Ahrweiler // *BCH*. 1960. Vol. 84. P. 1–111.

Górecki D. The Strateia of Constantine VII. The Legal Status, Administration and Historical Background / D. Górecki // BZ. 1989. Bd. 82. Heft 1. P. 157–176.

Graff D. A. Medieval Chinese warfare, 300–900 / D. A. Graff. London : Routledge, 2002. 288 p.

Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Παρακμή και πτώση του θεματικού θεσμού. Συμβολή στην εξέλιξη της διοικητικής και της στρατιωτικής οργάνωσης του Βυζαντίου από τον 10 αι. και εξής / Μ. Γρηγορίου-Ιωαννίδου // Επιστημονική επετηρίδα Φιλοσοφικής Σχολής. Τ. 58. Θεσσαλονίκη : Εκδ. Βάνιας, 1985. 165 σ.

Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Οι βυζαντινές κλεισούρες και κλεισουργαρχίες / Μ. Γρηγορίου-Ιωαννίδου // Βυζαντιακά. Θεσσαλονίκη, 1989. Τ. 9. Σ. 179–202.

Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Ο μόνιμος στρατιωτικός πυρήνας των βυζαντινών θεμάτων / Μ. Γρηγορίου-Ιωαννίδου // Εγνατία. Θεσσαλονίκη, 1990. Τ. 2. Σ. 229–243.

Grégoriou-Ioannidou M. Θέματα et τάγματα. Un problème de l'institution de thèmes pendant les Xe et XIe siècles / M. Grégoriou-Ioannidou // BF. 1993. Bd. 19 : Selected Papers of the Byzantine Moscow Congress, 1991 / ed. W. E. Kaegi. P. 35–41.

Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Γύρω από την πρώτη μνεία «θεμάτων» στον Θεοφάνη / Μ. Γρηγορίου-Ιωαννίδου // Βυζαντιακά. Θεσσαλονίκη, 1995. Τ. 15. Σ. 225–245.

Grosse R. Die Rangordnung der römischen Armee des 4. – 6. Jahrhunderts / R. Grosse // Klio. Beiträge zur alten Geschichte. Leipzig : Dieterichsche Verlagsbuchhandlung, 1918. Bd. 15. S. 122–162.

Grosse R. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung / R. Grosse. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1920. 346 s.

Guilland R. Contribution à l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. Le Drongaire et le Grand Drongaire de la Veille / R. Guilland // BZ. 1950. Bd. 43. P. 340–365.

Guilland R. Études sur l'histoire administrative de Byzance: Le Domestique des Scholes / R. Guilland // REB. 1950. T. 8. P. 5–63.

Guilland R. Le Commandant en chef des armées byzantines. (I). Stratège, monostatège, stratège-autokratôr / R. Guilland // Έπετηρίς Έταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. Αθήναι, 1959. Τ. 29. P. 35–77.

Guilland R. Candidat / R. Guilland // Polychronion. Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag / Hrsg. von P. Wirth. Heidelberg : C. Winter, 1966. P. 210–225.

Guilland R. La noblesse byzantine. Remarques / R. Guilland // REB. 1966. Vol. 24 : Mélanges Venance Grumel. Part 1. P. 40–57.

Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines / R. Guilland. Berlin ; Amsterdam : Akademie-Verlag, 1967. T. 1. 607 p.; T. 2. 397 p.

Guillou A. Régionalisme et indépendance dans l'empire byzantin au VIIe siècle. L'exemple de l'Exarchat et de la Pentapole d'Italie / A. Guillou. Roma : Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1969. 348 p.

Guillou A. Transformation des structures socio-économiques dans le monde byzantin du VIe au VIIIe siècle / A. Guillou // ЗПВИ. 1980. Кн. 19. P. 71–78.

Haldon J. F. Some Remarks on the Background to the Iconoclast Controversy / J. F. Haldon // BS. 1977. T. 38. Fasc. 2. P. 161–184.

Haldon J. F. Kudāma Ibn Dījāfar and the Garrison of Constantinople / J. F. Haldon // Byz. 1978. T. 48. Fasc. 1. P. 78–90.

Haldon J. F. Recruitment and Conscription in the Byzantine Army c. 550–950: a study on the origins of the stratiotika ktemata / J. F. Haldon. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. 84 p.

Haldon J. F. The Arab-Byzantine Frontier in the eighth and ninth centuries: military organization and society in the borderlands / J. F. Haldon, H. Kennedy // ЗПВИ. 1980. Кн. 19. P. 79–116.

Haldon J. F. Byzantine Praetorians. An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikion and the Tagmata, c. 580–900 / J. F. Haldon // Ποικιλὰ Βυζαντινὰ. Bonn : Dr. R. Habelt, 1984. Bd. 5. 669 p.

Haldon J. F. Ideology and social change in the seventh century: military discontent as a barometer / J. F. Haldon // Klio. Beiträge zur alten Geschichte. 1986. Bd. 68. P. 139–190.

Haldon J. F. Byzantium in the seventh century: the transformation of a culture / J. F. Haldon. Cambridge University Press, 1990. 486 p.

Haldon J. F. Military Service, Military Lands, and the Status of Soldiers: Current Problems and Interpretations / J. F. Haldon // DOP. 1993. Vol. 47. P. 1–67.

Haldon J. F. The state and the tributary mode of production / J. F. Haldon. London ; New York : Publ. by «Verso», 1993. 339 p.

Haldon J. F. Seventh-Century Continuities: the Ajnācl and the «Thematic Myth» / J. F. Haldon // Byzantine and Early Islamic Near East : Papers of the Third Workshop on Late Antiquity and Early Islam «States, Resources and Armies» / ed. A. Cameron. Princeton, N.J. : The Darwin Press Inc., 1995. P. 379–423.

- Haldon J. F.* Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204 / J. F. Haldon. London : UCL Press, 1999. 389 p.
- Haldon J. F.* Byzantium at war, A.D. 600–1453 / J. F. Haldon. New York : Osprey Publishing, 2003. 95 p.
- Haldon J. F.* Trouble with the Opsikion: Some Issues on the First Themata / J. F. Haldon // Κλητόριον : in memory of Nikos Oikonomides / ed. by F. Evangelatou-Notara, T. Maniati-Kokkini. Athens ; Thessaloniki : Publ. by «Vantias», 2005. P. 111–135.
- Haldon J. F.* The Palgrave atlas of Byzantine history / J. F. Haldon. New York : Publ. by Palgrave Macmillan, 2005. 187 p.
- Haldon J. F.* The Byzantine Empire / J. F. Haldon // Dynamics of ancient empires: state power from Assyria to Byzantium / ed. by I. Morris, W. Scheidel. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2009. P. 205–254.
- Haldon J. F.* The Byzantine wars: battles and campaigns of the Byzantine era / J. F. Haldon. The History Press, 2009. 235 p.
- Harrison F.* Byzantine history in the early middle Ages. The Rede lecture, delivered in the Senate House, Cambridge, June 12, 1900 / F. Harrison. London : Macmillan, 1900. 63 p.
- Hartmann L. M.* Geschichte Italiens im Mittelalter / L. M. Hartmann. Hildesheim : G.H. Wigands Verlag, 1900. Bd. 2. HBd. 1 : Die Loslösung Italiens vom Oriente. 387 s.
- Hartmann L. M.* Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540–750) / L. M. Hartmann. New York : Publ. by B. Franklin, 1959. 182 p.
- Haussig H. W.* Die Anfänge der Themenordnung / H. W. Haussig // Finanzgeschichte der Spätantike / Hrsg. F. Altheim, R. Stiehl. Frankfurt am Main : V. Klostermann, 1957. S. 82–114.
- Head C.* Justinian II of Byzantium / C. Head. Madison : University of Wisconsin Press, 1972. 181 p.
- Heath I.* Byzantine armies, 1118–1461 / I. Heath. London : Osprey Publishing, 1995. 48 p.
- Hellenkemper H.* Lykien und Pamphylien / H. Hellenkemper, F. Hild // TIB. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. Bd. 8. Teil 1. S. 416 s.
- Hendy M. F.* Studies in the Byzantine monetary economy, c. 300–1450 / M. F. Hendy. Cambridge University Press, 1985. 773 p.
- Herrin J.* The Context of the Iconoclastic Reform / J. Herrin // Iconoclasm : Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies (University of Birmingham, March 1975) / ed. by A. Bryer, J. Herrin. Birmingham : Centre for Byzantine Studies, University of Birmingham, 1977. P. 15–20.

Hild F. Kappadokien (Kappadokia, Charsianon, Sebasteia und Lykandos) / F. Hild, M. Restle // TIB. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. Bd. 2. 338 s.

Hild F. Kilikien und Isaurien / F. Hild, H. Hellenkemper // TIB. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. Bd. 5. 1. Teil. 465 s.

Hoffmann D. Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum / D. Hoffmann. Düsseldorf : Rheinland-Verlag, 1970. Bd. 2. 327 s.

Honigsmann E. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches: von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen / E. Honigsmann. Bruxelles : Ed. de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales, 1935. 269 p.

Hopwood K. Policing the hinterland: Rough Cilicia and Isauria / K. Hopwood // Armies and frontiers in Roman and Byzantine Anatolia : Proceedings of a colloquium held at University College, Swansea (April 1981) / ed. by S. Mitchell. Oxford : British Archaeological Reports, International Series, 1983. P. 173–187.

Howard-Johnston J. D. The Two Great Powers in Late Antiquity: A Comparison / J. D. Howard-Johnston // Byzantine and Early Islamic Near East : Papers of the Third Workshop on Late Antiquity and Early Islam «States, Resources and Armies» / ed. A. Cameron. Princeton, N.J. : The Darwin Press Inc., 1995. P. 157–226.

Howard-Johnston J. D. Byzantine Sources for Khazar History / J. D. Howard-Johnston // World of the Khazars: New Perspectives : Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium / ed. by P. B. Golden. Leiden ; Boston : Brill, 2007. P. 163–193.

Isaac B. The Meaning of the Term *limes* and *limitanei* / B. Isaac // Journal of Roman Studies. 1988. Vol. 78. P. 125–147.

Isaac B. The Limits of Empire. The Roman Army in the East / B. Isaac. New York : Oxford University Press, 1990. 492 p.

Isaac B. The Army in the Late Roman East: the Persian Wars and the Defense of the Byzantine Provinces / B. Isaac // Byzantine and Early Islamic Near East : Papers of the Third Workshop on Late Antiquity and Early Islam «States, Resources and Armies» / ed. A. Cameron. Princeton, N.J. : The Darwin Press Inc., 1995. P. 125–155.

Janin R. Les Turcs Vardariotes / R. Janin // EO. 1930. T. 29. P. 437–449.

Janin R. Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique / R. Janin // Archives de l'Orient chrétien. Vol. 4. Paris : Institut français d'études byzantines, 1950. 482 p.

- Jannaris A. N.* Κατεπάνω – Capitano – Captain / A. N. Jannaris // BZ. 1901. Bd. 10. S. 204–207.
- Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602. A social, economic, and administrative survey / A. H. M. Jones. Oxford : B. Blackwell, 1964. Vol. 1–3. 1518 p.
- Kaegi W. E.* The Byzantine Armies and Iconoclasm / W. E. Kaegi // BS. 1966. Vol. 27. Fasc. 1. P. 48–70.
- Kaegi W. E.* Some Reconsiderations on the Themes (Seventh-Ninth Centuries) / W. E. Kaegi // JÖBG. 1967. Bd. 16. S. 39–53.
- Kaegi W. E.* The First Arab Expedition against Amorium / W. E. Kaegi // BMGS. 1977. Vol. 3. P. 19–22.
- Kaegi W. E.* Byzantine Military Unrest 471–843: an Interpretation / W. E. Kaegi. Amsterdam : Publ. A. M. Hakkert, 1981. 373 p.
- Kaegi W. E.* Two Studies in the Continuity of Late Roman and Byzantine Military Institutions / W. E. Kaegi // BF. 1982. Bd. 8. P. 87–113.
- Kaegi W. E.* The «Annona militaris» in the Early Seventh Century / W. E. Kaegi // Βυζαντινά. Θεσσαλονίκη, 1985. T. 13/1: Δώρημα στον Ιωάννη Καραγιαννοπουλο. P. 590–596.
- Kaegi W. E.* Byzantium and the early Islamic conquests / W. E. Kaegi. Cambridge University Press, 1995. 313 p.
- Kaegi W. E.* Heraclius: Emperor of Byzantium / W. E. Kaegi. Cambridge University Press, 2003. 359 p.
- Καλομενόπουλος Ν. Ἡ Συμβολὴ τῆς Κρήτης εἰς τὸν ἀγῶνα / Ν. Καλομενόπουλος // Διαλέξεις της Εθνικῆς Εκατονταετηρίδος (1830–1930). Ἐν Αθήναις : Βιβλιοπωλείων Ι. Ν. Σιδέρη, 1930. Σ. 169–202.
- Καλομενόπουλος Ν. Η στρατιωτικὴ οργάνωσις της Ἑλληνικῆς αυτοκρατορίας του Βυζαντίου / Ν. Καλομενόπουλος. Ἐν Αθήναις : Σ. Κ. Βλαστού, 1937. 156 σ.
- Kaplan M.* Les Hommes et la terre à Byzance du VIe au XIe siècle. Propriété et exploitation du sol / M. Kaplan. Paris : Publications de la Sorbonne, 1992. 630 p.
- Karayannopoulos J.* Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung / J. Karayannopoulos // Byzantinisches Archiv. Heft 10. München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1959. 105 s.
- Karayannopoulos J.* Über die vermeintliche Reformtätigkeit des Kaisers Heraklios / J. Karayannopoulos // JÖBG. 1961. Bd. 10. S. 53–72.

Kazhdan A. P. Hagiographical Notes. (14). Collective Death and Individual Deeds / A. P. Kazhdan // *Byz.* 1986. T. 56. P. 148–170.

Kazhdan A. P. L'aristocrazia bizantina dal principio dell'XI alla fine del XII secolo / A. P. Kazhdan, S. Ronchey. Palermo : Sellerio editore, 1997. 430 p.

Kennedy H. The armies of the caliphs. Military and society in the early Islamic state / H. Kennedy. London ; New York : Routledge, 2001. 229 p.

Kennedy H. The Decline and Fall of the First Muslim Empire / H. Kennedy // *Der Islam: Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients*. 2004. Vol. 81. Issue 1. P. 3–30.

Kennedy H. The prophet and the age of the caliphates. The Islamic Near East from the sixth to the eleventh century. 2 ed. / H. Kennedy. Harlow : Pearson Longman, 2008. 419 p.

Koch P. Die Byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700. Inaugural-Dissertation der philosophischen Fakultät der Universität Jena zur Erlangung der Doktorwürde / P. Koch. Jena : Universitäts-Buchdruckerei G. Neuenhahn, 1903. 127 s.

Koder J. Zur Bedeutungsentwicklung des byzantinischen Terminus Thema / J. Koder // *JÖB*. 1990. Bd. 40. S. 155–165.

Konstantakopoulou A. L'éparque de Thessalonique: les origines d'une institution administrative (VIIIe – IXe siècles) / A. Konstantakopoulou // *Communications grecques présentées au Ve Congrès International des Études du Sud-Est européen* / éd. par T. Giochalas. Athènes : Comité national hellénique de l'Association internationale d'études du Sud-Est européen, 1985. P. 157–162.

Kountoura E. New Fortresses and Bishoprics in 8th century Thrace / E. Kountoura // *REB*. 1997. T. 55. P. 279–287.

Koutrakou N.-C. La propagande impériale byzantine: persuasion et réaction (VIIIe – Xe siècles) / N.-C. Koutrakou. Athènes : Université nationale d'Athènes, Faculté des lettres, 1994. 459 p.

Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata / H.-J. Kühn. Wien : Verlag Fassbaender, 1991. 326 s.

Külzer A. Ostthrakien (Eurōpē) / A. Külzer // *TIB*. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2008. Bd. 12. 782 s.

Kunselman D. E. Arab-Byzantine War, 629–644 A.D. Thesis Master of Military Art and Science / D. E. Kunselman. Fort Leavenworth : Army Command and General Staff College, 2007. 101 p.

Κυριακίδης Σ. Π. Βυζαντιναί Μελέται / Σ. Π. Κυριακίδης // *Επιστημονικές Επετηρίδες Φιλοσοφικής Σχολής, Πανεπιστημίου Θεσσα-*

λονίκης. Εν Θεσσαλονίκη : Εταιρεία Μακεδονικών Σπουδών, 1939. Τ. 3. Μερ. 1–5. 596 σελ.

Κυριακίδης Σ. Π. Προσθήκη εις τα περί της ετυμολογίας και σημασίας της βυζαντινής λήξεως ΘΕΜΑ / Σ. Π. Κυριακίδης // ΕΛΛΗΝΙΚΑ. 1954. Τ. 13. Σ. 338–339.

Laniado A. Recherches sur les notables municipaux dans l'Empire protobyzantin / A. Laniado. Paris : ACHCByz, 2002. 296 p.

Laurent V. Rev.: Karayannopoulos J. Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung (Byzantinisches Archiv, Heft 10). München, Beck, 1959. 105 p. / V. Laurent // REB. 1959. Τ. 17. P. 290–291.

Lawrence A. W. A Skeletal History of Byzantine Fortification / A. W. Lawrence // Annual of the British School at Athens. 1983. Vol. 78. P. 171–227.

Λεβενιώτης Γ. Α. Obsequentes – privatum obsequium – Obsequium – Obsequion – Opsicion – Οψίκιον. Η εξέλιξη ενός τεχνικού όρου και η πρόωπη περίοδος του «θέματος» Οψικίου / Γ. Α. Λεβενιώτης // ΦΙΛΟΤΙΜΙΑ : Τιμητικός τόμος για την ομότιμη καθηγήτρια Αλκμήνη Σταυρίδου-Ζαφράκα / Επιστ. επιμ. Θ. Κορρές. Θεσσαλονίκη : Εκδ. Βάνιας, 2011. Σ. 361–410.

Lecky W. E. H. History of European morals from Augustus to Charlemagne. 3 ed. / W. E. H. Lecky. New York : D. Appleton and Company, 1890. Vol. 2. 407 p.

Lemerle P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes / P. Lemerle // Revue historique. 1958. Τ. 219. P. 32–74, 254–284; Τ. 220. P. 43–94.

Lemerle P. Quelques remarques sur le règne d'Héraclius / P. Lemerle // Studi Medievali. Ser. 3. 1960. Nr. 1. P. 347–361.

Lemerle P. Thomas le Slave / P. Lemerle // TM. 1965. Vol. 1. P. 255–297.

Lemerle P. «Roga» et rente d'état aux Xe – XIe siècles / P. Lemerle // REB. 1967. Vol. 25 : Mélanges Venance Grumel (II). P. 77–100.

Lemerle P. The agrarian history of Byzantium from the origins to the twelfth century: the sources and problems / P. Lemerle. Galway University Press, 1979.

Λεοντσίνη Μ. Κωνσταντίνος Δ' (668–685). Ο τελευταίος πρωτοβυζαντινός αυτοκράτορας / Μ. Λεοντσίνη. Αθηνά : Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών, Ινστιτούτο Βυζαντινών Ερευνών, 2006. 280 σ.

Lilie R.-J. Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber. Studien zur Strukturwandlung des byzantinischen Staates im 7. und 8. Jahrhundert /

R.-J. Lilie. München : Institut für Byzantinistik und Neugriechische Philologie der Universität, 1976. 426 s.

Lilie R.-J. «Thrakien» und «Thrakesion». Zur byzantinischen Provinzorganisation am Ende des 7. Jahrhunderts / R.-J. Lilie // JÖB. 1977. Bd. 26. S. 7–47.

Lilie R.-J. Die zweihundertjährige Reform. Zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert / R.-J. Lilie // BS. 1984. T. 45. Fasc. 1. S. 27–39; Fasc. 2. S. 190–201.

Lilie R.-J. Araber und Themen. Zum Einfluss der arabischen Expansion auf die byzantinische Militärorganisation / R.-J. Lilie // Byzantine and Early Islamic Near East : Papers of the Third Workshop on Late Antiquity and Early Islam «States, Resources and Armies» / ed. A. Cameron. Princeton, N.J. : The Darwin Press Inc., 1995. S. 425–460.

Lilie R.-J. Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. (780–802). Mit einem Kapitel über Leon IV. (775–780) von I. Rochow / R.-J. Lilie. Frankfurt am Main : P. Lang Verlag, 1996. 435 s.

Lilie R.-J. Theophanes and Al-Ṭabarī on the Arab Invasions of Byzantium / R.-J. Lilie // Al-Ṭabarī: A Muslim Historian and His World / ed. by H. Kennedy. Princeton, N.J. : Darwin Press, Inc., 2008. P. 287–311.

Lot F. L'art militaire et les armées au Moyen Age en Europe et dans le Proche Orient / F. Lot. Paris : Éd. Payot, 1946. T. 1. 464 p.

Lounghis T. C. Sur la date du De thematibus / T. C. Lounghis // REB. 1973. T. 31. P. 299–305.

Ludwig Cl. «Who is Who» in the Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit? Problem of Identification in the Middle Byzantine Period / Cl. Ludwig // Prosopography approaches and applications: a handbook / ed. by K. Keats-Rohan. Oxford : Publ. by Unit for Prosopographical Research, Linacre College, University of Oxford, 2007. P. 241–251.

Mango C. Three inscriptions of the reigns of Anastasius I and Constantine V / C. Mango, I. Ševčenko // BZ. 1982. Bd. 65. P. 379–393.

Mango C. The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians / C. Mango // Okeanos : Essays presented to Ihor Ševčenko on his sixtieth birthday by his colleagues and students / ed. by C. Mango, O. Pritsak. Cambridge : Ukrainian Research Institute, Harvard University, 1984. P. 393–404.

Mango C. The Empress Helena, Helenopolis, Pylae / C. Mango // TM. 1994. T. 12. P. 143–158.

Maspero J. Organisation militaire de l'Égypte byzantine / J. Maspero. Paris : Éd. par H. Champion, 1912. 157 p.

Maspero J. Φοιδεῖσθαι et ἑστρατιῶται dans l'armée byzantine au VIe siècle / J. Maspero // BZ. 1912. Bd. 21. P. 97–104.

- McGeer E.* Infantry versus Cavalry: the Byzantine Response / E. McGeer // REB. 1988. T. 46. P. 135–145.
- McKitterick R.* Edward Gibbon and Empire / R. McKitterick, R. Quinault. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 351 p.
- Mihăescu H.* Les éléments latins des «Tactica-Strategica» de Maurice-Urbicius et leur écho en néo-grec / H. Mihăescu // RESEE. 1968. T. 6. No. 3. P. 481–498; 1969. T. 7. No. 1. P. 155–166; No. 2. P. 267–280.
- Η Μικρά Ασία των θεμάτων. Έρευνες πάνω στην γεωγραφική φυσιογνωμία και προσωπογραφία των βυζαντινών θεμάτων της Μικράς Ασίας (7^{ος} – 11^{ος} αι.) / συγ. Ε. Κουντούρα-Γαλάκη, Σ. Λαμπάκης, Τ. Λουγγής. Αθηνά : Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών, Ινστιτούτο Βυζαντινών Ερευνών, 1998. 538 σ.
- Millet G.* Sur les sceaux des commerciaux byzantins / G. Millet // Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger à l'occasion du quatre-vingtième anniversaire de sa naissance. Paris : Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1924. T. 2 : Numismatique, sigillographie et archéologie. P. 303–327.
- Mitard M.* Études sur le règne de Léon VI. (II) Note sur la fonction d'ἐκ προσώπου τῶν θεμάτων / M. Mitard // BZ. 1903. Bd. 12. P. 585–594.
- Mommsen T.* Das Römische Militärwesen seit Diocletian / T. Mommsen // Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung. 1889. Bd. 24. 1889. S. 195–279.
- Morris R.* The Powerful and the Poor in Tenth-Century Byzantium: Law and Reality / R. Morris // Past and Present. Oxford University Press, 1976. No. 73. P. 3–27.
- Nagel T.* Die islamische Welt bis 1500 / T. Nagel. München: R. Oldenbourg, 1998. 312 s.
- Neumann C.* La situation mondiale de l'empire byzantin avant les croisades / C. Neumann. Paris : Publ. par E. Leroux, 1905. 115 p.
- Niavis P. E.* The reign of the Byzantine Emperor Nicephorus I (802–811) / P. E. Niavis. Athens : Historical Publications S. D. Basilopoulos, 1987. 313 p.
- Nicolle D.* Romano-Byzantine armies 4th – 9th centuries / D. Nicolle. London : Osprey Publishing, 1992. 47 p.
- Oikonomides N.* A chronological note on the first Persian campaign of Heraclius (622) / N. Oikonomides // BMGS. 1975. Vol. 1. P. 1–9.
- Oikonomidès N.* Les premiers mentions des thèmes dans le chronique de Théophane // ЗРВИ. 1975. Кн. 16. P. 2–8.
- Oikonomidès N.* Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe – XIe s.). Athènes : Fondation nationale de la recherche scientifique, Institut de recherches byzantines, 1996. 319 p.

- Olster D. M.* The Politics of Usurpation in the Seventh Century. Rhetoric and Revolution in Byzantium / D. M. Olster. Amsterdam : Publ. by A. M. Hakker, 1993. 216 p.
- Oman C. W. C.* The Art of War in the Middle Ages, A.D. 378–1515 / C. W. C. Oman. Oxford : B. Blackwell, 1885. 134 p.
- Ostrogorsky G.* Sur la date de la composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure. À propos de la nouvelle édition du «De thematibus» de A. Pertusi / G. Ostrogorsky // Byz. 1953. T. 23. P. 31–66.
- Ostrogorsky G.* Korreferat zu A. Pertusi «La formation des thèmes byzantins» / G. Ostrogorsky // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress / Hrsg. von F. Dölger, H. G. Beck. München : C. H. Beck Verlag, 1958. S. 1–8.
- Ostrogorsky G.* L'exarchat de Ravenne et l'origine des thèmes byzantins / G. Ostrogorsky // VII Corso di cultura sull'arte ravennate e bizantina. Ravenna : Edizioni del Girasole, 1960. Fasc. 1. P. 105–110.
- Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates / G. Ostrogorsky. München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1963. 514 s.
- Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A. P. Kazhdan, A.-M. Talbot, A. Cutler et al. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1991. Vol. 1–3. 2232 p.
- Oxford handbook of Byzantine studies / ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. Oxford University Press, 2008. 1021 p.
- Papachryssanthou D.* Un confesseur du second iconoclasme. La Vie du patrice Nicétas († 836) / D. Papachryssanthou // TM. 1968. Vol. 3. P. 309–351.
- Pertusi A.* Nuova ipotesi sull'origine dei «temi» bizantini // Aevum. Milano : Università cattolica del Sacro Cuore, 1954. Vol. 28. Fasc. 2. P. 126–150.
- Pertusi A.* La formation des thèmes byzantins / A. Pertusi // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress / Hrsg. von F. Dölger, H. G. Beck. München : C.H. Beck Verlag, 1958. P. 1–16.
- Polemis D. I.* The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography / D. I. Polemis. London : Athlone Press, 1968. 228 p.
- Popović M. S.* The Project Tabula Imperii Byzantini (TIB) of the Austrian Academy of Sciences / M. S. Popović // Ostkirchliche Studien. Würzburg : Augustinus-Verlag, 2009. Bd. 58. Heft 2. P. 267–272.
- Potache D.* Le thème et la forteresse de Charsianon: recherches dans la région d'Akdagmadeni / D. Potache // Geographica Byzantina / sous la dir. H. Ahrweiler. Paris : Publ. de la Sorbonne, 1981. P. 107–117.
- Preiser-Kapeller J.* Die Verwaltungsgeschichte des byzantinischen Armenien vom 5. bis zum 7. Jahrhundert (Entstehung des Themas Armeniakon) / J. Preiser-Kapeller. Wien : Universität Verlag, 2001. 106 s.

Preiser-Kapeller J. Magister militum per Armeniam (ὁ τῶν Ἀρμενιάκων στρατηγός). Überlegungen zum armenischen Kommando im 6. und 7. Jahrhundert / J. Preiser-Kapeller // Wiener Byzantinistik und Neogräzistik. Beiträge zum Symposium «Vierzig Jahre Institut für Byzantinistik und Neogräzistik der Universität Wien im Gedenken an Herbert Hunger» (Wien, 4. – 7. Dezember 2002) / Hrsg. von W. Hörandner, J. Koder, M. A. Stassinopoulou. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004. S. 348–365.

Pringle D. The Defence of Byzantine Africa, from Justinian to the Arab Conquest. An account of the military history and archaeology of the African provinces the sixth and seventh centuries / D. Pringle. Oxford : British archaeological Records, 1981. Vol. 1. 339 p.

Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867) / Hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, nach Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt von R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, I. Rochow u. a. Berlin ; New York : W. de Gruyter, 1998–2002. 7 Bd. (Prolegomena ; Bd. 1–6).

Prosopography of the later Roman Empire / ed. by A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge ; London : Cambridge University Press, 1992. Vol. IIIA: A.D. 527–641 (Abdanes – ‘Iyād ibn Ghanm). 760 p.; Vol. IIIB: A.D. 527–641 (Kâlâdjī – Zudius). 814 p.

Pryor J. H. The Age of ΔΡΟΜΩΝ. The Byzantine Navy ca 500–1204 / J. H. Pryor, E. M. Jeffreys. Leiden ; Boston : Brill, 2006. 754 p.

Ram baud A. L’empire grec au dixième siècle Constantin Porphyrogénète. Repr. ed. 1890 / A. Ram baud. New York : B. Franklin, 1962. 544 p.

Ramsay W. M. The historical geography of Asia Minor / W. M. Ramsay. New York : Cambridge University Press, 2010. 495 p.

Rance P. The Fulcum, the Late Roman and Byzantine Testudo: the Germanization of Roman Infantry Tactics? / P. Rance // GRBS. 2004. Vol. 44. P. 265–326.

Rashev R. Remarks on the archaeological evidence of forts and fortified settlements in tenth-century Bulgaria / R. Rashev // Borders, barriers, and ethnogenesis. Frontiers in late Antiquity and the middle Ages / ed. F. Curta. Turnhout : Brepols Publishers, 2005. P. 51–58.

Ravegnani G. Gli esarchi d’Italia / G. Ravegnani. Roma : Aracne, 2011. 104 p.

Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453 / Bearb. von F. Dölger. 2. Aufl. unter Mitarb. von J. Preiser-Kapeller und

- A. Riehle, besorgt von A. E. Müller. München : Verlag C. H. Beck, 2009. 1. Teil. 1. HBd. : Regesten von 565–867. 261 s.
- Robert J.* Bulletin épigraphique / J. Robert, L. Robert // Revue des études grecques. 1979. T. 92. P. 413–541.
- Rochow I.* Kaiser Konstantin V. (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben / I. Rochow. Frankfurt am Main : P. Lang Verlag, 1994. 253 s.
- Roman eastern frontier and the Persian Wars / ed. by G. Greatrex, S. Lieu. New York : Routledge, 2002. Part 2 : A.D. 363–630 : A narrative sourcebook. 373 p.
- Roueché C.* The functions of the governor in Late Antiquity / C. Roueché // Antiquité tardive. Revue internationale d'histoire et d'archéologie (IVe – VIIIe siècles). Turnhout : Brepols, 1998. Vol. 6 : Les gouverneurs de province dans l'antiquité tardive. P. 31–36.
- Sander E.* Die Kleidung des römischen Soldaten / E. Sander // Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte. 1963. Bd. 12. Heft 2. S. 144–166.
- Sanz R.* La intervención bizantina en la España de Leovigildo / R. Sanz // Erytheia. Revista de Estudios Bizantinos y Neogriegos. Madrid : Asociación Cultural Hispano-Helénica, 1985. Núm. 6/1. P. 45–59.
- Savvides A. G.* The Secular Prosopography of the Byzantine Maritime Theme of the Carabisians / Cibyrraeots / A. G. Savvides // BS. 1998. T. 59. Fasc. 1. P. 24–45.
- Savvides A. G.* A prosopographical note on the Hikanatoi of Byzantium: from military term to family surname / A. G. Savvides // BMGS. 2001. Vol. 25. P. 221–229.
- Schilbach E.* Byzantinische Metrologie / E. Schilbach. München : Verlag C. H. Beck, 1970. 291 s.
- Schlumberger G.* Documents pour servir à l'histoire des thèmes byzantins: sceaux de plomb inédite de fonctionnaires provinciaux / G. Schlumberger // Revue archéologique. Paris : Société française d'archéologie classique, 1883. No. 3. P. 1–22.
- Schmitt O.* Untersuchungen zur Organisation und zur militärischen starke Oströmischer Herrschaft im Vorderen Orient zwischen 628 und 633 / O. Schmitt // BZ. 2001. Bd. 94. Heft 1. S. 197–229.
- Schreiner P.* Soldiers / P. Schreiner // Byzantines / ed. by G. Cavallo; transl. by Th. Dunlap, T. Fagan, Ch. Lambert. Chicago : University of Chicago Press, 1997. P. 74–94.
- Seibt W.* Die Skleroi: eine prosopographisch-sigillographische Studie / W. Seibt. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976. 127 s.

Seibt W. Bibliographie sélective de la sigillographie byzantine (avec un aperçu sur l'Orient latin et les pays slaves limitrophes de l'empire byzantin) / *W. Seibt* // *Revue française d'héraldique et de sigillographie*. Paris, 1990–1991. T. 60–61. P. 213–254.

Seibt W. Ἀρμενικὰ θέματα als terminus technicus der byzantinischen Verwaltungsgeschichte des 11. Jahrhunderts / *W. Seibt* // *BS*. 1993. T. 54. Fasc. 1. S. 134–141.

Semenov A. Über Ursprung und Bedeutung des Amtes der Logotheten in Byzanz / *A. Semenov* // *BZ*. 1910. Bd. 19. S. 440–449.

Shahîd I. The Iranian Factor in Byzantium during the Reign of Heraclius / *I. Shahîd* // *DOP*. 1972. Vol. 26. P. 293–320.

Shahîd I. Heraclius and the Theme System: New Light from the Arabic / *I. Shahîd* // *Byz*. 1987. T. 57. Fasc. 2. P. 391–406.

Shahîd I. Heraclius and the Theme System: Further Observations / *I. Shahîd* // *Byz*. 1989. T. 59. P. 208–243.

Shahîd I. Heraclius and the Unfinished Themes of Oriens: Some Final Observations / *I. Shahîd* // *Byz*. 1994. T. 64. P. 352–376.

Shahîd I. Heraclius and the Theme System Revisited the Unfinished Themes of Oriens / *I. Shahîd* // *Dark centuries of Byzantium (7th – 9th) : Proceedings of 9th International Symposium of Institute for Byzantine Research* / ed. E. Kountoura-Galake. Athens : National Research Foundation, 2001. P. 15–40.

Sophoulis P. Byzantium and Bulgaria, 775–831 / *P. Sophoulis*. Leiden ; Boston : Brill, 2012. 367 p.

Soustal P. Thrakien (Thrakē, Rodopē und Haimimontos) / *P. Soustal* // *TIB*. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1991. Bd. 6. 579 s.

Speck P. Kaiser Konstantin VI. Die Legitimation einer fremden und der Versuch einer eigenen Herrschaft. Quellenkritische Darstellung von 25 Jahren byzantinischer Geschichte nach dem ersten Ikonoklasmus / *P. Speck*. München: W. Fink Verlag, 1978. Bd. 1–2. 857 s.

Speck P. Das letzte Jahr des Artabasdos / *P. Speck* // *JÖB*. 1995. Bd. 45. S. 37–52.

Stade K. Der Politiker Diokletian und die letzte große Christenverfolgung / *K. Stade*. Wiesbaden : Kommissionsverlag Hofbuchhandlung H. Stadt, 1926. 190 s.

Stathakopoulos D. Famine and pestilence in the late Roman and early Byzantine empire: a systematic survey of subsistence crises and epidemics / *D. Stathakopoulos*. Aldershot : Ashgate Publishing, 2004. 417 p.

Stathakopoulos D. Crime and Punishment. The Plague in the Byzantine Empire, 541–749 / D. Stathakopoulos // *Plague and the end of antiquity: the pandemic of 541–750* / ed. by L. K. Little. New York : Cambridge University Press, 2007. P. 99–118.

Stavridou-Zafraka A. Slav Invasions and the Theme Organization in the Balkan Peninsula / A. Stavridou-Zafraka // *Βυζαντιακά. Θεσσαλονίκη*, 1992. T. 12. P. 167–179.

Stein E. Studien zur Geschichte des Byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus / E. Stein. Stuttgart : J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1919. 199 s.

Stein E. Introduction à l'histoire et aux institutions byzantines / E. Stein // *Traditio. Studies in ancient and medieval history, thought and religion* / ed. by S. Kuttner, A. Strittmatter, E. A. Quain. New York : Fordham University Press, 1949–1951. Vol. 7. P. 95–168.

Stratos A. N. Byzantium in the Seventh Century / A. N. Stratos / transl. by M. Ogilvie-Grantadolf. Amsterdam : Hakkert Publisher, 1968. Vol. I. 430 p.

Sullivan D. F. Byzantine military manuals. Prescriptions, practice and pedagogy / D. F. Sullivan // *The Byzantine World* / ed. by P. Stephenson. London ; New York : Routledge, 2010. P. 149–161.

Teall J. L. The Byzantine Agricultural Tradition / J. L. Teall // *DOP*. 1971. Vol. 25. P. 33–59.

Tobias N. Basil I, founder of the Macedonian Dynasty. A study of the political and military history of the Byzantine Empire in the Ninth century / N. Tobias. Lewiston ; New York : Edwin Mellen Press, 2007. 403 p.

Toumanoff C. Caucasia and Byzantium / C. Toumanoff // *Traditio. Studies in ancient and medieval history, thought and religion*. New York : Fordham University Press, 1971. Vol. 27. P. 111–158.

Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and his world / A. Toynbee. London : Oxford University Press, 1973. 768 p.

Treadgold W. T. Notes on the Numbers and Organization of the Ninth-Century Byzantine Army / W. T. Treadgold // *GRBS*. 1980. Vol. 21. P. 269–288.

Treadgold W. T. Remarks on the Work of Al-Jarmī on Byzantium / W. T. Treadgold // *BS*. 1983. T. 44. Fasc. 2. P. 205–212.

Treadgold W. T. The Military Lands and the Imperial Estates in the Middle Byzantine Empire / W. T. Treadgold // *Okeanos : Essays presented to Ihor Ševčenko on his sixtieth birthday by his colleagues and students* / ed. by C. Mango, O. Pritsak. Cambridge : Ukrainian Research Institute, Harvard University, 1984. P. 619–631.

- Treadgold W. T.* The Byzantine revival, 780–842 / W. T. Treadgold. Stanford University Press, 1988. 504 p.
- Treadgold W. T.* The break in Byzantium and the Gap in Byzantine Studies / W. T. Treadgold // BF. 1990. Bd. 15. P. 289–316.
- Treadgold W. T.* The Missing Year in the Revolt of Artavasdus / W. T. Treadgold // JÖB. 1992. Bd. 42. S. 87–93.
- Treadgold W. T.* Byzantium and its army, 284–1081 / W. T. Treadgold. Stanford University Press, 1995. 250 p.
- Treadgold W. T.* Standardized Numbers in the Byzantine Army / W. T. Treadgold // War in History. London : Sage Publications, 2005. Vol. 12. No. 1. P. 1–14.
- Tritle L. A.* Tatzates Flight and the Byzantine-Arab Peace Treaty of 782 / L. A. Tritle // Byz. 1977. T. 47 : Hommage à Ivan Dujčev. P. 279–300.
- Trombley F.* Operational methods of the Late Roman army in the Persian War of 572–591 / F. Trombley // The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab conquest : Proceedings of a Colloquium Held at Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005) / ed. A. S. Lewin, P. Pellegrini. Oxford : Archaeopress, 2007. P. 321–356.
- Tsougarakis D.* Byzantine Crete. From the 5th century to the Venetian Conquest / D. Tsougarakis. Athens : Historical Publications S. D. Basilopoulos, 1988. 462 p.
- Van Berchem D.* L'armée de Dioclétien et la réforme Constantinienne / D. Van Berchem. Paris : P. Geuthner, 1952. 136 p.
- Van Houts E. M.* The Ship List of William the Conqueror / E. M. Van Houts // Anglo-Norman Studies X : Proceedings of the Battle Conference 1987 / ed. by R. A. Brown. Woodbridge : Boydell Press, 1988. P. 159–183.
- Van Millingen A.* Byzantine Constantinople: the walls of the city and adjoining historical sites / A. Van Millingen. London : Publ. by J. Murray, 1899. 361 p.
- Varona Codeso P.* Miguel III (842–867). Construcción histórica y literaria de un reinado / P. Varona Codeso. Madrid : Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2009. 396 p.
- Vasiliev A. A.* Justin the First. An introduction to the epoch of Justinian the Great / A. A. Vasiliev. Cambridge : Harvard University Press, 1950. 439 p.
- Vogt A.* Basile Ier, empereur de Byzance (867–886) et la civilisation byzantine à la fin du IXe siècle / A. Vogt. Paris : Éd. par A. Picard et fils, 1908. 445 p.
- Walmsley A.* Economic Developments and the Nature of Settlement in the Towns and Countryside of Syria – Palestine, ca. 565–800 / A. Walmsley // DOP. 2007. Vol. 61. P. 319–352.

Westermeyer P. W. The development and decline of Romano-byzantine archery from the fourth to the eleventh centuries / P. W. Westermeyer. Ohio University Press, 1998. 54 p.

Whitby M. The Emperor Maurice and his historian. Theophylact Simocatta on Persian and Balkan warfare / M. Whitby. Oxford : Clarendon Press, 1988. 388 p.

Whittow M. The making of Byzantium, 600–1025 / M. Whittow. Berkeley : University of California Press, 1996. 477 p.

Winkelmann F. Probleme der informationen des al-Ġarmi über die byzantinischen Provinzen / F. Winkelmann // BS. 1982. T. 43. Fasc. 1. S. 18–29.

Winkelmann F. Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. Faktoren und Tendenzen ihrer Entwicklung / F. Winkelmann. Berlin : Akademie-Verlag, 1985. 152 s.

Yannopoulos P. Le couronnement de l'empereur à Byzance: rituel et fond institutionnel / P. Yannopoulos // Byz. 1991. T. 59. Fasc. 1 : Hommage à la mémoire de Maurice Leroy. P. 71–92. *Zachariae von Lingenthal K. E.* Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts / K. E. Zachariae von Lingenthal // BZ. 1894. Bd. 3. S. 437–457.

Ζακυθηνός Δ. Α. Βυζαντινή Ιστορία (324–1071) / Δ. Α. Ζακυθηνός. Αθήνα ; Γιάννινα : Εκδ. «Δωδώνη», 1989. 653 σ.

Ziemann D. Vom Wandervolk zur Großmacht. Die Entstehung Bulgariens im frühen Mittelalter (7. – 9. Jh.) / D. Ziemann. Köln : Böhlau Verlag, 2007. 544 s.

Zuckerman C. La haute hiérarchie militaire en Afrique byzantine / C. Zuckerman // Antiquité tardive. Revue internationale d'histoire et d'archéologie (IVe – VIIIe siècles). Turnhout : Brepols, 2002. Vol. 10 : L'Afrique vandale et byzantine (1re partie). P. 169–175.

Zuckerman C. Learning from the Enemy and More: Studies in «Dark Centuries» Byzantium / C. Zuckerman // Millennium. Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. / Hrsg. von W. Brandes und A. Demandt. München : W. De Gruyter, 2005. Bd. 2. P. 79–135.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	Античная древность и средние века
ВВ	Византийский временник
ВДИ	Вестник древней истории
ВИ	Вопросы истории
ЗРВИ	Зборник радова Византолошког института
ИРАИК	Известия Русского Археологического института в Константинополе
AB	Analecta Bollandiana
ВСН	Bulletin de correspondance hellénique
BF	Byzantinische Forschungen. Internationale Zeitschrift für Byzantinistik
BMGS	Byzantine and Modern Greek studies
BS	Byzantinoslavica
Byz.	Byzantion. Revue internationale des études byzantines
BZ	Byzantinische Zeitschrift
CFHB	Corpus fontium historiae Byzantinae
CSHB	Corpus scriptorum historiae Byzantinae
DOP	Dumbarton Oaks Papers
EHR	English Historical Review
EO	Échos d'Orient. Revue d'histoire de géographie et de litur- gie orientales
GRBS	Greek, Roman and Byzantine Studies
JHS	Journal of Hellenic Studies
JÖB	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
JÖBG	Jahrbuch der Österreichischen byzantinistischen Gesell- schaft

ODB	Oxford Dictionary of Byzantium
PG	Patrologiae cursus completus, Series graeca
RE	Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung
REB	Revue des études byzantines
RESEE	Revue des études sud-est européennes
SBS	Studies in Byzantine Sigillography
TIB	Tabula Imperii Byzantini
TM	Travaux et mémoires

Сокращенные названия каталогов моливдовулов и просопографических справочников

Степанова, 2006 – Степанова Е. В. Печати с латинскими и греко-латинскими надписями VI–VIII вв. из собрания Эрмитажа. СПб., 2006.

Asia Minor, 1998 – Η Μικρά Ασία των θεμάτων. Έρευνες πάνω στην γεωγραφική φυσιογνωμία και προσωπογραφία των βυζαντινών θεμάτων της Μικράς Ασίας (7^{ος} – 11^{ος} αι.) / συγ. Ε. Κουντούρα-Γαλάκη, Σ. Λαμπάκης, Τ. Λουγγής. Αθηνά, 1998.

Dumbarton Oaks Seals 1 – Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art / ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, D.C., 1991. Vol. 1 : Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea.

Dumbarton Oaks Seals 3 – Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art / ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, D.C., 1996. Vol. 3 : West, Northwest, and Central Asia Minor and the Orient.

Dumbarton Oaks Seals 4 – Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art / ed. by E. McGeer, J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, D.C., 2001. Vol. 4 : The East.

Konstantopoulos, JIAN – Κωνσταντόπουλος Κ. Μ. Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα ἐν τῷ Ἐθνικῷ Νομισματικῷ Μουσείῳ Ἀθηνῶν // Journal international d'archéologie numismatique. Athènes, 1902. T. 5.

P. 149–164, 189–228; 1903. T. 6. P. 49–88, 333–364; 1904. T. 7. P. 161–176, 255–310; 1905. T. 8. P. 53–102, 293–322; 1906. T. 9. P. 61–146; 1907. T. 10. P. 47–112.

PLRE IIIA – Prosopography of the later Roman Empire / ed. by A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge ; London, 1992. Vol. IIIA : A.D. 527–641 (Abandanes – ‘Iyād ibn Ghanm).

PLRE IIIB – Prosopography of the later Roman Empire / ed. by A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge ; London, 1992. Vol. IIIB : A.D. 527–641 (Kālādji – Zudius).

PmbZ – Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867) / Hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, nach Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt von R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, I. Rochow u. a. Berlin ; New York, 1998–2002. 7 Bd. (Prolegomena ; Bd. 1–6).

Zacos, Veglery – Zacos G, Veglery A. Byzantine lead seals. Basel ; Glückstadt, 1972–1985. Vol. 1. Part 1 (Nos. 1–1095); Part 2 (Nos. 1096–2671A); Part 3 (Nos. 2672–3231); Part 4 (Plates).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Историография военно-административных структур Византийской империи (VII – середина XI в.)	12
Военная теория и военная терминология в исследованиях по истории византийской армии	12
Вооруженные силы ранней Византии: основные тенденции развития	25
Дискуссия о возникновении «фемной системы»	32
Глава 2. Регулярные контингенты византийских вооруженных сил (VII – первая половина X в.)	55
Scholae palatinae и регулярные войска византийских фем в VII – первой половине VIII в.	55
Военная реформа Константина V: создание регулярных тагм	74
Регулярные тагмы в период внутривосточного кризиса 775–820 гг.	99
Глава 3. Византийская военно-административная система в середине VIII – середине IX в.: период «классической» фемы	120
Заключение	145
Примечания	150
Список источников и литературы	237
Список сокращений	273

Научное издание

Мохов Антон Сергеевич

ВИЗАНТИЙСКАЯ АРМИЯ В СЕРЕДИНЕ VIII – СЕРЕДИНЕ IX В.:
РАЗВИТИЕ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУР

Редактор С. Г. Галинова
Оригинал-макет А. С. Мохов

Подписано в печать 18.11.2013. Формат 60 × 84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 14,0.
Тираж 500 экз. Заказ 2905

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: + (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

